

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3'93

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

598 Багдановіч А. Г. Ідэя дзяржаўнасці ў нацыянальна-вызваленчым руху Беларусі ў пачатку XX ст. (1900—1917).....	3
607 Байлукова А. М. Грамадскія арганізацыі інтэлігенцыі ў пачатку XX ст. на Беларусі.....	6
600 Давідовіч А. В. Палітычная дзейнасць З. Х. Жылуновіча (1917— пач. 1918 г.)	9
607 Загорульскі Э. М. Праверка адной з гіпотез пачатку славян.....	12
602 Гануш А. Г. Археаграфічная дзейнасць М. В. Доўнар-Запольскага	15
60 Сурта Е. Н. Хрысціянства в античной Галлии	18

ФІЛАСОФІЯ

60 Усманова А. Р. Семиотическая модель универсума культуры в концепции У. Эко.....	21
607 Шалькевіч В. Ф. Філасофія Канта ў Беларусі ў першай трэці XIX ст.	24
608 Глушакова Т. І. Культурна-гістарычныя аспекты фарміравання беларускай школы абразавання (XI—XVI стст.)	26
60 Мамаразаков М. С. Мусульманская дыяспора в Беларуси: проблема культуры	29
608 Круглов А. А. Религиозная обстановка в Республике Беларусь в современных условиях	31

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

60 Курбык Т. И. Ральф Дарендорф о классовом конфликте и конфликтной модели общества	37
610 Божанов В. А. Государственные служащие в СССР: историческая судьба социального слоя	40
60 Ионов И. Н. Логико-методологический анализ проблемы реконструкции общественного сознания	43

ЭКАНОМІКА

61 Яценко С. Е. О категориях политической экономии.....	46
61 Благуш И. С. О значении анализа регулируемых экономических систем	50
61 Черченко Н. В. Маркетинг в современной рыночной экономике.....	53
61 Петровская Л. М. Экономическая активность рыночных субъектов	56

ПРАВА

61 Барков А. В. Новая концепция Особенной части Уголовного кодекса Беларуси	59
61 Хомич В. М. Новое в содержании уголовной ответственности и наказания в проекте Уголовного кодекса Республики Беларусь	62

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКИ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

61 Устав партии белорусских федералистов	67
61 Бусько В. М. Адлюстраванне ў эканамічнай думцы Беларусі 20-х гг. поглядаў сацыял-дэмакратаў на рынак.....	69

НОВАЕ Ў НАВУЧАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ

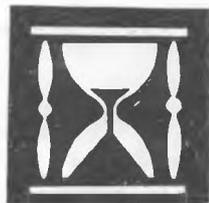
61 Решетников С. В. Начало и перспективы изучения политологии в университете.....	72
---	----

РЭЦЭНЗІІ

61 Осипаў А. І., Старжынскі В. П. Філасофія: кароткі курс лекцый	75
61 Соколова Г. Н. Т. Г. Румянцева. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке.....	75
61 Гончар В. И. А. Г. Тиковенко. Авторитет власти: прошлое и настоящее.....	76

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

61 Пётр Аляксеевіч Шупляк.....	78
--------------------------------	----

А. Г. БАГДАНОВІЧ

ІДЭА ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў НАЦЫЯНАЛЬНА-ВЫЗВАЛЕНЧЫМ РУХУ БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ ХХ СТ. (1900—1917)

Шлях беларускага народа да нацыянальнай незалежнасці быў складаны і цяжкі. На працягу многіх стагоддзяў ён знаходзіўся пад жорсткім уціскам спачатку з боку польскіх, потым рускіх прыгнятальнікаў. Афіцыйна на пачатку ХХ ст. Беларусі не было, а быў «Северо-западный край» Расійскай імперыі. Царскі ўрад, захапіўшы ў свае рукі Беларусь пасля падзелу Рэчы Паспалітай, упэўніў сябе і імкнуўся ўпэўніць іншых, што Беларусь ёсць «истинно русский край». Як сцвярджаў С. Ю. Вітэ: «Западный край — колыбель русской народности, русской государственности, языка и веры»¹. Таму ўся палітыка царскага ўраду зводзілася да таго, каб канчаткова замацаваць Беларусь за Расіяй у якасці «северо-западных» губерній імперыі.

З другога боку, на Беларусі адчуваўся і польскі ўплыў. Беларусь, на думку польскіх нацыянальных дзеячоў, — гэта «крэсы ўсходне» Польшчы, гэта Белапольска, гэта спрадвечная польская краіна. Становішча ўскладнялася тым, што ў барацьбу расійскага і польскага нацыяналізму на Беларусі ўмешвалася рэлігійнае пытанне. Расійскі ўрад выкарыстоўваў праваслаўную веру для барацьбы за ўплыў Расіі, польскі нацыяналізм, як вядома, са свайго боку, выкарыстоўваў каталіцызм.

Нягледзячы на варожасць ва ўзаемных адносінах, расійскі і польскі нацыяналізм сходзіліся ў адным. Аднолькава непрыхільнай, як для Расіі, так і для Польшчы, была думка аб тым, што беларускі народ, як і кожны народ, мае права на самастойнае развіццё, а значыць, і права на будаванне ўласнай незалежнай дзяржавы.

Між тым на пачатку ХХ ст. беларускі вызваленчы рух усё больш заяўляе аб сабе. У гэты час ажыўляецца дзейнасць нацыянальнай інтэлігенцыі, з'яўляюцца першыя ачагі нацыянальнага руху, прадпрымаюцца спробы стварыць масавыя нацыянальныя арганізацыі. Першай такой арганізацыяй, заснаванай у 1902 г. у Пецярбурзе групай студэнтаў-беларусаў, была Беларуска-рэвалюцыйная грамада. У 1903 г. на сваім з'ездзе Грамада прыняла першую праграму. З'езд выказаўся за тэрытарыяльную аўтаномію Беларусі ў складзе Расіі, за скліканне сойму ў Вільні, за культурна-нацыянальную аўтаномію для нацыянальных меншасцяў, што насяляюць Беларусь. Як зазначаў адзін з арганізатараў Грамады Антон Навіна (А. Луцкевіч), «вера ў магутнасць расійскага дзяржаўнага арганізму была такая моцная, што ніхто і не думаў, каб рэвалюцыя магла б такога волата разваліць: жаданую волю ўсе народы, а ў тым ліку і беларусы, бачылі ў «аўтаноміі акраін Расійскай імперыі»². Але паступова рэвалюцыйны рух усё больш ахопліваў «акраіны». І гэтыя так званыя акраіны паступова замяняюць лозунг краёвага самакіравання лозунгам перабудовы Расійскай дзяржавы на федэратыўных асновах.

У 1906 г. на другім з'ездзе Грамада ўдакладняе сваю праграму. Згодна з новай яе рэдакцыяй Беларусь становіцца аўтаномнай рэспублікай, гэта значыць — дзяржавай з Соймам у Вільні. Зразумела, што гэты праект мог ажыццявіцца толькі ў тым выпадку, калі сама Расія стане рэспублікай. Шлях да беларускай дзяржаўнасці ішоў праз ліквідаванне расійскага самадзяржаўя.

На змену краёвай аўтаноміі ў грамадска-палітычнай думцы Беларусі прыходзіць прынцып дзяржаўнага будаўніцтва краю ў федэрацыі з суседзямі, федэ-

рацыі «вольных з вольнымі». Але пакуль што, згодна з праграмай Грамады, Беларусь павінна заставацца «ў межах супольнага дзяржаўнага арганізму — Расейскага государства»³.

Менавіта пошук апоры ў суседзяў характарызуе палітычную работу беларусаў да 1905 г. У якасці такіх суседзяў, магчымых саюзнікаў па федэрацыі ці канфедэрацыі, разглядаліся Літва, Украіна і Латвія. На першым месцы тут стаяла Літва, з якой Беларусь некалі складала адну дзяржаву. Менш агульных інтарэсаў мела Беларусь з Польшчай, у збліжэнні з якой беларускія нацыянальныя дзеячы бачылі небяспеку дэнацыяналізацыі.

Рэвалюцыя 1905—1907 гг. мела выключна важнае значэнне ў жыцці беларускага народа. Яна паказала, што яго сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне залежыць ад свядомасці, згуртаванасці і рашучасці дамагацца свабоды. Пасля паражэння рэвалюцыі яшчэ больш узмацніліся паліцэйскія рэпрэсіі, але стрымаць рэвалюцыйную і нацыянальна-вызваленчую барацьбу яны ўжо не маглі.

У часы рэакцыі (1907—1914) увага беларускіх дзеячоў была звярнута на нацыянальна-культурную працу. «Знік партыец-рэвалюцыянер, яго месца заняў нацыянальны адраджэнец», — піша гісторык У. Ігнатоўскі⁴. Газета «Наша Ніва» на доўгі час робіцца адзіным цэнтрам беларускага нацыянальнага жыцця. Разам з тым пашыраецца кола прафесійных, грамадска-культурных аб'яднанняў (Беларускі настаўніцкі саюз, Гродзенскі гурток беларускай моладзі, Беларускі навукова-літаратурны гурток студэнтаў у Пецярбурзе, выдавецкія, кааператыўна-гаспадарчыя суполкі і г. д.). Гэта была сапраўдная «нашаніўская» эпоха. «Наша Ніва» стала цэнтрам гуртавання культурна-асветніцкіх сіл, цэлай плеяды пісьменнікаў і буйных грамадска-палітычных дзеячоў, нацыянальных ідэолагаў.

Што ж датычыцца ідэй нацыянальнай дзяржаўнасці, то патрэбна зазначыць наступнае: увесь перыяд ад рэвалюцыі 1905—1907 гг. і да пачатку першай сусветнай вайны беларуская грамадска-палітычная думка далей развівала выпрацаваны Грамадой прынцып федэрацыі вольнай Беларусі з вольнымі суседзямі. Але, супрацоўнічаючы з такімі суседзямі, як Літва, Украіна і Латвія, беларускія палітыкі не разрываюць сувязі з Расіяй, усё яшчэ застаюцца ў межах супольнага дзяржаўнага арганізму — «Расійскага гаспадарства». Яны актыўна працуюць над тым, каб і расійская грамадскасць прызнала прынцып федэрацыі і змагалася за яго.

Далейшае развіццё нацыянальна-вызваленчага руху праходзіла ва ўмовах першай сусветнай вайны. Пасля адыходу расійскай арміі ў 1915 г. беларускі край быў рассечаны фронтам па лініі Дзвінск — Паставы — Баранавічы — Пінск, у выніку чаго пад уладу нямецкіх акупантаў трапілі Віленская, Гродзенская і частка Мінскай губерні. Другая частка Беларусі (Віцебская, Магілёўская і частка Мінскай губерні) засталася пад уладай Расіі.

У кіруючых колах беларускага нацыянальнага руху адносіны да вайны не былі адназначныя. Некаторыя з нацыянальных дзеячоў меркавалі, што аб'яднанне ўсіх паднявольных народаў дзеля абароны Расійскай дзяржавы ў час вайны будзе пасля перамогі залогам перабудовы яе дзяржаўнага ладу на прынцыпах федэралізму. Іншыя дзеячы, наадварот, лічылі, што ў выпадку перамогі Расіі ў вайне самадзяржаўны лад яшчэ больш умацуецца і яшчэ больш жорстка будзе весці палітыку нацыянальнага ўціску «інародцаў». Таму яны жадалі разгрому Расіі ў вайне, што павінна было выклікаць уздым народных мас на барацьбу супраць царскай улады.

На захопленай частцы Беларусі немцы праводзілі двурушніцкую палітыку: акаталічаным беларусам, якіх называлі палякамі, абцягалі адраджэнне Польшчы, а беларусам і літоўцам — утварэнне сваіх дзяржаў. У адозве акупацыйных улад да жыхароў Вільні, падпісанай графам Пфайлем, гаварылася, што «нямецкія войскі шчыра спачуваюць польскаму насельніцтву», а ў лісце да генерала Людэндорфа рэкамендавалася яму, «каб вялося змаганне з польскім уплывам і каб падтрымліваліся іншыя нацыянальнасці (літоўцы, беларусы, яўрэі)»⁵.

Немцы не мелі намеру дазваляць беларусам утвараць свае дзяржаўныя органы. Больш таго, акупацыйныя ўлады скептычна ставіліся да магчымасцей беларускага нацыянальнага руху. Германскі дарадчык па беларускіх справах фон Бекерат адзначаў у запісцы да галоўнакамандуючага Усходняй нямецкай арміяй: «Беларусы ніколі не выказвалі імкнення да дзяржаўнай самастойнасці... Некаторыя імкненні сепаратыстычныя, якія развіваюць некалькі археолагаў і літаратараў з Вільні, трэба залічыць да мясцовых спраў, не маючых палітычнага значэння...»⁶.

Нягледзячы на цяжкасці, нацыянальныя дзеячы, якія засталіся на акупіраваных немцамі беларускіх землях, працягвалі працу па адраджэнню дзяржаўнасці краю. Значную ролю ў гэтай пачэснай справе адыгралі браты Іван і Антон Луцкевічы, Алаіза Пашкевіч (Цётка), Вацлаў Ластоўскі, Язэп Салавей і іншыя.

Іх мэтаю было дасягненне незалежнасці Літвы і заходняй часткі Беларусі ў дзяржаўнай форме Вялікага княства Літоўскага з соймам у Вільні. Так, па ініцыятыве беларусаў у канцы 1915 г. было дасягнута пагадненне з прадстаўнікамі літоўцаў, палякаў і яўрэяў аб стварэнні Канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага. 15 снежня 1915 г. Часовай радай канфедэрацыі быў выдадзены «Універсал». У гэтым дакуменце сцвярджалася, што літоўскія, польскія і яўрэйскія арганізацыі прыступілі да будавання канфедэрацыі на аснове незалежнасці Літвы і Беларусі як адзінай дзяржавы, якая «засцеражэ ўсім нацыям у яе межах усе правы»⁷.

Праз некаторы час, у лютым 1916 г., на чатырох мовах была распаўсюджана лістоўка-адозва «Грамадзяне». Адозва падрабязна развівала палітычны лозунг канфедэрацыі: прадугледжвалася стварэнне літоўска-беларускай дзяржавы ў межах Ковенскай, Віленскай і часткі Мінскай губерняў з поўным забеспячэннем правоў усім нацыям на гэтых землях, скліканне ўстаноўчага сойму ў Вільні, выбранага на аснове ўсеагульных, роўных і прамых выбараў. Устаноўчы сойм павінен быў зацвердзіць форму дзяржаўнага ладу і канстытуцыю⁸. І універсал, і адозва імкнуліся да незалежнасці толькі часткі беларускіх зямель (той, што была акупіравана немцамі) і да таго ж у саюзе з літоўцамі. Было немагчыма ва ўмовах акупацыі нават думаць аб дзяржаве, куды б увайшла ўся Беларусь.

Ідэя канфедэрацыі так і не ажыццявілася. Германскі ўрад не быў зацікаўлены ў стварэнні Вялікага княства Літоўскага. Больш таго, германскае камандаванне, уступіўшы ў Вільню, заявіла, што літоўска-беларускія землі належаць «польскай кароне»⁹. У сувязі з гэтым мясцовыя польскія памешчыкі і ксяндзы, карыстаючыся падтрымкай акупантаў, увогуле арыентаваліся на стварэнне Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. Настойліва прапагандавалася ідэя: усякі католік ёсць паляк. Тая частка Беларусі, на якой было распаўсюджана каталіцтва, стала камем спатыкнення паміж палякамі, літоўцамі і беларусамі. Спрэчка па гэтаму пытанню прывяла да распаду так званага «Вялікага княства Літоўскага». Двусэнсоўную пазіцыю займалі літоўцы, якія больш імкнуліся да саюза з латышамі, чым з беларусамі. Нарада прадстаўнікоў літоўцаў і латышоў, што адбылася 6 студзеня 1916 г. у Коўне, утварыла «Галоўны Літоўскі Народны Камітэт» і абвясціла незалежнасць зямель былога Вялікага княства Літоўскага. Новая незалежная дзяржава павінна была складацца з дзвюх аўтаномных адзінак — Літвы і Латвіі. Праўда, прадугледжвалася, што беларусы таксама могуць далучыцца да гэтай дзяржавы, «як трэцяя аўтаномная складовая часць»¹⁰.

Але і гэтыя праекты не ажыццявіліся. Літоўскія, беларускія і латышскія палітыкі хутка забыліся аб сваіх сумесных планах і прыступілі кожны паасобку да здабывання незалежнасці свайму народу.

Зазначым, што не ўсе беларускія нацыянальныя дзеячы падтрымлівалі ідэю дзяржаўнасці ў выглядзе Вялікага княства Літоўскага. Так, група на чале з Вацлавам Ластоўскім, якая заснавала летам 1916 г. у Вільні арганізацыю «Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі», прапанавала стварыць незалежную дзяржаву — Беларусь — у яе этнаграфічных межах. «Сувязь незалежнасці і непадзельнасці» выступала як супраць канфедэрацыі Беларусі з Літвой, так і супраць аўтаноміі Беларусі ў складзе Расіі.

Па-іншаму ставіліся да будучыні Беларусі прадстаўнікі левай плыні нацыянальна-вызваленчага руху, якія пасля акупацыі Заходняй Беларусі працягвалі сваю дзейнасць у Маскве. А. Бурбіс лічыў, што ўмовы акупацыі не даюць ніякіх надзеяў на магчымасць нацыянальнага вызвалення краю. Бурбіс стаяў на пазіцыі паражэння царызму ў вайне. Ён больш за ўсё асцерагаўся перамогі ў вайне царскай Расіі, што, на яго думку, паставіла б «крыж над вызваленнем Беларусі...»¹¹.

У 1916 г. беларусы ўпершыню выносяць пытанне аб сваёй дзяржаўнасці на міжнародную арэну. Менавіта ў гэты час у Вільні быў створаны «Цэнтральны саюз беларускіх нацыянальных грамадскіх арганізацый», які накіраваў сваіх прадстаўнікоў на Канферэнцыю народаў Расіі, што адбылася ў маі 1916 г. у Стакгольме. Найважнейшымі вынікамі канферэнцыі сталі заява аб стварэнні «Лігі інародцаў Расіі», а таксама адпраўка тэлеграмы да прэзідэнта Злучаных Штатаў Амерыкі В. Вільсана. У гэтай тэлеграме прадстаўнікі розных народаў выказвалі свае прэтэнзіі да расійскага ўрада. Беларусы, у прыватнасці, абвінавачвалі ўлады імперыі ў імкненні да асіміляцыі беларускага насельніцтва, інфармавалі грамадскасць аб цяжкім становішчы, у якім апынулася іх Бацькаўшчына ў час вайны.

Беларуская дэлегацыя ўдзельнічала таксама ў III кангрэсе нацый, што праходзіў 27—29 чэрвеня ў Лазанне. Галоўным дакументам кангрэса была Дэкларацыя правоў нацыі. Яе артыкулы прадугледжвалі абарону правоў асобы як часткі нацыі, абарону калектыўных правоў нацыі, права на культурна-на-

цыянальную аўтаномію і імунітэт нацыі супраць эканамічнай эксплуатацыі. Беларуская дэлегацыя прадставіла мемарандум, у якім былі сфармуляваны палітычныя патрабаванні беларускага нацыянальнага руху аб утварэнні беларускай дзяржавы. Заканчваўся гэты мемарандум зваротам да еўрапейскіх нацый са спадзяваннем, што яны дапамогуць «забяспечыць Беларусі ўсе яе палітычныя і культурныя правы, што яны дадуць нашаму народу магчымасць вольна развіваць свае разумовыя, маральныя і эканамічныя сілы і гэтыя правы дазваляць нам стаць гаспадарамі на сваёй уласнай зямлі»¹².

У выніку дзейнасці беларускіх прадстаўнікоў на канферэнцыі ў Стакгольме і на кангрэсе нацый у Лазанне народы Еўропы і ўсяго свету ўпершыню пачулі галосную заяву аб тым, што Беларусь жыве і жадае існаваць далей у якасці самастойнай дэмакратычнай дзяржавы. Гэта быў першы выхад Беларусі на міжнародную арэну.

Такім чынам, у пачатку ХХ ст. пытанне нацыянальнай дзяржаўнасці займае цэнтральнае месца ў грамадска-палітычнай думцы Беларусі. Падыходы да вырашэння гэтага сапраўды набалелага пытання былі розныя: ад поўнага адмаўлення права Беларусі на будаванне ўласнай дзяржавы (з боку рускага і польскага нацыяналізму) да патрабавання поўнай дзяржаўнай незалежнасці краю («Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі»). Пераважвала ж у грамадска-палітычнай думцы таго часу ідэя нацыянальнай дзяржаўнасці ў форме аўтаноміі ў складзе Расіі.

Тэарэтычныя пошукі і практычныя захады нацыянальных дзеячоў падрыхтавалі ідэйную аснову для практычных мер па стварэнню беларускай дзяржавы, якімі сталі абвешчэнне БНР у сакавіку 1918 г. і БССР у студзені 1919. Гэтыя пошукі выклікаюць цікавасць і ў цяперашні час, калі прынята Дэкларацыя аб суверэнітэце Беларусі, абмяркоўваецца праект новай канстытуцыі дзяржавы.

¹ Витте С. Ю. По поводу непреложных законов государственной жизни. Спб., 1914. С. 179.

² Навіна А. // Наша Ніва. Зборнік. Вільня, 1920. С. 4.

³ Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921. С. 83.

⁴ Ігнатюскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку ХХ стагоддзя. Мн., 1925. С. 217.

⁵ Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 264.

⁶ Станкевіч А. Д. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення. Вільня, 1935. С. 80.

⁷ Гл.: Навіна А. Указ. работа. С. 8.

⁸ Там жа.

⁹ Гл.: Турук Ф. Указ. работа. С. 22.

¹⁰ Станкевіч А. Д. Указ. работа. С. 81.

¹¹ Жылуновіч З. // Полямя. 1927. № 2. С. 186.

¹² Гоман. 1916. № 58. 15 жніўня.

А. М. БАЙЛУКОВА

ГРАМАДСКІЯ АРГАНІЗАЦЫІ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ Ў ПАЧАТКУ ХХ ст. НА БЕЛАРУСІ

Гісторыя грамадскіх арганізацый беларускай інтэлігенцыі бярэ свой пачатак у другой палове XIX ст., калі ва ўсіх губернях Беларусі ўзніклі медыцынскія таварыствы. У 1862 г. былі створаны медыцынскія таварыствы ўрачоў у Магілёве і Мінску, распачата хадайніцтва аб заснаванні аналагічнай арганізацыі ў Гродна. Аднак зацвярджэнне статутаў часцей за ўсё зацягвалася на многія гады як з-за звычайнага бюракратызму, так і з-за падазронасці паліцэйскага апарату да праўлення грамадскай актыўнасці. Толькі праз пяць гадоў (у 1867) быў зацверджаны статут таварыства мінскіх урачоў, праз сем гадоў (1869) — гродзенскіх, а віцебскай арганізацыі для гэтага спатрэбілася дзевяць гадоў. У канцы XIX ст. медыцынскія таварыствы пачалі стварацца не толькі ў губернскіх цэнтрах, але і ў павятовых гарадах. У 1899 г. узнікла таварыства гомельскіх урачоў, у 1902 г. — падобныя арганізацыі ў Бабруйску і Брэсце.

Дзейнасць гэтых таварыстваў была даволі разнастайнай. Займаючыся пытаннямі навуковай і грамадскай медыцыны, аб'яднанні ўрачоў не заставаліся аб'якавымі да палітычнага жыцця. Так, таварыства мінскіх урачоў у 1898 г. выступіла з патрабаваннем адмены цялесных пакаранняў, а пачынаючы з 1904 г., не было ніводнага пасяджэння, на якім члены таварыства не выяўлялі б свайго абурэння супраць самавольства і насілля, панаваўшых тады ў Расіі¹.

У 80—90-х гг. ХХ ст. пачынаецца актыўны працэс аб'яднання асобных

калектываў аматараў мастацтва ў культурна-асветніцкія арганізацыі. У розных гарадах Беларусі дзейнічалі музычныя, літаратурна-драматычныя, мастацкія і іншыя таварыствы, якія аб'ядноўвалі прадстаўнікоў інтэлігенцыі. Да 1898 г. адносіцца афармленне аднаго з самых вядомых — мінскага Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў, якое ўжо праз год налічвала больш за 400 членаў: настаўнікаў, юрыстаў, урачоў, журналістаў². Уключыўшы ў сферу сваіх інтарэсаў жывапіс, пластыку, архітэктуру, паэзію, драматургію, таварыства мела намер садзейнічаць аб'яднанню мастацкай інтэлігенцыі, развіццю і распаўсюджванню розных відаў мастацтваў у Мінску³. Праца культурна-асветніцкіх арганізацый садзейнічала выхаванню пачуцця нацыянальнай годнасці, павагі да сваёй культуры, далучала да культурных каштоўнасцей іншых народаў.

На рубяжы XIX—XX стст. на Беларусі пачынаецца узнікаць эканамічныя арганізацыі інтэлігенцыі. Першай формай прафесійнага руху былі таварыствы ўзаемадапамогі. Праўда, іх сетка была даволі невялікай і ахоплівала далёка не ўсю інтэлігенцыю. Найбольш распаўсюджаны яны былі сярод настаўнікаў, а таксама служачых гандлёвых і прыватных устаноў.

Адным з першых (у 1897 г.) узнікла таварыства настаўнікаў Віцебскай губерні. 25 жніўня 1900 г. быў зацверджаны статут магілёўскага таварыства. Настаўніцкія арганізацыі падобнага тыпу ў 1901 г. утварыліся ў Мінску і Гродна. Названыя таварыствы аб'ядноўвалі ў сваіх радах настаўнікаў гарадскіх і вясковых народных вучылішч, іх дзейнасць строга рэгламентавалася цэнтральнымі і мясцовымі ўладамі.

Асноўнай функцыяй настаўніцкіх арганізацый было выдзяленне матэрыяльнай дапамогі і пазык сваім членам. Аналіз дзейнасці віцебскага таварыства за дзесяць гадоў паказвае, што сур'ёзна палепшыць матэрыяльнае становішча настаўнікаў яно не магло. Праўленне разгледзела 370, а задаволіла 260 хадайніцтваў аб дапамогах, сярэдні памер якіх склаў каля 30 рублёў. Практычныя вынікі працы пазыковай касы былі яшчэ менш значнымі. За перыяд 1903—1907 г. ёю мелі магчымасць скарыстацца 37 чалавек⁴.

Важнай старонкай дзейнасці таварыстваў настаўнікаў з'яўлялася дапамога ў выхаванні дзяцей. Яна выяўлялася ва ўладкаванні інтэрнатаў для дзяцей настаўнікаў, якія вучыліся ў сярэдніх і пачатковых вучэбных установах, у выдзяленні стыпендыяў. Аднак у адкрытым у жніўні 1905 г. у Мінску інтэрнаце знайшлі сабе прыстанішча ўсяго чатыры навучэнцы, у 1906 — 10, у 1907 — 13⁵. Акрамя таго, практыкаваліся і іншыя віды дапамогі членам таварыстваў: скідка пры набыцці лекаў, кніг, неабходных тавараў, аказанне бясплатнай медыцынскай дапамогі, забеспячэнне ільготнымі білетамі на транспарт.

Не перабольшваючы магчымасцей настаўніцкіх арганізацый, можна сцвярджаць, што таварыствы ўзаемадапамогі настаўнікаў былі першай формай прафесійнага руху самага шматлікага атрада інтэлігенцыі. Значнасць гэтых арганізацый была і ў тым, што, звязаныя з грамадска-педагагічным рухам на Беларусі, яны прыцягвалі ўвагу грамадскасці да пытанняў народнай адукацыі, прапагандавалі педагагічныя веды, крытыкавалі існуючую сістэму адукацыі.

Моцны уплыў на настаўнікаў Беларусі аказала рэвалюцыя 1905—1907 гг., калі ў іх асяроддзі было зроблена некалькі спроб прафесійнага аб'яднання. На студзень 1905 г. планаваліся з'езды настаўнікаў у Слуцкім павеце і Гродзенскай губерні. Пазней, 19 кастрычніка гэтага ж года на мітынг народных настаўнікаў Магілёўскай губерні было прынята рашэнне аб неабходнасці іх аб'яднання. Аналагічнае меркаванне выказалі настаўнікі Віцебскай губерні на сходзе ў маі 1906 г. У ліпені таго ж года ў вёсцы Мікалаеўшчына Мінскага павета адбыўся шырока вядомы з'езд настаўнікаў, на якім прысутнічала 19 прадстаўнікоў з Мінскай, Віленскай і Ковенскай губерняў. Гэтая група настаўнікаў прыняла рашэнне далучыцца да Усерасійскага саюза і кіравацца яго праграмай. Найбліжэйшай мэтай ставілася звяржэнне існуючага рэжыму, што было зафіксавана ў прынятых адовах: «Таварышчы настаўнікі» і «Зямля і воля»⁶.

Імкненне да стварэння сваёй прафесійнай арганізацыі ажыццявілася ў маі 1907 г. у Вільні, дзе на з'ездзе народных настаўнікаў быў заснаваны «Беларускі настаўніцкі саюз», які ставіў сваёй мэтай «перабудову справы народнай адукацыі на шырокіх свабодных дэмакратычных пачатках»⁷.

Найбольшую актыўнасць і згуртаванасць у рэвалюцыйных падзеях на Беларусі паказалі чыгуначнікі, якія стварылі свае першыя арганізацыі. Характэрнай асаблівасцю быў удзел у іх розных сацыяльных груп: працоўных, служачых, інтэлігенцыі, прадстаўнікі якой адыгрывалі кіруючую ролю ў справе стварэння мясцовых аддзяленняў Усерасійскага чыгуначнага саюза. На адбыўшымся 9 верасня 1905 г. першым з'ездзе чыгуначных служачых быў абраны Часовы мінскі камітэт, у склад якога ўваходзілі тэхнік дыстанцыі П. Я. Гамзегурдзі, інжынеры М. М. Кузняцоў і П. С. Фармакоўскі, юрысконсульт І. І. Метлін і памочнік

присяжнага паверанага С. А. Валынскі, бухгалтар П. І. Жабо, начальнік адзялення службы збораў М. О. Рэверэлі. Адным з арганізатараў і кіраўнікоў адзялення саюза на станцыі Баранавічы быў інжынер М. І. Лепка⁸.

Асноўным напрамкам у дзейнасці камітэтаў чыгуначнага саюза на Беларусі было кіраўніцтва стачачным рухам, які ахапіў чыгункі краю восенню 1905 г. Разглядаючы забастоўку як галоўны сродак барацьбы, чыгуначны саюз выстаўляў патрабаванне «поўнай грамадзянскай свабоды і народнага прадстаўніцтва», ажыццяўленне якога дазволіла б «карэнным чынам палепшыць матэрыяльны і службова-прававы стан чыгуначных служачых», што, адпаведна статусу, з'яўлялася галоўнай мэтай дзейнасці прафесійнага саюза чыгуначнікаў⁹.

У гэты ж час узніклі прафесійныя арганізацыі паштова-тэлеграфных служачых, якія таксама мелі справу з неаднародным прафесійным асяроддзем. Восенню 1905 г. стачачны рух ахапіў многія паштова-тэлеграфныя канторы Беларусі. У разгар забастоўкі з 15 лістапада па 6 снежня ў Маскве праходзіў першы з'езд Усерасійскага паштова-тэлеграфнага саюза, у складзе дэлегатаў якога былі прадстаўнікі Мінска і Дзвінска. З'езд займаўся выпрацоўкай прафесійных патрабаванняў, праграмы і статута саюза. Імі кіраваліся і аддзяленні паштова-тэлеграфнага саюза: у кастрычніку было створана абласное бюро ў Мінску, камітэты ў Гомелі, Магілёве, Барысаве¹⁰. Рэвалюцыйныя абставіны прымусілі гэтыя арганізацыі ўзяць на сябе функцыі камітэтаў забастоўкі працаўнікоў пошты і тэлеграфа.

Такім чынам, у гады рэвалюцыі (1905—1907) узняўся на новую ступень прафесійны рух інтэлігенцыі, якая часцяком выступала разам з іншымі сацыяльнымі групамі. У гэты перыяд большасць арганізацый узнікала явачным парадкам. Толькі 4 сакавіка 1906 г. быў выдадзены першы ў гісторыі Расіі агульны закон аб грамадскіх арганізацыях — «Временные правила об обществах и союзах», якія значна абмяжоўвалі правы арганізацый пэўных прафесійных катэгорый. Таварыствы дзяржаўных служачых не маглі «мець на мэце палітычныя альбо несумяшчальныя з патрабаваннямі службовага абавязку, са службовымі адносінамі і з існуючымі парадкам і ўмовамі службы»¹¹. Паколькі большая частка працоўнай інтэлігенцыі (настаўнікі, медыцынскія работнікі, чыгуначныя і паштова-тэлеграфныя служачыя, служачыя дзяржаўнага апарату) знаходзілася на дзяржаўнай службе, то, такім чынам, яна не магла ствараць сваіх прафесійных арганізацый.

Сярод нязначнай колькасці зарэгістраваных прафесійных таварыстваў інтэлігенцыі на Беларусі выдзяляліся арганізацыі медыцынскіх работнікаў, якія займаліся прыватнай практыкай ці служылі ў прыватных установах.

У 1906 г. узнікае шэраг зубаўрачэбных і фармацэўтычных таварыстваў. Статуты прафесійных арганізацый зубных урачоў і дантыстаў г. Мінска і Віцебска былі зацверджаны 30 лістапада 1906 г. Сапраўднымі членамі гэтых таварыстваў маглі стаць асобы, якія атрымалі вышэйшую медыцынскую адукацыю. У момант стварэння мінскае таварыства налічвала 27 чалавек, віцебскае — 24¹². Маючы асноўнай мэтай абарону эканамічных інтарэсаў сваіх членаў, арганізацыі давалі грашовую дапамогу тым, хто цягнуў нястачу, набывалі зубаўрачэбныя інструменты па зніжаным цэнам, аказвалі юрыдычную дапамогу. Аднак гэтым іх дзейнасць не абмяжоўвалася, аб чым сведчыць, напрыклад, паведамленне мінскаму губернатару аб тым, што гарадское зубаўрачэбнае таварыства з самага пачатку яго існавання «нярэдка дапускала на сваіх пасяджэннях не толькі абмеркаванне распараджэнняў урадавых устаноў, але нават і агітацыю супраць такіх»¹³.

Магчымасць легалізаваць свае арганізацыі выкарысталі фармацэўты, якія пачалі аб'ядноўвацца яшчэ напярэдадні рэвалюцыі. Адным з першых на Беларусі (1904 г.) узнік мінскі прафесійны саюз. У 1905 г. барацьбу фармацэўтаў у Бабруйску ўзначаліла «карпарацыя аптэкарскіх служачых». Пры арганізацыі свайго саюза ў канцы 1905 г. гомельскія фармацэўты першым пунктам статута прызналі неабходнасць звяржэння самадзяржаўя і склікання Устаноўчага сходу¹⁴.

Да адносіцца спроба стварэння ўсерасійскага аб'яднання служачых аптэк. 15—18 ліпеня ў Маскве праходзіў з'езд фармацэўтаў, дзе прысутнічалі дэлегаты з Мінска, Віцебска, Магілёва. На гэтым з'ездзе абмяркоўвалася становішча служачых аптэк, быў зацверджаны статут Усерасійскага саюза фармацэўтаў, адпаведна якому патрабавалася карэнным чынам змяніць арганізацыю аптэчнай справы, абараняць інтарэсы служачых аптэк, развіваць іх класавую самасвядомасць, арганізуючы забастоўкі¹⁵.

Пасля выхату закона ад 4 сакавіка 1906 г. фармацэўты змаглі легальна ствараць свае саюзы. У чэрвені 1906 г. афіцыйна пачало дзейнічаць віцебскае таварыства фармацэўтаў, якое ў пачатковы перыяд аб'яднала ў сваіх радах 67 чалавек¹⁶. 28 ліпеня мясцовыя органы ўрада дазволілі рэгістрацыю Першага

мінскага прафесійнага таварыства фармацэўтаў, якое дзейнічала нелегальна з 1904 г. У першы год таварыства налічвала 34 члены і яго легальная дзейнасць ахоплівала шэраг пытанняў, якія былі звязаны з урэгуляваннем непаразуменняў паміж служачымі і ўладальнікамі аптэк, дапамогай членам, якія цярпелі нястачу. Наперакор забароне ўлады цэнтральнае месца ў працы мінскай арганізацыі фармацэўтаў займала кіраўніцтва стачачнай барацьбой. Аб гэтым сведчаць факты ўдзелу таварыства ў забастовачным руху фармацэўтаў Мінска (студзень — люты, лістапад 1905 г.), Барысава (красавік 1906), арганізацыя байкотаў супраць незаконнага звальнення служачых. Гэты бок дзейнасці таварыства не мог застацца незаўважаным мясцовай уладай і, прызнаўшы працу мінскай арганізацыі фармацэўтаў «пагражаючай грамадскай бяспецы і спакою», губернская прысутнасць па справах аб таварыствах у ліпені 1908 г. вырашыла забараніць яго¹⁷.

У сакавіку 1907 г. спрабавалі зрабіць сваё аб'яднанне прадстаўнікі тэхнічнай інтэлігенцыі — землямеры. У статуце таварыства землямераў Паўночна-Заходняга краю зазначалася, што мэтай арганізацыі з'яўляецца абарона прафесійных інтарэсаў яе членаў, а таксама забеспячэнне магчымасці ўсім установам і прыватным асобам карыстацца паслугамі вопытных спецыялістаў межавай справы. Аднак улады не дазволілі стварэння гэтай арганізацыі. Двойчы разглядаючы пададзеную заяву, Мінская губернская прысутнасць па справах аб таварыствах адмовіла ў рэгістрацыі арганізацыі. Прычыны нежадання ўлад зацвярджаць падобныя таварыствы дастаткова канкрэтна выказаны віцебскім губернатарам у чэрвені 1909 г., калі на яго імя таксама была пададзена заява ад групы землямераў. У сакрэтным лісце губернатар пісаў, што «непажадана дапушчэнне сходаў, на якіх маглі б абмяркоўвацца і падвяргацца крытыцы як распараджэнні непасрэднага начальства, так і землеўпарадкавальных камісій...»¹⁸.

Тым не менш у складаных грамадска-палітычных умовах пачатку XX ст. на тэрыторыі Беларусі існавалі розныя таварыствы, якія аб'ядноўвалі пэўныя катэгорыі інтэлігенцыі. Прычым у разглядаемы перыяд назіраецца рост колькасці добраахвотных арганізацый, у якія ўцягваюцца новыя слаі інтэлігенцыі. Пашырэнне дыяпазону іх дзейнасці тлумачыцца як грамадскім уздымам, так і аб'ектыўнымі патрабаваннямі сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця.

¹ Гл.: Поляк М. А. // Беларуская мэдычная думка. 1927. № 9-12. С. 106.

² Гл.: Минский листок. 1899. 7, 23 февраля.

³ Гл.: Устав минского Общества любителей изящных искусств. Мн., 1899. С. 3.

⁴ Гл.: Отчет Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1907 г. Витебск, 1908. С. 10—11.

⁵ Гл.: Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Минской губернии за 1912 г. Мн., 1913. С. 4.

⁶ Гл.: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 458, воп. 1, спр. 342, арк. 40—41, 94—95.

⁷ Наша Ніва. 1907. 8 (21) ліпеня.

⁸ НАРБ. Ф. 295, воп. 1, спр. 7557а, арк. 87—89, 104.

⁹ 1905 год в Белоруссии: Сборник статей, воспоминаний и материалов. Мн., 1925. С. 121.

¹⁰ Гл.: Базилевич К. В. Очерки по истории профессионального движения работников связи. М., 1925. С. 427, 184, 214.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1909. Т. 26, № 27479.

¹² Гл.: НАРБ. Ф. 306, воп. 1, спр. 6, арк. 8; ф. 2649, воп. 1, спр. 37, арк. 25.

¹³ Там жа. Ф. 306, воп. 1, спр. 6, арк. 20.

¹⁴ Там жа. Спр. 4, арк. 32; 1905 год у Беларусі: Зб. архіўных дакумэнтаў. Мн., 1926. С. 23.

¹⁵ Гл.: Зильберг И. Профессиональное движение служащих фармацевтов. М., 1930. С. 31.

¹⁶ НАРБ. Ф. 2649, воп. 1, спр. 2, арк. 3, 32.

¹⁷ Там жа. Ф. 306, воп. 1, спр. 4, арк. 3—35.

¹⁸ Там жа. Ф. 2649, воп. 1, спр. 229, арк. 2.

А. В. ДАВІДОВІЧ

ПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ З. Х. ЖЫЛУНОВІЧА (1917 — пач. 1918 г.)

Цікавасць, што прабудзілася сёння да вывучэння і асэнсавання гісторыі Айчыны, паставіла складаную задачу — вярнуць з небыцця імёны людзей, якія па волі лёсу на крутых пераломках гісторыі не толькі актыўна ўплывалі на ход гістарычнага працэсу, але змаглі захаваць да канца адданасць ідэалам дэмак-

раты, сацыяльнага і нацыянальнага адраджэння сваёй краіны. Злавесны ярлык «нацыянал-дэмакрата» выкрэсліў у сярэдзіне 30-х гадоў з нашай гісторыі шэраг выдатнейшых палітычных дзеячаў таго часу.

Адным з іх з'яўляецца Зміцер Хведравіч Жылуновіч (Цішка Гартны) (1887—1937) — вядомы палітычны, дзяржаўны і грамадскі дзеяч, член ЦК БСГ, лідэр яе левага крыла, камісар Белнацкама, сакратар Цэнтральнага бюро беларускіх камуністычных секцый пры ЦК РКП(б), старшыня першага Часовага рэвалюцыйнага рабоча-сялянскага ўрада Беларусі, акадэмік АН БССР, рэдактар часопіса «Полымя», газет «Дзясніца», «Савецкая Беларусь», вядомы паэт і пісьменнік.

У пачатку 1915 г. у Пецярбурзе рабочы-фрэзероўшчык З. Х. Жылуновіч збліжаецца з гуртком студэнтаў-беларусаў. Яго палітычныя погляды ў той час фарміраваліся пад уплывам беларускага нацыянальнага руху. Ён аб'ядноўваў леварадыкальныя групы Беларусі, што ўзніклі пад уплывам рэвалюцыйнага ўздыму 1905—1907 гг. Сюды ўваходзілі «...кадры новых прыходцаў... з гушчы сялян ды рамеснікаў, якія... унясьлі ў яе свае, адпавядаючыя сацыяльнаму стану мэтады і характар»¹. Левыя групы вялі сваю прапаганду не толькі праз розныя гурткі, яны ўдзельнічалі ў «...наладжванні спэтакляў, літаратурных вечарынак і ў выданні газет»².

У 1916 г. такая група ўзнікла пры газеце «Дзясніца», якую выдаваў З. Х. Жылуновіч. У свабодным развіцці беларускага і іншых народаў Расіі супрацоўнікі газеты бачылі асноўную ўмову поспеху дэмакратычных пераўтварэнняў і сацыяльнага прагрэсу.

З перамогай лютаўскай буржуазнай рэвалюцыі беларускі нацыянальны і рэвалюцыйны рух набывае незвычайны размах і глыбіню. Апантанасць З. Х. Жылуновіча беларускім нацыянальным рухам пераходзіць у гэты час у плоскасць практычнай дзейнасці. У сакавіку 1917 г. ён становіцца адным з прызнаных лідэраў Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ), адраджанай пасля 1907 г.

У 1917 г. БСГ з лева-народніцкай ператварылася ў нацыянал-дэмакратычную партыю з шырокім спектрам розных плыняў, аб'яднаных галоўнай мэтай — расхэннем беларускага пытання ў яго нацыянальна-дзяржаўнай і сацыяльна-культурнай формах. Гэта поўнасцю адпавядала поглядам З. Х. Жылуновіча як палітычнага і грамадскага дзеяча.

Ва ўмовах рэзкага пагаршэння становішча народных мас (імперыялістычная вайна, разруха, голад) пачаўся актыўны працэс іх «палявання», які адбыўся і на падтрымцы імі леварадыкальных патрабаванняў бальшавікоў. На аснове супадзення інтарэсаў рабочага народа і асноўных патрабаванняў левых рэвалюцыйных партый стаў складвацца блок з бальшавікамі. Да яго далучылася левая плынь БСГ у складзе Петраградскай, Маскоўскай, Бабруйскай арганізацый. Гэты працэс збліжэння затрымліваў даволі востры супярэчнасці ў падыходзе да нацыянальнага пытання. Мясцовыя лідэры бальшавікоў лічылі яго падпарадкаваным і другарадным. Гэта выклікала рэзкую нязгоду з боку нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый, для якіх гэтае пытанне было галоўным. Асновай усёй палітычнай дзейнасці было яно і для З. Х. Жылуновіча.

Як адзін з лідэраў БСГ ён пападае ў эпіцэнтр палітычнай барацьбы на Беларусі. У сакавіку 1917 г. прымае ўдзел у з'ездзе беларускіх нацыянальных арганізацый, які адбыўся ў Мінску. На ім былі прадстаўлены амаль усе партыі і плыні беларускага нацыянальнага руху. З. Х. Жылуновіч як адзін з аўтарытэтных дзеячаў нацыянальнага руху быў абраны ў кіруючы орган з'езда — Беларускі нацыянальны камітэт (БНК).

БНК абвясціў сваёй мэтай культурна-нацыянальнае адраджэнне беларускага народа. Яго праграма прадугледжвала прызнанне найбольш падыходзячай формай дзяржаўнасці Беларусі — аўтаномію ў складзе Расійскай дэмакратычнай рэспублікі. Але галоўная праблема — нацыянальнае пытанне — на з'ездзе вырашана не было. І больш таго, БНК планаваў «арганізаваць Беларусь», спадзяючыся на падтрымку Часовага ўрада, які наогул не збіраўся вырашаць беларускае пытанне, нават ва ўрэзаным выглядзе³.

Супярэчлівая і непаслядоўная палітыка БНК, непапулярнасць у сялянскіх мас старшыні камітэта памешчыка Р. Скірмунта прывялі да таго, што камітэт перасталі падтрымліваць асноўныя сілы нацыянальна-дэмакратычнага руху. У сувязі з гэтым у Мінску ў ліпені 1917 г. быў праведзены з'езд прадстаўнікоў беларускіх нацыянальных арганізацый, на якім была створана Цэнтральная Рада беларускіх нацыянальных арганізацый (у далейшым рэарганізавана ў Вялікую беларускую раду). З. Х. Жылуновіч быў абраны членам яе выканкама, дзе паслядоўна адстойваў ключавое пытанне аграрнай праграмы — аб бязвыплатнай перадачы зямлі ў рукі тых, хто яе апрацоўвае. Летам 1917 г. на канферэнцыі БСГ яго выбіраюць у склад Цэнтральнага камітэта. Як лідэр БСГ Жылуновіч імкнецца

кансалідаваць дэмакратычныя сілы ў партыі. У той жа час ён заставаўся адным з кіраўнікоў Петраградскай арганізацыі БСГ. Яе курс на ўцягненне рабочых-беларусаў у партыйную працу, на думку Жылуновіча, быў збаўленнем ад правай небяспекі ў самой арганізацыі і акрэсліў «у хуткім часе выразны раскол у Сацыялістычнай Грамадзе»⁴. Умацаванне рэвалюцыйна-дэмакратычных тэндэнцый у Петраградскай арганізацыі БСГ ператварыла яе, па сутнасці, у цэнтр левай плыні партыі.

Па ініцыятыве Петраградскай арганізацыі 14 кастрычніка 1917 г. быў скліканы III з'езд БСГ. Яго арганізатары нацэльваліся перагледзець старую праграму, прынятую ў 1906 г., у сувязі са змяніўшыміся абставінамі ў краіне і аб'яднаць усе нацыянальна-дэмакратычныя сілы. Але на з'ездзе разгарнулася вострая дыскусія па пытаннях эвалюцыйнага і рэвалюцыйнага шляху развіцця, стратэгіі і тактыкі партыі, адносінах да будучай рэвалюцыі. Дасягнуць згоды паміж правай і левай плынню БСГ як па стратэгічных, так і па тактычных пытаннях Жылуновічу не ўдалося. У далейшым левая плынь, прадстаўленая Петраградскай, Маскоўскай і Бабруйскай арганізацыямі, адмовілася падпарадкавацца рашэнням з'езда і патрабаванням ЦК. З. Х. Жылуновіч каменціраваў вынікі з'езда так: «Адгэтуль пачалося існаванне дзвюх частак БСГ — левае і правае»⁵.

Трэба адзначыць, што ні БСГ як самая масавая і аўтарытэтная партыя ў беларускім нацыянальна-вызваленчым руху, ні яе левае крыло не дасягнулі адчувальных поспехаў у рашэнні праблем сацыяльнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця рэспублікі. Вялікая доля віны ляжыць тут на кіраўніках мясцовых партыйных арганізацый большавікоў, якія ў сваёй дзейнасці ігнаравалі эканамічныя, палітычныя і сацыяльныя ўмовы краю, нацыянальныя імкненні розных слаёў насельніцтва, асабліва інтэлігенцыі.

Кастрычніцкую рэвалюцыю З. Х. Жылуновіч прыняў як незабежнасць, з-канамерна працэс гістарычнага развіцця. З'яўляючыся паслядоўным дэмакратам, ён непакоіўся, каб далейшае развіццё рэвалюцыйнага працэсу не пайшло ў крайне жорсткіх большавіцкіх формах. Але яго вабіла шырокая сацыяльная праграма большавікоў, якая адказвала патрабаванням народных мас. Гэтая дваістасць З. Х. Жылуновіча праявілася ў ацэнцы ім вынікаў I Усебеларускага з'езда, які праходзіў у Мінску 15—17 снежня 1917 г. Лініяй размежавання на ім асноўных палітычных сіл ізноў з'явілася нацыянальнае пытанне. Адна частка дэлегатаў, так званыя абласнікі (прадстаўнікі Беларускага абласнога камітэта пры выканкаме Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў), адстойвала патрабаванне аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай федэрацыі. Другая — «незалежнікі» (дзейны правага крыла БСГ) — патрабавала незалежнага існавання Беларусі ў форме буржуазнай парламенцкай рэспублікі. Толькі невялікая група дэлегатаў, у якую ўваходзіў і З. Х. Жылуновіч, выступала за існаванне Беларусі ў форме нацыянальна-дзяржаўнай аўтаноміі на аснове прызнання асноўных патрабаванняў Савецкай улады. Але голас гэтай групы не быў пачуты ў жорсткім процістаянні дзвюх асноўных плыняў.

У выніку, 17 снежня пасля вострай палітычнай барацьбы з'езд прымае рэзалюцыю аб зацвярджэнні «рэспубліканскага дэмакратычнага строю ў межах Беларускай зямлі»⁶. Рэзалюцыя вывала незадаволенасць кіраўніцтва Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РСДРП(б), што прывяло да роспуску з'езда. В. Кнорын праз некаторы час так тлумачыў гэты факт: «Усебеларускі з'езд быў распушчаны за нацыяналістычна-кантрэвалюцыйныя імкненні»⁷. І ў далейшым пазіцыя кіраўнікоў Паўночна-Заходняга камітэта РСДРП(б) у асобе А. Мяснікова, В. Кнорына і іншых процістаяла любым спробам самавызначэння Беларусі. Гэта памылковая пазіцыя трымалася, з аднаго боку, на веры ў хуткую перамогу сусветнай пралетарскай рэвалюцыі, якая змяце ўсе нацыянальныя формы дзяржаўнага ладу жыцця народаў. З другога боку — на ўпэўненасці ў тым, што беларусы не з'яўляюцца асобнай ад рускіх нацыяй. Гэтае неразуменне ў будучым знайшло трагічнае адлюстраванне ў лёсе З. Х. Жылуновіча. Ён вельмі балюча ўспрыняў факт роспуску Усебеларускага з'езда і сваю незадаволенасць разам з дэлегатам Грыбам выказаў на III Усерасійскім з'ездзе Саветаў. Гэты з'езд прыняў наступленне беларускага дэлегата да ведама, аднак у сувязі з пагаршэннем становішча ў краіне — пагразай нямецкай акупацыі — якіх-небудзь дзейных мер не прыняў. Праўда, ужо 11 сакавіка 1918 г. Маскоўская і Петраградская арганізацыі БСГ па ініцыятыве З. Х. Жылуновіча прынялі рэзалюцыю, у якой адкрыта выказвалася «нязгоднасць іх з працаю й паставамі беларускага з'езду»⁸.

Такія адносіны З. Жылуновіча да з'езда дыктаваліся пэўнымі прычынамі. У палітычнай сферы яму імпанавала ідэя міжпартыйнага саюза. Ён ускладваў вялікія надзеі на блок большавікоў і левых эсэраў, які склаўся пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі і быў замацаваны на дзяржаўным ўзроўні. Але ў выніку ўзброенага

выступлення апошніх у ліпені 1918 г. у краіне быў, па сутнасці, выключаны любы намёк на шматпартыйнасць. Такім чынам, З. Х. Жылуновіч як чалавек высокай культуры, які прайшоў складаны шлях пошукаў свайго месца ў вострай палітычнай барацьбе, быў пастаўлены самой логікай часу перад выбарам: стаць на адну з дзвюх пазіцый у гэтай барацьбе, таму што трэцяй не было. Фармальна застаючыся членам левага крыла БСГ, у кастрычніку 1918 г. ён уступае ў РКП(б)⁹.

Безумоўна, З. Х. Жылуновіч дапускаў памылкі ў сваёй палітычнай дзейнасці, быў упартым у адстойванні сваёй пазіцыі і поглядаў. Аднак палітычная мэтазгоднасць яго тых або іншых учынкаў выяўлялася ў жаданні хутчэй адрадзіць беларускую дзяржаўнасць, культуру, усё тое, што звязана з самабытнасцю і самім існаваннем беларускага народа.

Жыццё народнага паэта, акадэміка, выдатнага палітычнага і грамадскага дзеяча нельга назваць лёгкім. Менавіта ў сілу сваёй гарачай прыхільнасці да ўсяго таго, што ўключалася ў паняцце нацыянальнага фактару, ён часцей за іншых апынаўся пад агнём крытыкі так званага сталінскага падыходу да вырашэння нацыянальнага пытання.

¹ Жылуновіч Д. Ф. // Польша. 1926. № 6. С. 80.

² Ён жа // Беларусь (нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху). Мн., 1924. С. 184.

³ Гл.: Турук Ф. Беларускі рух. М., 1921. С. 86.

⁴ Жылуновіч Д. Ф. // Польша. 1923. № 5—6. С. 146.

⁵ Там жа. 1928. № 10. С. 76.

⁶ Турук Ф. Беларускі рух. С. 34.

⁷ Кнорын В. Рэвалюцыя і контррэвалюцыя ў Беларусі. Ч. 1. Смаленск, 1920. С. 64.

⁸ Жылуновіч Д. Ф. // Польша. 1923. № 3—4. С. 71.

⁹ НАРБ. Ф. 15, воп. 28, спр. 10, арк. 9.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ПРОВЕРКА ОДНОЙ ИЗ ГИПОТЕЗ НАЧАЛА СЛАВЯН

Еще в 70-х гг. мной была предложена идея о начале славянского этногенеза в середине III тыс. до н. э. в ареале между Эльбой и Неманом. В качестве первой славянской археологической культуры я взял культуру шаровидных амфор¹. Хотя эта идея основана на данных лингвистики, археологии и антропологии, она, как и любая другая гипотеза, должна периодически пересматриваться через призму различных источников, имеющих отношение к славянскому этногенезу.

Касааясь теоретических аспектов славянского этногенеза, археология и лингвистика согласны с тем, что славяне, как и балты, и германцы, всего вероятней, сформировались под действием этнического субстрата в процессе миксации индоевропейцев с местным неолитическим населением Европы, приведшей к глубокой трансформации этнических компонентов будущих славян. Лингвисты полагают, что разделение северной группы древнеевропейцев началось вскоре после их здешнего расселения².

Исходя из этих посылок, следует признать, что первая археологическая культура славян должна была отразить все эти особенности своего формирования. Ее существование должно приходиться на период, когда в этот регион уже проникли индоевропейцы, а в ее характеристике должны присутствовать культурные элементы, характерные как для индоевропейцев, так и для местных культур европейского неолита, т. е. она должна отразить факт культурного и этнического смешения. Этим условиям полностью соответствует культура шаровидных амфор. Ей предшествовала местная доиндоевропейская культура воронковидных кубков, а сама она представляла поразительное смешение как элементов культуры воронковидных кубков, так и черт, свойственных индоевропейским мигрантам из южных степей Восточной Европы. Не случайно многим археологам культура шаровидных амфор представлялась загадкой («великая загадка европейского неолита», по И. Форссандеру). Хотя археологи и спорили, чему ближе она — культуре воронковидных кубков или культурам шнуровой керамики, думается, что это не столь уж важно. Культура просто оказалась смешанной, и в ее становлении приняли участие как местные племена с культурой воронковидных кубков, так и пришлые племена индоевропейцев. Это была действительно первая по времени археологическая культура, четко отразившая процесс мик-

сации, что и привело, как нам представляется, к появлению новой этнической общности — славян.

Однако мысль о параллельном формировании славян, балтов и германцев на базе северной группы индоевропейцев и местных субстратов, казалось бы, противоречит одному важному наблюдению лингвистики. Чем, в частности, можно объяснить тот факт, что при реконструкции древние балтийские языки отличаются большей по сравнению со славянскими диалектной дифференцированностью? Именно этому аргументу обязана идея о более позднем по сравнению с балтами появлении славян³.

Но разве только большей древностью балтийских языков можно объяснять этот факт? Вспомним археологическую ситуацию в Восточной Европе в конце III — начале II тыс. до н. э. Именно в это время началось широкое расселение балтийских племен из их сравнительно небольшой прародины в среднем Поднепровье, которое вскоре привело к освоению ими обширных пространств от Вислы на западе до Волги на востоке⁴. На этой территории ранее проживали различные группы местного населения, с которыми балты постепенно стали сливаться. Подобная ситуация должна была обязательно привести к нарушению относительного языкового единства балтов и появлению у них диалектов, о чем в свое время справедливо писал Мажюлис⁵.

У славян же, если их локализовать в междуречье Эльба-Неман, наоборот, имело место значительное сокращение их территории. Сначала ими была утрачена территория между Вислой и Неманом, затем с продвижением во II тыс. до н. э. германских племен, носителей ясторфской культуры, вдоль южного побережья Балтики славяне были отрезаны от моря. Их территория стала более компактной, что способствовало более длительному сохранению у них относительного языкового единства.

Следовательно, исторические обстоятельства, а не различия во времени возникновения могут объяснить нам различную степень диалектной расчлененности древних балтийского и славянского языков. И, видимо, не случайно в балтийском мире в бронзовом и особенно в железном веке фиксируется серия достаточно сильно различающихся друг от друга археологических культур, заметно отражающих этнокультурные процессы смешения.

Напомню и еще об одной истории, связанной с западными балтами. Как отмечалось, междуречье Вислы и Немана, составлявшее первоначально, согласно нашей концепции, часть славянской прародины, в начале II тыс. вошло в зону расселения балтийских племен, которые в процессе этнических взаимоотношений смогли одержать верх над обитавшими здесь потомками культуры шаровидных амфор. Историческое время застает позже в этом регионе западнобалтийские народы — пруссов и ятвягов. Различные исследователи единодушно отмечали, что западные балты по своему языку и ряду явлений культурного порядка обнаруживают особенно заметную близость к славянам. Думается, что это обстоятельство вполне может быть объяснено имевшим место смешением в этом регионе части балтов и славян, которое может быть соотнесено как раз с указанными событиями II тыс. до н. э. Косвенно это могло бы стать еще одним подтверждением славянского характера культуры шаровидных амфор. Объяснять это обычными пограничными контактами представляется неубедительным. Интересно напомнить, что именно этот регион, отличавшийся смешанным характером в культурно-историческом плане, отводился рядом исследователей так называемым балтославянам⁶.

И, наконец, лингвистика дает достаточно материала, свидетельствующего о большой древности славянских языков. По мнению авторитетнейших специалистов, общеславянский язык непосредственно выходит из индоевропейского, он есть результат распада индоевропейской языковой общности. Сумма слов и понятий, относящихся к экономике, орудиям труда, свидетельствует о функционировании общеславянского языка в период перехода от каменных орудий к металлическим и развития производящих форм хозяйства. Славяне возникли уже в тот период, когда небольшая семья еще не стала основной хозяйственной и общественной ячейкой⁷. Все это уводит нас к концу неолита — началу бронзового века и отнюдь не противоречит представлению о славянском характере культуры шаровидных амфор.

Мы уделили значительное внимание рассмотрению теоретических аспектов славянского этногенеза, в частности, формулированию причин, которые привели к появлению славян, а также установлению форм этногенетического процесса, через которые они прошли. Рассмотрели вопрос о вероятном времени появления славян по данным лингвистики. Соображения о теории славянского этногенеза и данные лингвистики должны рассматриваться как основополагающие для формулирования гипотезы о начале славянского этногенеза. Данные археологии

здесь вторичны. Одни они не могут решить этой проблемы по ряду причин: слишком удален рассматриваемый период от достоверных славянских археологических древностей, что не позволяет использовать метод ретроспекции, проблематична также сама возможность определения этносов только по археологическим источникам. Однако археология, опираясь на достижения лингвистики, может вывести проблему на новый виток, указать точные ареалы, хронологию, исследовать материальную культуру и т. д.

Посмотрим, насколько же допустима предложенная гипотеза с позиций археологии. Если исходить из высказанного предположения о славянской прародине к северу от Карпат, между Эльбой и Неманом, то важно проверить несколько моментов: существует ли в этом регионе преемственность между археологическими культурами и не было ли сюда притока новых культур со стороны. Иными словами: не было ли миграций, которые могли бы существенно изменить этническую ситуацию в регионе? Если посмотреть на проблему с этой стороны, то нужно заметить, что в пределах рассматриваемого региона, начиная с середины III тыс. до н. э., когда сформировалась культура шаровидных амфор, наблюдается вполне естественная смена археологических культур. Однако почти каждая новая обнаруживает заметные черты преемственности со своей предшественницей, что может рассматриваться в качестве доказательства участия предшествующего этноса в формировании новых последующих культур. Так, культура шаровидных амфор ко II тыс. до н. э. уступила свое место предлужицкой и тишинской культурам. В середине — второй половине этого же тысячелетия на базе названных культур развивается лужицкая (XIII—VI вв. до н. э.). На заключительном этапе своего существования она испытала известное воздействие со стороны поморской культуры, но скорей всего смогла сохранить свой этнос, поскольку в последующее время на этой же территории разовьется пшеворская культура железного века.

Середина I тыс. н. э. застает здесь уже достоверную славянскую культуру пражского типа. Исторические источники этого времени зафиксировали начало широкого расселения славянских племен в Европе, проникновение их на Балканский полуостров и т. д. Именно в это время носители культуры пражского типа продвинулись также на восток и заняли территорию южной Белоруссии и северной Украины, где вскоре сформировался особый вариант этой культуры (Корчак)⁸.

Тот факт, что в рассматриваемом регионе до начала расселения мы наблюдаем серию культур, не выходящих за рамки очерченной территории и обнаруживающих между собой элементы преемственности, позволяет заключить, что данная гипотеза находит подтверждение в археологическом материале. Совпадение ареалов культур справедливо рассматривается в археологической науке как аргумент в пользу их генетической преемственности⁹. Но я далек от упрощенной интерпретации археологического материала. Вопрос о генезисе и преемственности археологических культур всегда считался наиболее сложным и дискуссионным. Полагаю, что этот аспект нуждается в дальнейшем тщательных исследованиях.

Нуждается в объяснении и гидронимическая ситуация региона, который мы связываем со славянской прародиной. Славянская гидронимика составляет здесь от 60 до 70 %¹⁰. Это обстоятельство, с точки зрения современных представлений о процессе формирования гидронимического ареала, должно указывать на то, что рассматриваемая территория, скорей, может быть признана областью ранней славянской миграции, а сама их прародина должна находиться где-то рядом с этим ареалом. Но иного региона, куда бы можно было поместить славянскую прародину, я не вижу.

Если славяне не были мигрантами из других регионов, то, по идее, они должны были пользоваться теми речными названиями, которые существовали здесь и раньше. Чем же в таком случае объяснить возникновение мощнейшего славянского гидронимического пласта, превосходящего по своей силе все остальные вместе взятые?

Возможно, объяснение этому следует искать в подвижности славянского населения, в наличии значительных переселений внутри славянского региона. Указания на такую возможность, в принципе, можно найти. Сложней обосновать все это археологически, на конкретных примерах, которые подтверждали бы смену археологических культур или заметные трансформации внутри них. Так, можно предположить, что экспансия германских племен в северные районы славянской прародины во II тыс. до н. э. могла вызвать отток значительной массы славян к югу и изменения в связи с этим в гидронимической номенклатуре. Известный приток славянского населения мог иметь место и с востока, с висланского региона, в результате расселения там в начале II тыс. до н. э. древних балтийских племен. Хотя материалы, казалось бы, больше указывают на то, что

основная масса славян осталась там на своих землях и была постепенно балтизирована. Не исключая я и значительных перемещений славян в результате расселения в восточнолужицком ареале поморских племен, а позже — повторное возвращение сюда славян. Следует подумать также о возможных перемещениях в славянском мире в результате давления со стороны кельтов, гуннов и аваров: Последующая славянская экспансия в I тыс. н. э. тоже могла привести к изменениям в гидронимической карте и возникновению на ней новых славянских названий. Наконец, не могла ли усилиться мощь славянской гидронимики в результате очень длительного пребывания здесь славян (более трех тысяч лет)? Изменения в номенклатуре, наверное, не могли не происходить.

Во всяком случае, я считаю глубоко ошибочным и тенденциозным традиционное представление, согласно которому на территории средней и восточной Германии славяне являются поздними пришельцами, что им предшествовали здесь древние германские племена, покинувшие эту территорию в период «великого переселения народов». Лингвистика убедительно свидетельствует, что славянская топонимика здесь более древняя, чем германская. Это особенно заметно при сравнении микро- и макротопонимики данного региона¹¹.

¹ См.: Загорульский Э. М. О начальном этапе формирования славян // Вестн. БГУ. Сер. 3. 1975. № 2; Он же. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977.

² См.: Горнунг Б. В. // Вопросы этнографии. М., 1958. Т. 7. С. 57.

³ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958. С. 37—39; Мартынов В. В. Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян. Мн., 1963.

⁴ См.: Моора Х. А. // Советская археология. 1958. № 2.

⁵ См.: Мажюлис В. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.

⁶ См.: Hensel W. // I Miedzynar. kongres archeol. slowianskiej. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1968. № 1. S. 76 (Carte).

⁷ См.: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; Он же. Происхождение русского, белорусского и украинского языков. Л., 1972: С. 29; Мейе Ф. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 101; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 24; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, С. 73.

⁸ См.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.

⁹ См.: Рыбаков Б. А. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.

¹⁰ См.: Witkowski T. // Forschungen und Fortschritte. Berlin, 1963. H. 37. № 5. S. 152.

¹¹ Там же.

А. Г. ГАНУШ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ М. В. ДОЎНАР-ЗАПОЛЬСКАГА

Беларускі гісторык Мітрафан Віктаравіч Доўнар-Запольскі (1867—1934) пакінуў значны след у айчынай гістарыяграфіі. Вынікам яго надзвычай разнастайнай навуковай дзейнасці стала выданне больш за 200 прац па этнаграфіі, сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі Беларусі, Расіі, Украіны, Літвы і Польшчы. На жаль, даследчыкі абыйшлі ўвагай многія бакі творчай спадчыны таленавітага вучонага. Недастаткова выяўленай з'яўляецца і дзейнасць М. В. Доўнар-Запольскага як археографа.

Асноўным напрамкам археаграфічнай дзейнасці М. В. Доўнар-Запольскага былі пошук і выданне гістарычных крыніц. Свой першы зборнік «Документы Московскаго архива Министерства юстиции» М. В. Доўнар-Запольскі апублікаваў у 1897 г. у Маскве. У гэта выданне былі ўключаны матэрыялы аб Віленскім, Берасцейскім, Гародненскім і Люблінскім сеймах, крыніцы па гісторыі службылага землеўладання, эканамічнага становішча сялян і гараджан у Вялікім княстве Літоўскім (ВКЛ).

У 1898—1905 гг. у якасці асобных выданняў або дадаткаў да сваіх прац М. В. Доўнар-Запольскі апублікаваў шэраг дакументаў (у асноўным са збору Літоўскай Метрыкі), распавядаючых аб знешнепалітычных зносінах, эканамічных сувязях і гаспадарчым укладзе ВКЛ у XIV—XVI стст. Так, у 1898 г. у Сімферопалі быў апублікаваны зборнік «Литовские упоминки татарским ордам», у якім была цалкам выдана скарбовая кніга 1506—1509 гг. У 1899 г. у Маскве ўбачыў свет зборнік «Акты Литовско-Русского государства», у склад якога ўвайшлі матэ-

рыялы па гісторыі дзяржаўнай гаспадаркі і знешняга гандлю Вялікага княства Літоўскага. Прынамсі, гэты зборнік быў падрыхтаваны да друку яшчэ ў 1895 г., але па розных абставінах яго выданне зацягнулася на некалькі год.

Асобае месца сярод археаграфічных выданняў М. В. Доўнар-Запольскага займае зборнік «Мемуары декабрыстоў», апублікаваны ў Кіеве ў 1906 г. У гэтым выданні М. В. Доўнар-Запольскі звярнуўся да гісторыі грамадска-палітычнай думкі Расіі, што стала своеасаблівым водгукам вучонага на рэвалюцыйны падзеі 1905 г. і сведчыла аб яго глыбокіх сімпатыях да дэмакратычнага руху, які ўзмацняўся ў краіне. Зборнік «Мемуары декабрыстоў» стаў першым афіцыйна дазволеным выданнем, прысвечаным гісторыі дэкабрызму. Дзякуючы гэтаму зборніку шырока чытач набыў магчымасць азнаёміцца з праектамі канстытуцый, запіскамі, пісьмамі дэкабрыстаў, а таксама матэрыяламі следчых спраў.

У 1925—1926 гг. М. В. Доўнар-Запольскі, які ў гэты час займаў пасаду старшыні гісторыка-археалагічнай камісіі Інбелкульта, зноў заняўся публікацыяй крыніц па гісторыі Беларусі. Ён стаў адным з ініцыятараў выдання серыі зборнікаў «Беларускі архіў» — першага археаграфічнага выдання на Беларусі ў савецкі час. Вучоны прыняў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы да друку першага выпуску гэтай серыі (убачыў свет у 1927 г.). Значная частка дакументаў публікавалася па копіях, якія зрабіў М. В. Доўнар-Запольскі яшчэ да рэвалюцыі ў архівах Масквы, Кракава і Варшавы.

Вынікам выдавецкай дзейнасці М. В. Доўнар-Запольскага стала ўвядзенне ў навуковы зварот вялікай колькасці невядомых дакументальных крыніц. Зборнікамі, якія апублікаваў М. В. Доўнар-Запольскі, карысталіся некалькі пакаленняў гісторыкаў. Яго археаграфічныя выданні не страцілі сваёй каштоўнасці і сёння.

М. В. Доўнар-Запольскі лічыў выданне архіўных дакументаў справай важнай і адказнай, бо якасць гістарычных даследаванняў залежыць ад ступені дакладнасці матэрыялаў, якімі карыстаецца даследчык. У сваю чаргу, якасць выдаваемых дакументаў, па яго меркаванню, знаходзіцца ў прамой залежнасці ад метадаў падрыхтоўкі гістарычных матэрыялаў да публікацыі.

У канцы XIX ст. выданне архіўных дакументаў у Расіі значна пашырылася. Аднак розныя ўстановы і прыватныя асобы, якія займаліся публікацыяй гістарычных крыніц, арыентаваліся хутчэй на інтуіцыю, чым на якія-небудзь нарматыўныя патрабаванні да выданняў. Адсутнасць адзінай метадыкі публікацый і слабы кантроль за іх якасцю прыводзілі да таго, што многія дакументальныя зборнікі выдаваліся нядабайна і карыстацца імі было даволі цяжка. У сувязі з гэтым М. В. Доўнар-Запольскі паспрабаваў сістэматызаваць прынцыпы публікацыі архіўных матэрыялаў, якія зводзіліся да строгага адрознення копій і арыгіналаў, праўленых ці няпраўленых рукапісаў, імкнення пазбегнуць публікацыі крыніц па копіях чацвёртага парадку і вышэй, раскрыцця толькі надрадкавых скарачэнняў і да выдзялення (але не змянення) няясных ці нават яўна памылковых месц ў тэксце, шляхам захавання палеаграфічных асаблівасцей дакументаў. Гэтыя прынцыпы зводзіліся, галоўным чынам, да дасягнення найбольш поўнай у сучасных умовах адпаведнасці публікацыі арыгіналу.

Пры складанні дакументальных зборнікаў, лічыў М. В. Доўнар-Запольскі, неабходна імкнуцца максімальна аблегчыць працу тых, хто будзе імі карыстацца. З гэтай мэтай неабходна прытрымлівацца вызначанага парадку — храналагічнага, тэматычнага і г. д. Па меркаванні вучонага, асаблівую ўвагу трэба звяртаць на падрыхтоўку падрабязнага і дакладнага навукова-даведачнага апарату. Большасць з пералічаных прынцыпаў так ці інакш выкарыстоўвалася айчыннымі выдаўцамі ў канцы XIX ст., але выкарыстоўвалася не ў комплексе, што вяло да досыць нізкага якаснага ўзроўню публікацый.

Зрэшты, М. В. Доўнар-Запольскі не толькі падагульніў наяўны вопыт, але і дадаў некалькі важных элементаў у гэтую сістэму. Так, вучоны паставіў пытанне аб неабходнасці дакладнай перадачы лексічных асаблівасцей дакументальных крыніц, што мае вялізную значнасць з пункту гледжання гісторыі мовы. Невыкананне гэтага патрабавання пры падрыхтоўцы зборнікаў дакументаў да друку М. В. Доўнар-Запольскі адносіў да ліку істотных недахопаў публікацыі. Некаторыя прынцыпы М. В. Доўнар-Запольскі запазычыў з заходнееўрапейскага вопыту публікацыі гістарычных крыніц. Напрыклад, метада вылучэння незразумелых месцаў у тэксце шырока выкарыстоўваўся ў XIX ст. у выданнях Кракаўскай акадэміі.

М. В. Доўнар-Запольскі таксама ўдзяляў увагу распрацоўцы практычных рэкамендацый па выданню архіўных вопісаў, у прыватнасці, вопісаў збору Літоўскай Метрыкі. Гісторык звярнуў увагу на тое, што гэтыя вопісы звычайна выдаваліся па метрычных рэстрах, якія мелі шэраг недахопаў — бессістэмнасць, пропускі назваў, прозвішчаў і чыслаў, у назвах судовых актаў часта не паказаны прадмет і рэзультат суда і г. д. Таму пры выкарыстанні вопісаў даследчыкі

вимушаны былі траціць шмат часу на пошук неабходных дакументаў. Выданне вопісаў па метрычных рээстрах, як лічыў М. В. Доўнар-Запольскі, не здавальняла галоўнаму да яе патрабаванню — «чтобы описать, при необходимости краткости, давала отчётливое представление о содержании акта, давала возможность исследователю проникнуть в бытовые и юридические особенности источника и сверх того была бы так расположена, чтобы по ней легко было освоиться с содержанием и значением целого отдела документов»¹. Зыходзячы з гэтага, М. В. Доўнар-Запольскі бачыў толькі адзін рацыянальны метада стварэння вопісаў — рэгістрацыю асобных дакументаў кожнай кнігі Метрыкі па зместу і размяшчэнне іх па аддзелах (рубрыках). Каб даследчыкам было лягчэй працаваць з вопісамі, М. В. Доўнар-Запольскі лічыў магчымым змяняць ці дапаўняць арыгінальныя назвы дакументаў, надаючы ім такія загаловкі, каб падкрэсліць асаблівасці матэрыялу. Разам з гэтым, вучоны заклікаў да захавання старажытнай прававой і гаспадарчай тэрміналогіі, якая змяшчаецца ў загаловаках або ў саміх актах.

Працэс падрыхтоўкі і выкарыстання архіўных вопісаў заўсёды звязаны з сур'ёзнымі цяжкасцямі. Каб палегчыць працу даследчыкаў і архівістаў, М. В. Доўнар-Запольскі прапанаваў наступную класіфікацыю вядомых вопісаў дакументаў. 1. Каталогі спраў (з паказаннем гадоў і нумароў). 2. Інвентарныя вопісы (з назвай справы або кароткай навуковай заметкай). 3. Падрабязныя вопісы (з раскрыццём зместу кожнага асобнага дакументу і з выбаркамі — тып, які пераходзіць у выданне). Асобна стаяць: з аднаго боку — агляд дакументаў па рубрыках, з другога — картачны паказальнік, які замяняе каталог ці вопіс².

М. В. Доўнар-Запольскі разглядаў усякае археаграфічнае выданне з дваю пункта погляду: па-першае, з боку непасрэдна археаграфічнага і, па-другое — з боку гістарычнай важнасці публікуемых матэрыялаў. Вучоны лічыў, што ў першую чаргу неабходна публікаваць тыя матэрыялы, якія характарызуюць альбо ўсю дзяржаву, альбо буйныя яе часткі ў той ці іншы перыяд. І толькі пасля гэтага мэтазгодна пераходзіць да выдання дакументаў, якія адлюстроўваюць якія-небудзь дэталі ў эканамічным жыцці, палітычным ладзе і г. д.

Такім чынам, М. В. Доўнар-Запольскі прывёў метадыку падрыхтоўкі архіўных дакументаў да публікацыі ў адпаведную сістэму і, абапіраючыся на яе, самастойна выдаваў дакументальныя зборнікі, якія склалі адну з найважнейшых частак яго навуковай спадчыны.

Азнаямленне з архіўнай справай лагічна прывяло М. В. Доўнар-Запольскага да думкі аб неабходнасці яе рэфармавання. Яркім сведчаннем таму служыць дзейнасць вучонага на XI (Кіеўскім) археалагічным з'ездзе (1899 г.), дзе ён прадстаўляў дзве буйныя ўстановы — Імператарскае Маскоўскае археалагічнае таварыства і Маскоўскі архіў Міністэрства юстыцыі.

На пасяджэнні археаграфічнага аддзялення з'езда (2 жніўня) М. В. Доўнар-Запольскі настойваў на стварэнні асобай камісіі, якая б распрацавала і вынесла на зацвярджэнне з'езда праект упарадкавання архіўнай справы на прадмет хадайніцтва перад урадам. Такая камісія была створана і выпрацавала «Праект асноўнай архіўнай рэформы в России». Па ініцыятыве групы вучоных, у тым ліку і М. В. Доўнар-Запольскага, у праект увайшлі прапановы аб забеспячэнні памяшканнямі існуючых губернскіх вучоных архіўных камісій, а таксама аб штогадовых субсідыях ім. Праект быў прыняты аднагалосна.

На агульным пасяджэнні з'езда (16 жніўня) М. В. Доўнар-Запольскі зрабіў аглядальны даклад, у якім прааналізаваў дзейнасць губернскіх вучоных архіўных камісій за 1896—1898 гг. Гэты даклад сведчыць аб тым, якое вялікае значэнне М. В. Доўнар-Запольскі надаваў планамернаму выданню гістарычных матэрыялаў, прычым не столькі ў рамках губернскіх камісій, абмежаваных недахопам сродкаў, колькі ў выглядзе цэнтралізаваных публікацый³.

Метадыка падрыхтоўкі архіўных дакументаў да публікацыі, распрацаваная М. В. Доўнар-Запольскім, з'яўляецца цэласнай сістэмай, заснаванай як на вывучэнні айчынай і замежнай практыкі выдання гістарычных крыніц, так і на асабістым вопыце. Ва ўмовах, калі не існавала адзінага падыходу да публікацыі архіўных матэрыялаў, метадыка М. В. Доўнар-Запольскага была вялікім крокам наперад і адкрывала перспектывы ўдасканалення выдавецкай справы ў Расіі.

Комплексны падыход да публікацыі дакументальных крыніц, распрацоўка прынципаў выдання і класіфікацыі архіўных вопісаў і, нарэшце, дзейнасць па рэарганізацыі архіўнай сістэмы Расіі — усё гэта з'яўляецца буйным укладам М. В. Доўнар-Запольскага ў айчынную археаграфічную навуку.

¹ Довнар-Запольский М. В. Старинные описи Литовской Метрики. Спб., 1901. С. 19.

Е. Н. СУРТА

ХРИСТИАНСТВО В АНТИЧНОЙ ГАЛЛИИ

Долговременный процесс превращения Галлии языческой в христианскую начался со II в. — в эпоху неуклонного распространения подвергаемой гонениям новой религии. Однако первоисточниками о появлении в Галлии первых христианских общин, как правило, являются новозаветные сказания и легенды, достоверность которых сомнительна. Так, источником для большинства подобных историй являются новозаветные сюжеты, согласно которым во все главные области Галлии христианство было принесено лицами, упоминаемыми в Новом Завете или тесно связанными с ними, так как каждая крупная церковь в христианстве старалась вести свое начало от персонажей Нового Завета — для авторитетности и собственного веса. Это общая тенденция.

Одно из таких древних преданий повествует о Лазаре и двух его сестрах со слугами, которые из Иудеи приплыли в небольшой лодке к берегам Южной Галлии и обратили в христианство жителей города Марселя, Экса и других¹. По другой легенде, пять учеников апостола Павла занимались миссионерской деятельностью в Галлии. Трое из них, Трофим, Крискент и Павел, проповедовали в Арле, Вьенне, Нарбонне; Афродизий — в Безьере, а Дионисий — в Париже². Источником для всех этих сказаний являются новозаветные сюжеты, а в легенде об апостольских посланцах, вероятно, еще и неверное прочтение фразы из «Второго послания к Тимофею» апостола Павла, где говорится, что Крискент отправился в Галатию, а вовсе не в Галлию³.

Вполне вероятно, что эти и подобные им легенды были созданы в более позднее время сторонниками апостольского происхождения галльской церкви, в особенности предстоятелями римской кафедры, для оправдания вмешательства в дела этой церкви и обоснования своих стремлений к супрематии на Западе. Именно этим объясняется использование папой Зосимом (417—418) в своем послании к арльскому епископу Патроклу легенды об ученике апостола Павла Трофиме, посланнике Рима, который проповедовал в Арле, откуда христианство и распространилось по всей Галлии⁴. Причем папу Зосима нисколько не смущало явно греческое имя и происхождение арльского примаса Трофима. Однако мысль о том, что из Арля христианство могло распространиться в другие места Галлии, не лишена основания. На это указывают в своем послании к папе Льву Великому (440—461) и галльские епископы⁵. Но с конца II — начала III в. группы христиан, существовавшие в Арле и Марселе, находились под эгидой Лионско-Вьеннской церкви как объединяющего и самого раннего центра христианства на территории Галлии.

В этой связи особый интерес представляет предание, излагаемое Григорием Турским, о посольстве из семи епископов, направленных в середине III в. из Рима в Галлию с миссионерской целью⁶. Причем каждый из семи, по преданию, был послан в определенный город: в Тур — епископ Катиян, в Арль — епископ Трофим, в Нарбонн — епископ Павел, в Тулузу — епископ Сатурнин, в Париж — епископ Дионисий, в Клермон — епископ Стремений, в Лимож — епископ Марциал. Уже только взглянув на эти имена, можно определенно сказать, что число «семь» является здесь результатом сведения к одному варианту (видимо, в середине VI в.) нескольких преданий галльской церкви (может быть, по аналогии с семью малоазиатскими церквями в «Откровении» Иоанна), которыми воспользовался Григорий Турский, соединив епископов, живших и действовавших в разное время и явившихся легендарными основателями церквей в крупнейших городах Галлии, в символическое число. Среди этих семи миссионеров греческие имена Трофима, Павла и Дионисия, проповедовавших соответственно в Арле, Нарбонне и Париже, в точности соответствуют тому, что сообщается в предании, основанном на новозаветном сюжете.

Однако является очень сомнительным проникновение христианских проповедников уже в начале II в. далеко в глубь страны, до Парижа, так как христианизация городов южной и средней Галлии началась в сравнительно позднее время: в середине III в. В частности, для Сатурнина Тулузского возможно установить точную дату на основании *Passio S. Saturnini*, отрывок которого приводит Григорий Турский. Сатурнин стал епископом Тулузы в 251 г.⁷ Следовательно, о существовании тулузской церкви можно говорить со второй половины

III в. В это же время возникли, по преданию, переданному Григорием Турским, церкви не только в Тулузе, но и в Лиможе и Туре, причем все они были основаны миссионерами с именами латинского происхождения: Сатурнином, Марциалом, Катрианом.

Это свидетельствует о том, что галльская церковь имела такие отношения с римской кафедрой, которые определялись значением и положением последней и были отмечены еще Иринеем Лионским (конец II в.), почитавшим римскую общину центром всех церквей⁸. Однако здесь шла речь вовсе не о зависимости и уж тем более не о юридическом подчинении галльской церкви римской, а о нравственном долге — уважать авторитет одной из старейших церквей, законной преемницы сразу двух апостолов.

О существовании в середине III в. в Галлии нескольких епископий свидетельствует факт, упоминаемый в послании святого Киприана Карфагенского папе Стефану по поводу обвинения арльского епископа Марциана в ереси новатиан⁹. Во-первых, письмо Киприана указывает на существование в середине III в. самостоятельной церкви в Арле помимо Лионско-Вьеннской, а во-вторых, на существование нескольких, хотя и не названных епископий на территории Галлии.

Таким образом, ранее середины III в. на территории Галлии, расположенной выше области среднего Рейна, не было основано ни одной церкви, кроме Лионско-Вьеннской. На самом юге этой римской провинции до середины III в. появились церкви в Арле, а также, вероятно, в Марселе, Нарбонне, Безьере. Однако возникли они там вовсе не благодаря посланцам Рима и вовсе не в среде галло-римского населения. Причиной этого была сама историческая ситуация, сложившаяся в Галлии во II — первой половине III в. Сведения, содержащиеся в источниках, о христианизации этой римской провинции относятся, главным образом, к Лионско-Вьеннской церкви, и то лишь к событиям, происшедшим в ней в последней трети II в. Поэтому проследить первые шаги возникновения новой религии практически невозможно. Можно только делать определенные предположения, опираясь на свидетельства более поздних первоисточников. Основными из них являются «Церковная история» Евсевия Памфила и сочинения Григория Турского.

Историческая ситуация в южной Галлии во II — начале III в. характеризовалась давними торговыми связями между портами Малой Азии, и особенно Смирны, бывшей тогда центром восточной торговли, и средиземноморским побережьем Галлии. Эти торгово-экономические связи способствовали тому, что азиаты и сирийцы поднимались по Роне и останавливались по берегам этой реки в местах, где местные условия сулили возможность благополучной жизни. Вьенн и Лион были пристанищем этих переселенцев, что обусловило возникновение именно в этих городах первой в Галлии христианской церкви.

Политическая объединенность античных народов под сенью Рима во многих отношениях содействовала успехам такой универсальной религии, как религия Христа. Римская империя охватывала тогда огромную территорию от Евфрата до Атлантики, от Британии до Африки, что содействовало тесным культурным связям внутри ее границ. Отсутствие политических перегородок внутри империи и национально-этническое многообразие населения в более или менее крупных политических центрах, к которым принадлежали Лион и Вьен, обусловили легкость христианского прозелитизма. И поскольку первыми приверженцами новой религии были в подавляющем большинстве азиаты, то христианские общины появлялись первоначально там, где были рассеяны их поселения¹⁰. Такой и была Южная Галлия, где значительную часть населения больших городов по берегам Роны составляли выходцы с Ближнего Востока. Римская империя уничтожила преграды для духовно-культурного соприкосновения различных племен и народов. Греки, малоазийцы, евреи жили здесь, смешавшись с галло-римским населением. Поэтому вполне вероятно, что галльские города Марсель, Арль и их окрестности так же, как Лион и Вьенн, услышали первую христианскую проповедь при Антонинах. И если невозможно проследить самые первые шаги христианства на территории Галлии, то, на основе свидетельств Евсевия Памфила и Григория Турского, можно утверждать, что первые миссионерские церкви здесь возникли в первой половине II в. Из пятой книги «Церковной истории» Евсевия известно, что период правления римского императора Марка Аврелия, а точнее 177 г., ознаменовался жестокими гонениями против Лионской и Вьеннской церквей¹¹. Тогда первым епископом здесь был выходец с Востока, 90-летний Фотин, который руководил Лионской церковью с 130 г., и, будучи сподвижником Поликарпа Смирнского, получил от последнего в 161 г. себе в преемники, тогда еще пресвитера, Ирения, уроженца Смирны или ее окрестностей¹².

Многие христиане Лиона и Вьенна из тех 48 мучеников, которые пострадали

во время гонений 177 г.¹³, как и посланец Поликарпа, были пришельцами с Востока и носили греческие имена: и вьеннский дьякон Санкт, и новопросвещенный малоазиец Матур, и уроженец Пергама Аталл, который был, по утверждению Евсевия, столпом здешних христиан, и фригиец Александр, и физически немощная, но мужественная Бладина с мальчиком Понтиком¹⁴. Среди несчастных, отрекшихся, а затем «образумившихся», Евсевий называет сирийку из Библоса Вивлию. Все эти факты могут трактоваться в том смысле, что корни христианской церкви в Галлии находятся на Востоке. Именно греко-азиатская церковь была *ecclesia matrix* для Лионско-Вьеннской церкви¹⁵.

Во II — первой половине III в. постоянный приток новых сил из Азии подерживал состав христианского населения в галльских общинах. Контакты между лионской и вьеннской церквями были непрерывны; обе они составляли в сущности одну, так как нигде нет упоминаний о существовании во Вьенне особого епископата, а если бы он существовал, то наверняка не остался бы незамеченным; в обоих господствовал греческий язык; в обоих существовали тесные отношения между азиатскими выходцами и местным населением, говорившим на латыни, что способствовало пока еще слабой христианизации галло-римского населения.

Уже со времен Поликарпа Смирнского прослеживаются тесные связи малоазиатских церквей с Лионско-Вьеннской церковью. Именно Поликарп послал в Галлию своего ученика Ириней, который сыграл заметную роль в ее христианизации, в восстановлении лионской церкви после гонения и ратовал за единство вселенской Церкви. Все это способствовало тому, что именно к малоазиатским и фригийским церквям отправили послание, написанное по-гречески, южно-галльские христиане в 178 г., где в ужасающих подробностях описали события 177 г. в Лионе и Вьенне. Послание это представляло собой своеобразный отчет, который галльская церковь в качестве почительной дочери давала церкви малоазиатской, тем более, что многие пострадавшие были выходцами с Востока. Кроме этой цели, послание преследовало и другую, полемическую цель: оно было направлено против монтанизма, который, как и гностицизм был занесен с Востока в долину Роны. Еще при жизни Монтана и Присциллы в Лионе с восхищением говорили об их пророчествах и сверхъестественных качествах¹⁶. И это вовсе не удивительно, во-первых, потому что постоянно существовавший обмен между церквями Востока и Запада способствовал тому, что Галлия весьма рано узнала о монтанизме, и, во-вторых, лионская церковь, с ее восточными корнями, не могла остаться равнодушной к движению, которое увлекло Фригию и смущало Малую Азию. Поэтому некоторые из лионских христиан, как, например, врач Александр, были последователями движения, возникшего во Фригии.

Таким образом, распространение и утверждение христианства в Галлии, становление там первых церквей осуществлялось миссионерами с Востока, использовавшими в своих целях торгово-экономические связи и духовно-культурную интеграцию греко-малоазиатских переселенцев и галло-римского населения. Однако, вплоть до середины III в., а в северной Галлии и дальше, основную массу христиан составляли уроженцы ближневосточных стран, так как среди местного галло-римского населения многих городов, а особенно в сельской местности, более двух столетий еще господствовал языческий политеизм. Но уже в тот период инициатива в распространении и утверждении здесь христианства перешла из рук восточных миссионеров в руки римских легатов.

¹ См.: Православная богословская энциклопедия. Спб., 1903. Т. 4. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ 2 Тим. 4:10.

⁴ См.: Zosimus para. Epist. I.

⁵ См.: Ibid. Epist. LXV.

⁶ См.: Gregor Turon. Hist. Franc. I, 28.

⁷ См.: Gregor Turon. Libri Miraculorum, I, 48.

⁸ См.: Ириней Лионский. Пять книг обличения и опровержения лжеименного знания. III, 3, 3. Спб., 1903.

⁹ См.: Syprian. Epist. LXVIII, 1.

¹⁰ См.: Keller J. *Katolicyzm starożytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa*. Warszawa, 1969. S. 309; Ренан Э. Христианская церковь. Ярославль, 1991. С. 252.

¹¹ См.: Euseb. Caesar. Hist. eccl. V, 1.

¹² См.: Ibid. V, 4; V, 5; Keller J. Op. cit. S. 306.

¹³ См.: Gregor Turon. Hist. Franc. I, 27.

¹⁴ См.: Euseb. Caesar. Hist. eccl. V, 1.

¹⁵ См.: Keller J. Op. cit. S. 306; Ренан Э. Указ. соч. С. 25 и далее; Малицкий Н. Борьба галльской церкви против пап за независимость. М., 1903. С. 12.

¹⁶ См.: Euseb. Caesar. Hist. eccl. V, 3; V, 8.

А. Р. УСМАНОВА

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УНИВЕРСУМА КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ У. ЭКО

Философский интерес к знаковой природе культуры и проблеме языка (не только в узко лингвистическом смысле) обнаружил множество интересных семиотических, философских, лингвистических аспектов языкового универсума. Интенция на отражение языкового своеобразия определяется отчасти тем, что анализ ситуации в культуре немислим без выявления ее символического строя. Разумеется, семиотическое поле неоднородно, распределение семантической емкости происходит неравномерно, и в системе символики, специфичной для данной культуры, аксиологическим приоритетом обладают те смыслообразы, которые воплощают сущностные черты мироощущения человека в определенной культурной ситуации и потому превращаются в универсальные символы эпохи. Случается, что долгое время они находятся на периферии художественной традиции и внезапной трансформацией своей значимости обязаны изменению социокультурной ситуации и становлению новой мировоззренческой парадигмы.

О постмодернистской парадигме как некоей целостности можно говорить весьма условно, ибо она представляет собой разноцветную мозаику, коллаж, хаотические фрагменты которого соединяются лишь благодаря «склеивающим» их общим принципам: принцип эклектичности, позволяющий использовать одновременно самые разнопорядковые идеи и явления; принцип децентрации, ликвидирующий привилегию Центра в пользу равноправного существования многих «центров», — интерес современной культурологии смещается от целостности бытия к чистому потоку становления, от текста к контексту, от центра к периферии; новая картина мира легитимирует тотальный релятивизм, случайность и ошибку. В расколоте на множество самостоятельных миров изменившемся мире чрезвычайно актуален вопрос об упорядочении, сорасчленении и взаимоизмерении элементов культуры. Возникает проблема «порядка» как того, что, по словам М. Фуко, «задается в вещах как их внутренний закон, скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом»¹. Именно такая фиксация взгляда на картографии культурного пространства, осуществленная структурализмом, обусловила возможность сочетания идеи структуры с идеей комбинаторной бесконечности, признание равноценности Хаоса и Порядка в постструктуралистской мысли (в данном случае речь идет о философской ситуации «после-структурализма вообще»), которая отказалась от мертвой структуры в пользу процесса структурирования, но при этом сохранила доминирование «пространственной логики» мышления. Это обнаруживается даже при поверхностном анализе языка современной культурологии: в терминах дерева, маятника, картографии, деконструкции, конфигурации, смещения и разлома, центра и периферии исследуются механизмы власти, язык, бессознательное, социальный порядок, литература. Случается, что одно такое понятие, ключевое в концепции того или иного автора, генерирует целую теоретическую конструкцию, и тогда оно становится ключевым для читателя и впредь будет ассоциироваться именно с этим автором. В данном контексте нас интересует понятие, ставшее специфической точкой отсчета для итальянского семиотика, философа, писателя Умберто Эко. Речь идет о модели лабиринта, которую, однако, не следует принимать за стержневую структуру в концепции Эко, это одна из многих — пусть даже и удачно выбранная — точек зрения. Но тема лабиринта интересна для нас не

только ролью, которую она играет в творчестве Эко, но также и тем, что она прекрасно выполняет интегрирующую функцию в современной культуре, предоставляя нам возможность познакомиться с тематическим репертуаром постмодернистского мышления.

Модель лабиринта явилась точкой пересечения постмодернистских, постструктуралистских интересов итальянского семиотика, одновременно разрешающей связать современность с его «главным ремеслом» медиевиста. На лабиринт как чрезвычайно насыщенную символическими смыслами фигуру обращали внимание многие авторы. Достаточно вспомнить о предметном лабиринте Бюотора, языковых лабиринтах Гадды и Кено, культурных лабиринтах Музиля, Борхеса, Кортасара, о работах Сантарканджели, Делеза и Гваттари. Думается, заслуга Эко в том, что он осознал важность этой модели (до него лабиринт был не более чем метафорой) для понимания современной культуры и мироощущения человека в ней.

Эта модель очень удобна и для нас: ее исследование может разворачиваться лишь как построение «лабиринта в лабиринте», ибо, во-первых, лабиринт может быть рассмотрен как самостоятельный предмет исследований в семиотических изысканиях Эко; во-вторых, как форма организации сюжетного пространства в собственном романе Эко «Имя розы», где лабиринт является воплощением методологического принципа и очевидным доказательством жизнеспособности этой модели, оказываясь к тому же наглядным примером постструктуралистской деятельности, акцентирующей внимание на процессе структурирования в большей мере, чем на вычленении законченной и мертвой структуры; в-третьих, как ключ к пониманию творческой эволюции Эко, его философских и литературных поисков, отдающих эхом интертекстуальности; и наконец, как культурологическая модель, оживившая архаичную мифологическую форму духом постмодернистской литературы и практики и позволяющая рассмотреть весь мир под одним определенным углом зрения (разумеется, при условии осторожного с ней обращения во имя избежания излишней схематизации и упрощения). Таким образом, мы невольно оказываемся внутри своеобразного лабиринта, имеющего множество выходов и предлагающего нам обнаружить их, а заодно и совершить увлекательную прогулку по текстам.

У. Эко исследует лабиринт в нескольких работах: «Семиотика и философия языка», «Эстетика Хаосмоса: средневековые Дж. Джойса», «Заметки на полях» к роману «Имя розы» и др. Он обращается к интересующему нас понятию, следуя оппозицию «словарь/энциклопедия», восходящую к модели «дерево/лабиринт», при этом он считает необходимым отметить, что речь идет не о метафорах, а о «топологических и логических моделях, которые основываются на неметафорическом понятии Пирса «неограниченный семиозис». Эко показывает, что поскольку «текст может порождаться и интерпретироваться, постольку целостность семиозиса может быть постулирована в форме лабиринта»². Метафорическая идея лабиринта лежит в основе более широкого понятия энциклопедии: универсальной книги, классифицирующей мир, обнаруживающей в нем скрытый порядок. Эта тема была обыграна Борхесом, заинтересовавшимся фактом произвольности теоретического вымысла для обнаружения «порядка», поиском рациональных оснований для классификации, показавшим, что проблематичность и произвольность составленных энциклопедий имеют причину: мы не знаем, что такое мир и какова его цель, но «мы должны угадывать слова, определения, этимологии и синонимы таинственного словаря Бога»³. Эко видит в понятии энциклопедии регулятивную идею, способ, с помощью которого можно очертить возможный формат семиотического универсума и обнаружить экспериментальные способы его описания, интерпретировать его, что означает — узнать новые возможности энциклопедии. Лабиринт здесь выступает как алгоритм исследования, продуцирующий гипотезы, предмет для фальсификаций относительно дальнейшего развития. Но этому требованию удовлетворяет не всякий лабиринт, а лишь определенного типа. Эко выделяет три его вида⁴.

1) Греческий, или классический. В нем никому не удастся заблудиться, надо лишь добраться до середины. «Смак мероприятия» в том, что неизбежна встреча с Минотавром. Над таким лабиринтом властвует слепая необходимость, выбора не дано. Это клубок с нитью Ариадны, и разматывающий его получает непрерывную линию. Этот вид лабиринта ничего не дает для понимания энциклопедии.

2) Существует еще лабиринт маньеристический, появившийся в эпоху позднего Ренессанса. В плане это что-то вроде дерева — корни, крона. Разветвленные коридоры со множеством тупиков. Выход один, но как его найти? Такой лабиринт не нуждается в Минотавре, ибо сам является Минотавром.

3) И, наконец, существует «сеть» — то, что у Делеза и Гваттари называется «ризом». Она устроена таким образом, что в ней каждая дорожка имеет воз-

возможность пересечься с другой. Здесь нет ни центра, ни периферии, ни выхода. Ризома — это спутанный клубок электрических лампочек и проводов, которые напоминают «крыс, извивающихся одна поверх другой»⁵. Потенциально такая структура безгранична. Вслед за Эко нас интересует именно этот тип лабиринта, представляющий модель для энциклопедии как регулятивной семиотической гипотезы под кодовым названием «модель Q». Универсум семиозиса — это универсум человеческой культуры, и он должен быть понят как структурированный подобно лабиринту третьего типа, так как: а) он структурирован согласно сети интерпретант; б) он фактически бесконечен, так как принимает в расчет множественные интерпретации, осуществляемые различными культурами и т. д. «Сеть» — бесконечная, лишенная единого центра, поливалентная, напоминает нам о «тексте» Барта («метафора текста — сеть») ⁶, о «генотексте» Кристевой, о незримом лабиринте времени, «саде расходящихся тропок» Борхеса. При помощи модели лабиринта мы можем «читать» мир как книгу и, наоборот, книгу как универсум со своей скрытой структурой. Эко, исследуя творчество Дж. Джойса, последовательно развивает мысль о том, что книга — это лабиринт из «разноцветных лент», в котором пространство и время беспорядочно переплетены в замысловатый узор, и что Джойс, возможно, не сознавая этого, «сконструировал» свой роман «Улисс» по образу и подобию лабиринта ⁷. Книга Джойса — это, с одной стороны, закрытый космос, подчиненный законам схоластического *Ordo*, а с другой стороны, — утверждение открытого письма, порождающего бесконечную цепь ассоциаций. Замысел Эко — создание собственного «открытого» произведения — воплотился в романе «Имя розы», в котором он объединил замкнутость средневекового пространства и открытость современной культуры. Этот роман — «в сущности история лабиринтов и совсем не только пространственных» ⁸. Как представляется, рассчитывая на «структуралистские прочтения», Эко выстраивает роман в форме лабиринта же. Используя нарративные приемы детективного жанра, он воплощает идею лабиринта в динамике повествования: первое столкновение Вильгельма Баскервильского и Адсона из Мелька со злодеяниями в монастыре равносильно вступлению на территорию лабиринта. Развязка романа — разрешение детективной загадки и выход из лабиринта одновременно. В романе роль Тезея отведена Вильгельму, а слепой Хорхе кажется нам поджидающим свою жертву Минотавром. Удовлетворяя вкусы любителей детективного жанра «лабиринтообразным» способом повествования, Эко вводит лабиринт в сюжетное пространство романа и как самостоятельную смысловую единицу в форме библиотеки, выступающую при этом как образная модель средневекового способа мышления (читателю дано право самому обнаружить реликты этого феномена в современной культуре). Библиотека, выстроенная по плану лабиринта, отражает средневековую страсть к глубокой символичности всего уклада жизни, наивную «непростоту» мироощущения человека этой эпохи, полифоничность его мышления. Кроме того, уже будучи знакомым с тремя видами лабиринта, современный читатель, не свободный от опыта современности, из множества интерпретаций (мы вновь оказываемся в пространстве ризомы) может выбрать и такой вариант, когда можно прочесть сожжение в конце романа библиотеки дотла как метафорическое предвосхищение окончательного разрушения того мира, оплотом которого была монастырская библиотека и которому серьезно угрожает новая культура городов с их светскими университетами ⁹. При такой интерпретации «лабиринт» превращается в фундаментальную категорию, характеризующую определенный тип культуры и свойственный ей стиль мышления, а возникновение новой модели лабиринта может отождествляться с переконфигурацией культурного универсума.

Так, через ризому, вариант лабиринта, порожденный постмодернистским сознанием, высвечиваются основания соответствующей парадигмы. В ризоме все возможно и все допустимо, невозможен лишь выход за ее пределы; магистральное направление философствования растворяется во множестве автономных, но постоянно пересекающихся философских дискурсов. Таким образом, лабиринт в постмодернистском прочтении Умберто Эко предстает как семиотическая модель, отражающая особенности когнитивной ситуации и аксиологических приоритетов в современной культуре.

¹ Ф у к о М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 37.

² Е с о U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington, 1984. P. 2.

³ Б о р х е с Х. Л. // *Проза разных лет*. М., 1989. С. 218.

⁴ Э к о У. // *Имя розы*. М., 1989. С. 2.

⁵ Е с о U. *Semiotics...* P. 81.

⁶ Барт Р. // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 418.

⁷ См.: Eco U. The Aesthetics of Chaosmos: The Middle Ages of James Joyce. Harvard, 1989.

⁸ Эко У. Имя розы. С. 455.

⁹ Robey U. // Eco U. The Open Work. Harvard, 1989. P. XXX.

В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ

ФІЛАСОФІЯ КАНТА ў БЕЛАРУСІ ў ПЕРШАЙ ТРЭЦІ ХІХ ст.

У першай трэці ХІХ ст. у Беларусі і Літве пачалося асэнсаванне дасягненняў нямецкай класічнай філасофіі, і ў першую чаргу філасофіі І. Канта. Успрыняцце духоўнай спадчыны роданачальніка нямецкага ідэалізму пачалося з яго сацыяльна-палітычных ідэй. Адным з тых, хто першым па вартасці ацаніў сацыяльна-палітычную філасофію кёнігсбергскага мысліцеля як сістэму ідэй буржуазнага лібералізму, накіраваную на вызваленне асобы ад гнёту феадалізму, дэспатызму і царквы, быў ураджэнец Слонімшчыны, непасрэдны слухач і вучань Канта Іосіф Быхавец (1778 — 1845).

Былы студэнт Галоўнай школы Вялікага княства Літоўскага, удзельнік паўстання Т. Касцюшкі (1794) І. Быхавец, пасля падаўлення паўстання, ратуючыся ад рэпрэсій, апынуўся ў Кёнігсбергу, дзе слухаў апошнія лекцыі кёнігсбергскага мудраца. (З 1796 г. 72-гадовы Кант, як вядома, спыніў выкладчыцкую дзейнасць). Будучы ў Кёнігсбергу, Быхавец пераклаў на польскую мову і выдаў у 1796 г. толькі што выйшаўшы там трактат Канта «Да вечнага міру» (1795), у якім выказваліся гуманістычныя ідэі ўстанаўлення «вечнага міру» паміж народамі. Мір, паводле Канта, можа быць устаноўлены паміж дзяржавамі з дэмакратычнымі формамі праўлення, у якіх ажыццёўлена раздзяленне ўлад (г. зн. ажыццёўлена аддзяленне выканаўчай улады ад заканадаўчай), а таксама пры ўмове стварэння ўсеахопліваючай федэрацыі самастойных раўнапраўных дэмакратычных дзяржаў, наладжаных па рэспубліканскаму тыпу. Залогам утварэння такога саюза павінны служыць асвета, маральнае выхаванне, эканамічнае супрацоўніцтва народаў, разважнасць кіраўнікоў¹.

У 1799 г. Быхавец пераклаў на польскую мову і таксама выдаў у Кёнігсбергу яшчэ адзін твор Канта «Ідэі гісторыі ў сусветна-грамадзянскім плане», у якім даказвалася заканамернасць сацыяльнага прагрэсу, дзякуючы распаўсюджванню ведаў і пераадоленню забабонаў, асуджаліся феадальныя парадкі, што супярэчаць розуму чалавека. Сваімі перакладамі работ І. Канта на польскую мову І. Быхавец садзейнічаў прапагандзе ідэй палітычнага лібералізму. Яго перакладчыцкая, выдавецкая і каментатарская дзейнасць ішла ў адным напрамку з памкненнямі прыхільнікаў ліберальных ідэй у Беларусі і Літве, жаданым ідэалам для якіх была правая форма арганізацыі дзяржавы з падзелам улад.

Разам з І. Быхавцом высока цаніў філасофію кёнігсбергскага мысліцеля Енджэй Снядзецкі — брат Яна Снядзецкага, прафесар хіміі Віленскага ўніверсітэта, які лічыў, што «ў вучоным свеце Кант заслужана набыў сабе бессмяротную славу»².

Ацэнку Е. Снядзецкага падзяляў куратар Віленскай вучэбнай акругі князь А. Чартарыскі, а таксама рэктар універсітэта І. Страйноўскі, якія вырашылі запрасіць на кафедру філасофіі ў Вільна каго-небудзь з вядомых кантыянцаў. Выбар выпаў на прафесара філасофіі Эрлангенскага ўніверсітэта І. Г. Абіхта (1762 — 1816), якога А. Чартарыскаму рэкамендаваў акадэмік Пецярбургскай Акадэміі навук матэматык М. І. Фус (1755 — 1825). Да гэтага часу Абіхт быў ужо вядомы сваёй працай, што атрымала прэмію Берлінскай Акадэміі навук, «Прагрэс метафізікі ад Лейбніца да Вольфа» (1796), напісанай у духу трансцэндэнтальнага ідэалізму. У 1804 г. Абіхт прыбыў у Вільна. На працягу дваццаці гадоў ён выкладаў тут логіку, метафізіку, этыку, псіхалогію, уводзіны ў філасофію.

Дзейнасць І. Г. Абіхта ў Вільні супала з часам рэктарства (1807 — 1815) і актыўнай навуковай і педагагічнай дзейнасці Яна Снядзецкага, прыхільніка дэізму і сэнсуалізму французскага Асветніцтва, перакананага праціўніка апрыярызму і агнастыцызму І. Канта. Так, у пісьме да Т. Чацкага (1806) Я. Снядзецкі характарызаваў Канта як «сімptom параксізму і праяўленне сапраўднай заразы чалавечага розуму». У 1814 — 1821 гг. ім быў апублікаваны шэраг работ («Аб метафізіцы», «Аб філасофіі» і інш.), у якіх філасофія Канта называлася «метафізічным містыцызмам», да якога непрыдатна «салідная назва — філасофія»³.

Дэтальны аналіз крытыкі Я. Снядзецкім І. Канта дадзены ў работах Э. К.

Дарашэвіча, дзе, між іншым, разам з вартасцю адзначаны і істотныя недахопы гэтай крытыкі⁴. Дарашэвіч Э. К., у прыватнасці, піша, што «правільна крытуючы кантаўскі апрыярызм, схематызм, суб'ектыўна-ідэалістычныя тэндэнцыі, Я. Снядзецкі не прызнаваў у Канта нічога станоўчага, не бачыў каласальнай каштоўнасці пошукаў дынамічнасці, дыялектычнасці сусветных працэсаў, у тым ліку і ў тэорыі пазнання»⁵. Ацэнка беларускага даследчыка супадае з меркаваннем аўтарытэтнейшых польскіх гісторыкаў філасофіі — Я. Татаркевіча, Г. Струве і інш.⁶ Прызнаючы, такім чынам, змястоўнасць і актуальнасць крытыкі Канта Янам Снядзецкім, нельга не згадзіцца з вышэйпамянёнымі даследчыкамі ў тым, што яна мела аднабаковы і абмежаваны характар і спалучаючыся з высокім навуковым аўтарытэтам Яна Снядзецкага, перашкаджала правільнай, усебаковай ацэнцы філасофіі кёнігсбергскага мысліцеля. Адбілася яна і на дзейнасці Абіхта, якому ўдалося захаваць месца толькі дзякуючы падтрымцы А. Чартарыскага.

Пад націскам Я. Снядзецкага І. Г. Абіхт паспрабаваў змякчыць крайнасці кантаўскага апрыярызму і агнастыцызму, аб чым сведчыць змест яго працы «Уводзіны ў філасофію», выдадзенай у 1814 г. на лацінскай мове ў Вільні і прысвечанай акадэміку Мікалаю Фусу⁷. Аднак пастаянная канфрантацыя Я. Снядзецкага і І. Абіхта не магла абудзіць у слухачоў лекцый апошняга і сучаснікаў асаблівы інтарэс да філасофіі Канта. Тым не менш яго выкладчыцкая дзейнасць не прайшла бяспследна. З ліку вучняў Абіхта выйшлі вядомыя філосафы свайго часу, прапагандысты ідэйнай спадчыны нямецкага мысліцеля. У прыватнасці, яго вучань К. Л. Шырма стаў прафесарам філасофіі Варшаўскага ўніверсітэта (1824 — 1831).

Побач з К. Л. Шырмам пэўную ролю ў прапагандзе духоўнай спадчыны І. Канта ў Беларусі і Літве, у прыватнасці, яго педагогічных поглядаў адыграў другі вучань Абіхта, выпускнік Віленскага ўніверсітэта Ян Баброўскі (1777 — 1823). Ён пераклаў і выдаў у Вільні ў 1819 г. працу І. Канта «Аб педагогіцы», у якой нямецкі мысліцель праводзіў ідэю змякчэння ўплыву царквы на выхаванні працэс. У ёй, у прыватнасці, Кант, педагогічныя погляды якога знаходзіліся пад значным уплывам Ж. -Ж. Русо, салідарызаваўся з французскім асветнікам у тым, што рэлігійнае выхаванне трэба пачынаць не з дзіцячага, а хутчэй, з юнацкага ўзросту, паколькі дзеці не могуць скласці сабе належнага разумення пра бога, а значыць, усвядоміць свае абавязкі перад ім. Таму неабходна спачатку азнаёміць дзяцей з абавязкамі чалавека, яго назначэннем, умацаваць у іх сілу разважання, даць ім неабходныя звесткі аб сусвеце і толькі пасля гэтага раскрыць ім паняцце аб вышэйшай сутнасці. Гэтыя ідэі вынікалі з мэт выхавання, якое, паводле Канта, павінна весці чалавечы род да дасканаласці, развіваць яго прыроду, садзейнічаць выкананню чалавекам яго прызначэння.

Выданне Я. Баброўскага было забяспечана прадмовай перакладчыка, заўвагамі, а таксама біяграфічнымі звесткамі, узятымі з кнігі французскага даследчыка Шарля Вілера «Трансцэндэнтальная філасофія Канта» (1801), якія поўнасна расходзіліся з ацэнкай Канта Янам Снядзецкім. «Было б поўнай памылкай лічыць Канта толькі метафізікам, таму што ён быў таксама матэматыкам, астраномам, хімікам, займаўся прыродазнаўчай гісторыяй, фізіялогіяй, мовамі, мастацтвам... Усё, што пісаў філосаф, было істотна, таму што служыла ўдасканаленню нашых здольнасцей, маралі, прагрэсу чалавецтва»⁸.

Артадаксальным паслядоўнікам Канта быў іншы вучань І. Г. Абіхта, які пасля заканчэння Віленскага ўніверсітэта асеў на Случчыне (1817), магістр філасофіі Л. Развадоўскі. Ён прысвяціў усё сваё свядомае жыццё вывучэнню і каменціраванню філасофіі Канта. Пасля яго смерці (1869) засталася некалькі рукапісаў, важнейшы з якіх — «Філасофская сістэма Канта» — да 1905 г. захоўваўся ў бібліятэцы Слуцкай гімназіі. Далейшы лёс гэтага рукапісу пакуль невядомы.

Да ліку яўных праціўнікаў Канта адносіўся ўрадженец Магілёўшчыны Аніол Даўгірд, настаўнік Абіхта па кафедры філасофіі Віленскага ўніверсітэта, аўтар фундаментальнага «Трактата аб уласцівых мысленню правілах ці логіка тэарэтычная і практычная» (Полацк, 1828), у якім праводзіцца паслядоўны крытычны аналіз «Крытыкі чыстага розуму», яе асноўных частак — трансцэндэнтальнай эстэтыкі, трансцэндэнтальнай аналітыкі і трансцэндэнтальнай дыялектыкі. Менавіта ў гнасеалогіі Канта Даўгірд выявіў найбольш слабыя моманты яго суб'ектыўна-ідэалістычнай філасофіі. Ён падышоў да разумення адной з асноўных супярэчнасцей сістэмы І. Канта — дапушчэнню номенаў і, па сутнасці, адмаўленню іх існавання па-за пачуццём і свядомасцю⁹.

З іншых, кансерватыўных пазіцый змагаліся з Кантам прафесары Полацкай езуіцкай акадэміі. Яны крытыкавалі нямецкага мысліцеля за тое, што ў сваёй галоўнай працы — «Крытыцы чыстага розуму» — ён паслядоўна абвергнуў усе асноўныя доказы быцця бога — анталагічнае, касмалагічнае, тэалагічнае — і

прышоў да яўна мяцежнага вываду аб тым, што «рацыянальная тэалогія» як тэарэтычная навука немагчыма і як такая не мае права на існаванне. Калі ўлічыць, што ў Полацкай езуіцкай акадэміі функцыянаваў тэалагічны факультэт, то падобныя меркаванні Канта мелі, несумненна, зладзённы характар, і менавіта таму яны выклікалі такую негатыўную рэакцыю каталіцкіх артадоксаў.

У пачатку 20-х гадоў XIX ст. у Беларусі і Літве пачалося знаёмства з філасофіяй Шэлінга. Вяшчальнікам ідэй філасофскага рамантызму выступіў Ю. Галухоўскі (1797 — 1858), фундаментальна адукаваны філосаф, вучань і прыяцель Шэлінга. Вядомасць яму прынес прывесчаны Шэлінгу і выдадзены ў 1822 г. у Эрлангене на нямецкай мове твор «Філасофія і яе адносіны да жыцця цэлых народаў і асобных людзей» (у 1834 г. перакладзены Д. М. Вялянскім на рускую мову). Гэтая праца і паслужыла падставай для запрашэння Ю. Галухоўскага на кафедру філасофіі ў Віленскі ўніверсітэт, дзе яго выкладчыцкая дзейнасць працягвалася вельмі недоўгачасна (з восені 1823 па люты 1824 г.). Сутнасць яго лекцый, што карысталіся незвычайнай папулярнасцю ў слухачоў, у тым, што філасофія заклікала дапамагчы людзям у разуменні свету як гарманічнай боскай цэласнасці, у пошуках сувязей з творчымі сіламі прыроды і пераадолення такім чынам сацыяльнага атамізму. Кожны народ павінен мець сваю нацыянальную філасофію, а сапраўдны філосаф з'яўляецца органам народнай самасвядомасці, што мае права ў сваім імкненні да ісціны не лічыцца з застыўшымі традыцыямі і меркаваннем большасці. Індывіду філасофія павінна даць «цэласны погляд на свет», пачуццё адзінства з народамі і сусветам, без чаго немагчыма станаўленне асобы. Нягледзячы на сваю папулярнасць, а, можа, і насуперак ёй, Галухоўскі пасля завяршэння судовага працэсу над філаматамі разам з іншымі папулярнымі прафесарамі (Баброўскім, Данілевічам, Лелевелем) быў пазбаўлены кафедры нібыта на падставе «дрэннага ўплыву на моладзь».

Закрыццё самадзяржаўем галоўных навуковых цэнтраў крытыкі Канта «злева» і «справа» (Віленскага ўніверсітэта ў 1832 і Полацкай езуіцкай акадэміі ў 1820), з аднаго боку, выкладчыцкая дзейнасць Ю. Галухоўскага, з другога, садзейнічалі змяншэнню ў Беларусі цікавасці да філасофіі Канта і абуджэнню павышанай увагі спачатку да ідэй Шэлінга, а потым (у 30 — 40-я гг. XIX ст.) — Гегеля. Такім чынам, пік навуковага ўспрыняцця філасофіі Канта на Беларусі прыпадае на першую трэць XIX ст. Палеміка, што вялася вакол філасофіі Канта ў гэты час, садзейнічала развіццю філасофскай думкі Беларусі, умацаванню ліберальнага напрамку грамадскай думкі, аслабленню ўплыву тэалогіі. Гэтая незаслужана забытая старонка нацыянальнай гісторыі філасофіі, несумненна, патрабуе пільнай увагі даследчыкаў.

¹ Галоўныя ідэі трактата І. Канта «Да вечнага міру» аўтарам гэтага артыкула выкладаліся на Усесаюзнай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 250-годдзю І. Канта (Калінінград, красавік 1974). Надрукаваны ў дадатку да зборніка «Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта» (Калінінград, 1977, с. 132 — 137) — рэфератыўны пераказ Д. І. Грышына.

² Ś p i a d e s k i J. Dzieła. Warszawa, 1840. Т. 3. S. 269.

³ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 1. С. 631.

⁴ Гл.: Д о р о ш е в и ч Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. Мп., 1971. С. 80 і далей.

⁵ Там жа. С. 87.

⁶ Гл.: Historia Nauki Polskiej. Wrocław; Warszawa etc., 1977. Т. 3. S. 361.

⁷ Гл.: A b i c h t I. H. Initia philosophiae proprie sic dictae. Vilnae, 1814. P. 11.

⁸ К а н т І. О pedagogice. Wilno, 1819. S. VII, VI.

⁹ Гл.: Д о р о ш е в и ч Э. К. Аниол Довгирд — мыслитель эпохи Просвещения. Мн., 1967. С. 173 — 174.

Т. І. ГЛУШАКОВА КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ ФАРМИРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ШКОЛЫ АБРАЗАПІСАННЯ (XI — XVI стст.)

Культурная з'ява, што ўвайшла ў навуковы ўжытак пад назваю «беларускі абраз» — яскравае сведчанне творчых намаганняў і адкрыццяў нашых шматлікіх продкаў, але і ў роўнай меры — адкрыццё сучасных беларускіх даследчыкаў, «доўгачаканая нечаканасць»¹, якая мусіць узнавіць духоўныя каштоўнасці.

Не заглыбляючыся ў пытанне пачатку гісторыі абразопісання, трэба адзначыць, што гэтая галіна традыцыйнага мастацтва на беларускіх землях пачала развівацца гэтаксама, як і ў шмат іншых хрысціянскіх краінах, маючы ў якасці падмурку добраўядомы і распаўсюджаны візантыйскі стыль. Магутная духоўная візантыйская традыцыя, найбольш характэрнымі рысамі якой сталі дыдактыч-

насць, спірытуалізм, праграмнасць, сімвалічнасць і адухоўленасць, прысутнічала ў нашым рэгіёне не толькі ў выглядзе мастацкага імпарту (як, напрыклад, багародзічны абраз, што быў прысланы канстанцінопальскім імператарам у адказ на просьбу Ефрасіні Полацкай), але і ўвасобленая ў сакральных творах мясцовых майстроў, якія ў даволі шчыльным прамежак часу ўвайшлі на этап самастойнага пераасэнсавання ўсходніх мастацкіх узораў. Дастаткова падстаў дзеля падобнага меркаванняў дае ўжо XIV ст., калі на беларуска-украінскіх землях распачынаюцца працэсы «не сляпога капіравання пэўных візантыйскіх узораў, а, хутчэй, іх радыкальнай перапрацоўкі, якая сведчыла аб зусім іншым разуменні, чым гэта ўласціва было грэчаскім майстрам»².

З сярэдзіны XV ст., калі захоп туркамі Канстанцінопаля кладзе канец існаванню Візантыйскай імперыі, лёс візантыйскай духоўнай традыцыі вырашаецца на чужых тэрыторыях. Шляхі развіцця гэтага поствізантыйскага мастацтва былі разнастайнымі, на беларускіх жа землях яны набываюць своеасаблівы характар. На нашу думку, немагчыма пагадзіцца з высновай, што ў XVI ст. «быў паложаны пачатак паступовай *нейтралізацыі* візантыйскай традыцыі. Тым самым як бы пастаўлена на выпрабаванне яе жыццяздольнасць»³.

Падставы для немагчымасці безумоўнага прыняцця тэрміну «*нейтралізацыя*» даюць наступныя разважанні. На Беларусі, найперш, з прычыны яе геапалітычнага і культурнага становішча, традыцыйна існавала шырокая магчымасць пранікнення розных мастацкіх стыляў, у прыватнасці, твораў рэлігійнага мастацтва з каталіцкага Захаду. Частка мясцовых жыхароў, а з XIV ст. яна становіцца даволі значнай, належала да каталіцкай канфесіі, і можна меркаваць, што густы гэтай праслойкі тагачаснага грамадства задавальняліся ўзорамі заходняга мастацтва. Значным у шэрагу названых акалічнасцей падаецца і той момант, што для Беларусі гэтых часоў быў характэрны менавіта такі тып праваслаў'я, які не меў моцнага адцення непрыхільнасці ці непрыязнасці да Рыму і да каталіцызму увогуле. З узмацненнем сувязей з заходнееўрапейскай цывілізацыяй у XVI ст. узоры новых стыляў, з прынцыпова іншымі, чым у візантыйскім абразе, рысамі і спосабамі выяўлення гэтых рысаў, становяцца вельмі пашыранымі. Нашы продкі знаёмяцца з той манерай выканання абраза, дзе на першае месца выходзіць пачуццёвае, а часамі нават і натуралістычнае, матэрыяльнае. Такім прыкладам можа служыць алтарная карціна «Пакланенне вешчуню» (1514 г.), выкананая ў стылі Паўночнага Адраджэння. Лірычны, амаль інтымны настрой, мяккая жывапісная манера, адметнай рысай якой з'яўляецца свежы, натуральны каларыт, цікавасць да партрэтнай распрацоўкі вобразаў, паказвае, якога роду мастацкі імпорт уплываў на складанне стылю мясцовага рэлігійнага жывапісу.

Далейшае развіццё айчыннага абразопісання нельга, на наш погляд, разглядаць як «*нейтралізацыю*» візантыйскага стылю — гэта была эпоха сінтэзу, вельмі своеасаблівага спалучэння, сплаву візантыйскай духоўнай традыцыі з традыцыямі каталіцкага заходнееўрапейскага мастацтва. Менавіта ў рэчышчы такога сінтэзу, у пошуках разузнага кампрамісу і пачаў зараджацца феномен беларускага нацыянальнага іканапісу, беларускага абраза. Найбольш выразна тэндэнцыя складання гэтага феномена можна прасачыць на прыкладах багародзічных ікон. У XV — XVI стст. ва ўсёй усходняй Еўропе атрымліваюць шырокае распаўсюджанне спіскі ікон Багамаці Адзігітрыі. Шырацца яны і на Беларусі. Тыя новыя з'явы, што пазней, у XVI — XVII стст., становяцца найбольш характэрнымі рысамі беларускага абраза, можна выразна прасачыць на прыкладзе абраза Багамаці Адзігітрыі са Слуцкага раёна. Майстар протасардэчна і старанна паўтарае візантыйскі ўзор; несуразмернасць фігур на іконе гаворыць, што ён не заўсёды ўмеў рабіць так, як патрабуюць правілы гэтага ўзору, але вельмі выразна відаць, як прагне ён выказаць свае пошукі душэўнай праўды. Візантыйскія абразы заўсёды выконваліся ў гэткай меры ідэальнасці ў сваёй адлучанасці, што свет чалавечых перажыванняў не мог, здаецца, сутыкнуцца з іх высокай духоўнасцю. Гэтыя абразы найчасцей прызначаны былі адцягнуць чалавечую душу ад зямных захапленняў, перавесці іх у іншы план, прыблізіць да спакою сузірання. Згаданая ж ікона Слуцкіх знаходзіцца ў сваёй лірычнасцю, прывабнасцю, душэўнай раскрытасцю, прыналежнасцю свету зямных пачуццяў.

У межах працэсаў фарміравання беларускага абраза адбываўся не проста сінтэз розных стыляў з аб'яднаннем у новую форму і змест выпадковых ці неістотных рысаў «чужога» мастацтва. Гэта быў складаны працэс адбору менавіта лепшых стылёвых прыкмет і бакоў, гэтак жа, як і запавыванне толькі тых ідэй іканапісу, што найболей адпавядалі ментальным структурам хрысціянскіх народаў, якія жылі ў межах этнічнай Беларусі. Больш падрабязней спынімся на зносінах з візантыйска-праваслаўнай традыцыяй. Галоўнае, што імпанавала, вабіла ў візантыйскай канцэпцыі іконы — гэта яе надзвычай высокая адухоўленасць. Але, як нам падаецца, у візантыйскім абразе было нешта і такое,

што малады растуць беларускі этнас цалкам прыняць не мог. У вельмі вызваленых тыпах гэтых ікон погляд звернуты ў глыбіню, а не накіроўваецца ў свет; як мы ўжо прыгадвалі, ён абьякавы да сферы зямных учынкаў, перажыванняў. Усё гэта вельмі добра суадносілася з культурнай атмасферай рафінаванага, пагружанага ў класічныя заняткі Канстанцінопаля, але як далёка гэта было продкам нашай зямлі, якая актыўна шукала свой асабісты гістарычны і, што асабліва важна, свой непаўторны духоўны шлях. Важна заўважыць і наступнае. Візантыйскі абраз «у сваёй сутнасці ёсць найбольш поўная адпаведнасць візантыйскай рэлігійнай ідэі... найбольш чыстае ўасабленне візантыйскай канцэпцыі іконы»⁴. Праваслаўная рэлігійная ідэя ў рамках Візантыі атрымала сваё найлепшае і прадуктыўнае ўасабленне ў містыка-філасофскай тэорыі ісіхаізма (Грыгорый Палама, Грыгорый Сінаіт, Мікалай Квасіла). Бог як сутнасць абсалютна недаступны пазнанню, таму перад першарэччамі філасофія апынаецца ў стане апоры (ад слова «Порос» — «проход» з адмоўным «а»). Гаворачы ўмоўна, да Вышэйшага няма ні маста, ні парома. Рэлігія, у адрозненне ад філасофіі, ведае аб непрыступнасці Боства, але ўсё ж спрабуе ўступіць з ім у сувязь тымі асобымі шляхамі, якія адкрыты толькі ёй, вобразна кажучы, наладзіць масты (адсюль і сёння «панціфэкс» — будаўнік мастоў — першасвятар Рымскай царквы). Аб сваіх асаблівых шляхах сувязей з Богам і вучылі ісіхасты. Бог працяўляе сябе ў сваіх энергіях, да якіх можна дакрануцца адзіным шляхам — сузіраннем. Тэорыя рэлігійнага «звароту да самага сябе», як нам здаецца, аказала наймацнейшы ўплыў на складванне канцэпцыі візантыйскага абраза. Нейтральны, нерухомы, маўклівы — такі тып абраза пры павольным углядванні ў яго даваў чалавеку дабрую магчымасць выслабніцца ад эмоцый, ад якога б то ні было асабістага ўспрымання, і стаць здольным да разумення боскага прататыпу. Зразумела, што гэты тып абразоў, найперш, мог узнікнуць у манастырах, у пустэльніцтве, у свеце практычна і духоўна адлучаным ад мітусні жыцця, але распаўсюджанне ісіхасцакага напрамку ў візантыйскай рэлігійнай свядомасці паслужыла актыўнаму падтрыманню той іканаграфічнай традыцыі, якую мы умоўна называем «духоўнай сузіральнасцю».

Такім чынам, усходняя ікона стала свайго роду сродкам рэалізацыі праваслаўна-аскетычнага падыходу да «духовнага делання». Для Беларусі, што першапачаткова прымае хрысціянства ў яго ўсходнім варыянце, нягледзячы на гэтыя абставіны, быў характэрны свой шлях духоўнага развіцця. Адметнасць яго вызначалася наступнымі акалічнасцямі. Па-першае, народы Беларусі ўспрынялі не толькі візантыйскую, але, як і іншыя славянскія народы, старажытнабалгарскую духоўную спадчыну. Па-другое, гэтая спадчына амаль адразу, праз невялікі гістарычны адрэзак, была дапоўнена і ўплывам каталіцкай духоўнай культуры. Па-трэцяе, усе пласты гэтай спадчыны аказаліся накладзенымі на такі магутны пласт асабіста славянскай і балцкай *язычніцкай* культуры, што на беларускай глебе ўсе гэтыя духоўныя ўклады моцна трансфармаваліся. І гэта мела вызначальны характар. Бо працэсы хрысціянізацыі беларускай зямлі адбываліся паступова, пераход насельніцтва са стану паганства ў лагер свядомых хрысціян адбываўся не гвалтоўным шляхам, а як вынік карпатлівай місіянерскай працы. Больш таго, асобныя балцкія групы насельніцтва прытрымліваліся паганскага веравызнання аж да XIV ст. Менавіта гэтая праслойка старажытнабеларускага грамадства была ахрышчана ў перыяд другой «рэлігійнай хвалі», якая ішла цяпер ужо не з Візантыі ці Балгарыі, а з каталіцкага Захаду і склала даволі шматлікую групу беларускіх каталікоў. Гэтыя чыста гістарычныя абставіны зусім іншым чынам уздзейнічалі на складванне адметнага *духоўнага* шляху беларускага этнасу. Доўгачасовае мірнае суіснаванне на нашай зямлі хрысціянства з паганскім светапоглядам выпрацоўвала ў тагачасным грамадстве незвычайную цягучасць да перакананняў і рэлігійных схільнасцей акаляючых асоб, парадзіла феномен талерантнасці, аналагаў якой наўрад ці можна знайсці ва ўсім еўрапейскім свеце. У аснове нашага адметнага тыпу духоўнасці цалкам ляглі рэлігійныя ідэі. І хоць гэтыя ідэі ў аснове сваёй нічым не адрозніваліся ад тых ідэй, што цыркулявалі ў суседніх і больш далёкіх хрысціянскіх краінах, асаблівасць была не столькі ў іх змесце, колькі ў незвычайнай свабодзе перамяшчэння, пранікнення і, што асабліва важна, пераплеценасці і ўзаемаўплывах. Не толькі «хрысціянскае» побач з «паганьскім», але і «хрысціянскае» ў розных яго адценнях і традыцыях. Наш непаўторны, «свой» тып духоўнасці адгэтуль — з мазаічнасці, багацця і, у пэўнай меры, сумяшчальнасці рэлігійных ідэй і рэлігійнага жыцця ўвогуле.

З нашых разважанняў напрашваецца наступны вывад. Духоўная рэлігійная традыцыя, якая пачала складвацца ўжо ў першыя вякі бытавання хрысціянства ў нашым народзе, з цягам часу выступіла своеасаблівым культурным «сітам», праз якое адбываўся паступовы і старанны адбор рысаў і ідэй візантыйскага рэлігійнага жывапісу, найбольш адпавядаючых растучаму, маладому, дзейснаму

беларускаму этнасу. Народу, што свае найважнейшыя сацыяльныя і нацыянальныя якасці — памяркоўнасць і цярпімасць — усклаў на падмурак духоўнага жыцця, у візантыйскім сакральным жывалісе імпанавала перш за ўсё ягоная высокая адухоўленасць. Менавіта гэтая вызначальная рыса цалкам лягла ў аснову канцэпцыі беларускага нацыянальнага абраза. Але ў духоўным і мастацкім строях абразоў, якія нарадзіліся ў рамках светапогляду, не зусім падобнага да візантыйскага, непазбежна з'яўляецца свая асабістая інтэрпрэтацыя, якая з цягам часу і нараджае феномен — «беларускі абраз».

¹ Гл.: В е т е р Э. И. // Неман. 1981. № 8.

² П у ц к о В. Г. // Наш радавод. Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 2. С. 367.

³ Ё н ж а // Наш радавод. Гродна, 1992. Кн. 4. Ч. 1. С. 64.

⁴ П о п о в а О. С. // Древнерусское искусство. М., 1977. С. 142 — 143.

М. С. МАМАРАЗАКОВ
МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА В БЕЛАРУСИ:
ПРОБЛЕМА КУЛЬТА

Шесть столетий назад в ряде мест на территориях современных Беларуси, Литвы и Польши стали селиться татары. Эта юбилейная дата символизирует начало возникновения татарской диаспоры, т. е. расселения части народа вне страны происхождения. Данный этнос, естественно, принес с собой и свою религию — ислам.

Исследователи прошлого не оставили без внимания этот феномен. Наиболее фундаментальный труд о татарской диаспоре Северо-Западного края был написан в прошлом веке уроженцем Новогрудка, профессором Санкт-Петербургского университета А. Мухлинским¹. Представляют интерес в этом плане также книга С. В. Думина и И. Б. Канапацкого и брошюра А. Станкевича. По мнению этих и других ученых, предки белорусских и польско-литовских татар — выходцы из Золотой Орды.

В последние десятилетия влияние ислама, как и религии в целом, на этих территориях было значительно подорвано в результате нередко насильственных секуляризационных процессов и других факторов. Религия современных татар диаспоры сосредоточилась, как правило, в сфере быта и семейных отношений.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать уровень знания и практического соблюдения религиозно-бытовых традиций, обычаев и обрядов у татар на основе социологического исследования, проведенного автором в марте 1993 г. в городах Ивье и Новогрудок Гродненской области², а также интервьюирования нескольких лиц татарской национальности в районах Крушнине и Бохоники Белостокской области Польши (май 1992 г.). В ходе исследования подтвердилось наше предположение, что мы будем иметь дело с «бытовым исламом», значительно отличающимся от так называемого канонического. У обследуемых выявлено преобладание обыденного уровня религиозного сознания, в котором идейное содержание несколько размыто, но это компенсировано значимым эмоционально-чувствительным началом. Данный уровень религиозного сознания глубоко связан с семейно-бытовыми традициями, национальными обычаями и непосредственным житейским опытом человека.

Свое исследование мы начали с вопроса о знании респондентами истории происхождения белорусских татар, ибо он неизбежно включал и выход на проблемы религии. Оказалось, что большинство (57 %) респондентов старшего возраста в общих чертах знают историю своего народа, который волею судеб оказался далеко от родной земли. Напротив, молодежь имеет об этом слабые знания. Только 18 % молодых людей (до 30 лет) в той или иной степени знакомы с историей поселения своего народа на белорусской земле. Это накладывает отпечаток и на жизненные ориентации молодежи и на ее отношение к татарским семейно-бытовым традициям и религии. Плохо или вообще не знают семейно-бытовые традиции и обычаи татарского народа 86,3 % молодых людей. Удовлетворительно знают эти проблемы лишь 13,6 % обследованной молодежи. Подлинными носителями национальных семейно-бытовых традиций, обычаев и обрядов являются люди среднего (46 %) и особенно старшего возраста (90 %).

В сознании белорусских татар остались еще следы доисламских верований и обычаев, но в более размытом виде по сравнению с регионами, где мусульмане проживают компактно (напр., Узбекистан). Так, верования и поклонение культурам воды и солнца проявляются среди татарского населения Беларуси и Польши

незначительно (от 2 до 9 %). Тогда как в современном Узбекистане поклонников этих культов, уходящих корнями в зороастризм, в два и более раз больше. Здесь, очевидно, сыграли свою роль и экологический, и климатический факторы.

На религиозное сознание в условиях татарской диаспоры оказало значительное влияние христианство, главным образом его бытовые традиции и обряды, пережитки в них элементов язычества. В книге польских исследователей П. Баравского и А. Дубинского о татарах на землях Великого княжества Литовского описывается, что в некоторых их общинах придерживались старого культового обычая — молитвы о дожде, как это практиковалось и у христиан. Но здесь включался тюркский национально-религиозный элемент: в жертву приносился черный баран. Эти действия нередко проводились на берегах рек совместно с христианами, но молитвы татары и христиане совершали отдельно.

Известно, что систематизирующим началом всякой религии является ее идейное содержание. Без него немисливо существование всей совокупности религиозных традиций и обычаев, которые тесно вплетены в ткань религиозных отношений. Исходя из этого, в исследовании был поставлен вопрос: «Знакомы ли вы с Кораном?» Результат превзошел ожидания: люди от 55 лет и старше в большинстве (70,9 %) читают Коран как в русском переводе, так и на арабском языке, а некоторые — на польском. Во многих семьях сохранились редкие издания Корана. Один из наших респондентов, житель Новогрудка Шагидович Али Амуратович (1923 г. рожд.), показал уникальный экземпляр Корана, написанный на польском языке арабским шрифтом и изданный, по словам владельца, в XVIII в. Это издание Корана считалось давно утраченным. Его владелец свободно читает и комментирует эту редкую книгу. 29 % людей старшего возраста знакомы с содержанием Корана через муллу и других лиц. В молодежной возрастной группе лишь 9 % читали Коран, а 52 % имеют представление о нем из рассказов муллы и других людей. Около 40 % вообще ничего не знают о священной книге мусульман. Как видно, в среднем возрасте (от 30 до 55 лет) интерес к Корану повышается, а поэтому в данной категории «сам читал» — уже 28 %, «слышал от муллы и других лиц» — 43, «не знаю» — 27 %.

Сравнительный анализ с данными, полученными нами в Узбекистане (1991 — 1992), свидетельствует о том, что среди белорусских татар, в основном людей старшего возраста, проявляется больший интерес к Корану. Быть может, это связано с тем, что в их семьях священная Книга — одна из немногих национальных ценностей, единственное связующее звено с предками. Изучался также вопрос о том, какие культовые установления ислама исполняются респондентами (имелись в виду: исповедание, молитва, пост, закят, хадж и обрезание).

Как известно, исповедание веры — главное мусульманское требование, сущность которого в произнесении сакральной фразы на арабском языке (языке пророка): «Ля иллах-илла-Аллах ва Мухаммадун расулу-л-лах» (нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммад — Посланник его). Произнесение этой фразы означает принадлежность к исламской религии. В нашем исследовании этот символ веры признают среди молодежи — 31,8 %; у людей среднего возраста — 51 и старшего — 87 %. Делать на основании этих данных вывод о значительной религиозности татарского населения, в том числе и молодежи, было бы натяжкой, так как эта религиозность зачастую носит недостаточно осознанный характер, а ответ на «исповедание веры» прозвучал во многом чисто импульсивно, как отзвук на нечто духовно глубинное. Об этом говорит, например, отношение реципиентов к молитве, когда даже в среде людей в возрасте 55 лет и старше она выполняется, как правило, лишь по пятницам и в религиозно-праздничные дни. Среди молодежи примерно каждый седьмой так или иначе молится. Для строго мусульманского требования ежедневная пятикратная молитва — весьма скромное выражение религиозности.

Пост (ураза) — важнейшее культовое установление ислама — многими опрошенными выполняется по разрешению муллы в начале, середине и конце месяца Рамазана. А ведь мусульманские требования предусматривают строгий пост в течение всего священного месяца. Среди мусульманских культовых требований выделяется «закят» — налог в пользу нуждающихся мусульман, который исламские правоведы толкуют как «очищение», ибо он делает базгрешным пользование богатством. Закят должен составлять около 2,1 % дохода. Исследование дает основание утверждать, что закят и родственный ему обычай «садака» (добровольное пожертвование) не забыты белорусскими татарами. Более половины людей старшего возраста, около 40 % среднего возраста и даже молодежь (25 %) исполняют эти гуманные мусульманские установления. Но вот обряд обрезания совершенно не практикуется в быту белорусских татар, что существенно отличает их от мусульман традиционного и компактного распространения ислама.

В Беларуси, как известно, нет могил мусульманских святых, но культ последних и почитание могил умерших предков весьма высокое. Среди респондентов старшего и среднего возраста в культ святых и могил предков верит около 90 % опрошенных, а среди молодежи — почти каждый второй. Причем похоронный обряд белорусских татар имеет существенные отличия от обряда мусульман компактного проживания. Например, после смерти родственника в течение 40 дней читаются молитвы на могиле, чем отдается дань уважения к усопшему, его земным делам. Заключительные блоки исследования помогли установить, что лишь 23,2 % опрошенных утверждают, что в их семьях никто не соблюдает мусульманских праздников и обрядов. Следовательно, культ ислама в этой категории населения имеет широкое распространение. Кроме того, примечательно и то, что никто из опрошенных не отметил негативной роли мусульманского культа в их жизни. Напротив, свыше 70 % респондентов признали его положительное значение.

Анализ «бытового ислама», семейно-бытовых традиций, обычаев и обрядов на основе исследования в среде белорусских татар показывает несостоятельность утверждений о потере национальной самобытности этим малым народом, утрате им традиций, обычаев и вероисповедания.

¹ М у х л и н с к и й А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. С.пб., 1857. Его же. Zdanie sprawy o Tatareck Litewskich. Vilnius, 1858. Т. 4.

² Д у м и н С. У., К а н а п а ц к и И. Б. Белорусские татары: Прошлое и настоящее. Мн., 1993; С т а н к е в и ч А. Белорусские мусульмане и белорусская литература арабским письмом. Вильня, 1933.

³ Анкетированием в этих населенных пунктах было охвачено около 10 % обследуемого населения.

А. А. КРУГЛОВ

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБСТАНОВКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

Анализируя религиозную обстановку в республике, нельзя не обратить внимания на призывы — создать национальную религию. В качестве таковой одни предлагают православие, другие католицизм, а третьи — униатство. Что касается первой позиции, то она исходит от православной церкви, которая уже называется не Русской, а Белорусской православной церковью Московского Патриарха (пока! — А. К.). Да и преобразование Минской епархии в Белорусский экзархат — не случайное явление. Как видим, первые шаги сделаны. Об этом же свидетельствует и чтение проповедей на белорусском языке и попытки церковников перевести на национальный язык Библию. В этом проявляется их оперативное приспособление к новым веяниям.

Католическая позиция в этом вопросе сводится чаще всего к окатоличиванию (под видом белорусизации) церковной службы. Представители же народного фронта «Адраджэнне» в качестве национальной религии выдвигают униатство, обосновывая это прежде всего тем, что униаты, ведя проповеди на белорусском языке, якобы не только сохранили белорусский язык, но и уберегли его от русификации. В этой связи хотелось бы высказать несколько замечаний. Во-первых, творцом и хранителем белорусского языка, как и любого другого, был и остается сам народ. Во-вторых, униаты пользовались белорусским языком лишь с целью завоевания авторитета у белорусов. И, наконец, в-третьих, ратуя за униатство, его приверженцы, осознают они это или не осознают, ратуют за католицизм.

Для последнего утверждения есть все основания. Учение униатства базируется на философско-теологической доктрине католицизма. В части исповедания веры униаты, как и католики, признают, что святой дух (третья ипостась христианского Бога) исходит не только от Бога-отца, но и Бога-сына. Униаты, как и католики, признают главенство над своей церковью папы римского и обязаны почитать его во время богослужения. Как и католики, они признают культ богоматери. В социальном плане униатская церковь полностью стоит на позициях Ватикана. Лишь в обрядовом отношении униатам пока разрешено придерживаться православной практики, да и то не во всем: совершать богослужение на национальных языках, а священникам — жениться.

Что же касается самой идеи национальной религии, то она вообще неприемлема для Беларуси. Дело в том, что спецификой всякой национальной религии

* Окончание. Начало см.: Вестн. БДУ. Сер. 3. 1993. № 2.

является то, что ее приверженцами могут быть люди одной национальности. А это ведет к разжиганию религиозно-националистической вражды и даже к шовинизму. К сожалению, в республике уже имеются случаи межконфессиональной вражды даже среди христианских церквей. И каждая из них обосновывает право на господство истинностью своей веры, тесной связью с народом и исторической обусловленностью. А если уж и вести речь о религии белорусского народа, но не о национальной, то можно в какой-то степени говорить лишь о ранних верованиях приднепровских славян.

Приверженцы национальной религии утверждают, что они борются за восстановление подлинной нравственности и духовности народа. Многие из них видят в религии основу духовной культуры. Такого рода утверждения не выдерживают элементарной критики. Хорошо известно, что духовную культуру составляют наука, философия, мораль, искусство, литература, музыка и т.д. Входят сюда также религия и атеизм как элементы духовной культуры.

Религия является духовной культурой верующих. Причем для христианина ислам, естественно, не является духовной культурой, как и для представителя буддизма не является духовной культурой христианство. У приверженцев разных религиозных конфессий своя духовная культура. В то же время и у сторонников материалистических идей своя духовная культура. Религиозная духовная культура, конечно, оказывает определенное положительное или отрицательное влияние на светскую культуру. Взять, к примеру, Библию как памятник истории культуры. Ее сюжеты вдохновляли и до сих пор вдохновляют художников, писателей, композиторов. В то же время известно, что, например, христианская церковь, насаждая религиозную духовную культуру, фанатически боролась против народного творчества, против светской духовной культуры, т.е. против того, что выражало дух народа, его культуру.

И тем не менее возрождению религии в Республике Беларусь уделяют внимание даже политические движения и партии. Так, например, Белорусский народный фронт «Адраджэнне», выступая якобы за свободу вероисповедания, за равноправие конфессий, а также «за отделение атеистической пропаганды от государства», в то же время ратует «за возвращение веры предков» как существенного элемента полноценной духовной жизни человека. Хотелось бы спросить у авторов этих положений лишь о том, что они понимают под «верой предков»: ранние верования славян? католицизм? униатство или вообще иудаизм, который в свое время имел широкое распространение в Белоруссии (до Октябрьской революции действовало 704 синагоги, в то время как самая крупная христианская конфессия (православие) при самых благоприятных условиях имеет в настоящее время 788 общин)?

Еще большие надежды на религию возлагает Белорусский христианско-демократический союз (БХДС), провозгласивший своей основной целью «морально-духовное, национальное, политическое и экономическое возрождение общества, его объединение вокруг церкви». Главным же своим программным принципом партия утверждает, что выход из всеобщего кризиса возможен только «через возрождение в обществе мировоззренческого фундамента, заложенного в Бессмертной Книге Божьей — Евангелии Господа Иисуса Христа!» Вот так. Вернитесь в лоно церкви, причем только христианской, станьте верующим, познайте Иисуса Христа, и всеобщего кризиса как и не бывало. Вместо него сразу появятся: «демократия, правовое государство, рыночное хозяйство, национальное самоуправление белорусского народа», т. е. все то, что весьма устраивает идеологов этой партии. А в конечном результате главным достижением и приобретением якобы «в деятельности БХДС будет Личность как образ и подобие Божие, как равная среди равных». Одним словом, говорим одно, думаем другое, а делаем третье. Каждому понятно, что опора на религию нужна БХДС лишь для прикрытия своих истинных целей. Никакая религия, даже национальная, не поможет нам построить поистине демократическое правовое государство.

Современные политики вытягивают религию в свои шумные игры для поднятия личного авторитета в глазах уставших от постоянного ухудшения жизни людей. Нынешние идеологи рыночной реформы призывают нас к терпению, покорности и даже покаянию. Больше всего призывают к покаянию православные иерархи и та часть интеллигенции, которая видит в православии спасение народа. На самом же деле в этом четко просматривается попытка Русской православной церкви вернуть себе утраченные привилегии и вновь превратить народ в послушное стадо. А интеллигенты-перевертыши своими призывами к покаянию всячески способствуют этому. Но спросить бы их всех: в чем грех и в чем должен каяться, например, колхозник, который честно и добросовестно трудился, кормил страну, обеспечивал ее хлебом, мясом, молоком, а получал за свой труд мизерную зарплату, не говоря уже о нищенской пенсии, которую ему жаловали распреде-

лители национального дохода? То же самое можно сказать и о добросовестном рабочем, интеллигенте.

Если уж и каяться, то лишь в том, что в свое время, как, впрочем, и теперь, они терпели, молчали, не того выбирали, не за того голосовали. Что же касается бывших идеологов и партократов, особенно ныне пережившихся, которые больше всего и призывают народ к покаянию, то они-то сами и должны бы в первую очередь покаяться в том, как довели этот самый народ до нищеты и голода, а страну — до развала. В полной мере это относится и к нынешним «слугам народа», которые, подобно древнему стойку Сенеке, призывают людей к покаянию, терпению и аскетизму, а себе ни в чем не отказывают, живут в свое удовольствие за счет обманутого народа.

Как ни парадоксально, но призывающие нас к покаянию и следовать десяти библейским заповедям, чаще всего сами не знают последних. Я уже не говорю о тех социально-нравственных предписаниях, которые приводятся в Библии вслед за десятью заповедями и которыми каждый христианин должен руководствоваться в своей жизни. О чем все это говорит? Прежде всего о том, что навязывание христианской морали, как показывает практика, связано чаще всего с непониманием ее сущности. Лишь незначительная часть людей делает это сознательно. Но эти последние хорошо понимают, что внедрение в сознание людей христианских принципов морали приведет к отречению от нравственных и духовных ценностей белорусского народа. А ведь они — весомая часть общечеловеческих нравственных ценностей. Вот их то и надо беречь, сохранять и развивать. Но вместо этого целенаправленно и осознанно развивается процесс растления личности. Если не обуздать растлителей, которые ради обогащения готовы на все, ни церковь, ни пропаганда религиозной морали нам не помогут.

Сошлюсь лишь на один пример, который свидетельствует о том, что нравственность не зависит от религиозности, и что религиозность не улучшает морали. Данные социологических исследований о состоянии религиозности в Европе и Северной Америке за 1992 г., приведенные польским журналом «Пшегленд повшехны», свидетельствуют, что самыми набожными вслед за жителями Ирландии являются граждане США (92 %), в том числе 214 млн (86,5 %) американцев считают себя христианами, а нравственность в тех же США с каждым годом падает, растет преступность. Только подростков от 14 до 17 лет арестовано в 1990 г. в 30 раз больше, чем в 1950, число внебрачных детей выросло по сравнению с 1960 г. на 500 %, среди несовершеннолетних в 1992 г. каждая десятая девочка была беременной. Исследователи падения нравственности связывают это явление прежде всего с разлагающим влиянием масс-культуры — низкопробной печатной продукции и особенно фильмов Голливуда, а также с массовой популяризацией в литературе и на экране секса. В то же время в Швеции, на которую мы стремимся в какой-то степени равняться, верующими себя назвали лишь 38 % населения, но преступность ниже, а нравственность значительно выше, чем в США.

Но это уже другая тема. Что же касается религиозной и прежде всего христианской морали, то не сказать о ее сущности просто нельзя.

Начну с пресловутых десяти библейских заповедей. О чем они говорят, кого и к чему призывают? Открываем Библию, книгу Исход, гл. 20. Читаем, что иудейский Бог повелевает Моисею передать Израилю следующее: «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим...» Читая дальше, придем к выводу, что первые четыре заповеди никакого отношения к морали не имеют. Почему? Да потому, что они определяют и регулируют не отношения людей между собой, а отношения верующего к богу, требуют верить в единого, иудейского бога, не поклоняться другим богам, не произносить имя этого бога напрасно, а также соблюдать субботу. В действительности это культовые требования иудейской религии. В них нашла отражение борьба иудаизма за единобожие. Христианство же, которое возникло позже как секта иудаизма, позаимствовало их вместе с Ветхим заветом. Однако в отличие от иудаизма оно отказалось от иудейского бога, заменив его христианским богом-отцом (в христианстве бог выступает одновременно в трех лицах: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой), а также отказалось и от «соблюдения субботы», признав необходимость «соблюдать воскресенье», чем, по сути, само же нарушило из десяти четыре важнейшие заповеди «священного писания».

Что же касается остальных шести библейских заповедей, то они звучат так: 5. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». 6. «Не убивай». 7. «Не прелюбодействуй». 8. «Не кради». 9. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». 10. «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба

его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исход, 20, 12—17).

Говоря об этих нравственных предписаниях, включение которых в религиозную мораль повышает для некоторых ее неизбежность и авторитет, следует сразу же отметить, что в действительности они хотя и записаны в «священных книгах», но не имеют ничего религиозного, а носят общечеловеческий характер. И хотя церковь преподносит их от имени бога, на самом же деле эти простые нормы нравственности выработаны не религией, а людьми, обществом. Они имеют земное, а не божественное происхождение и возникли независимо от религии.

К тому же эти простые нормы нравственности вопреки богословским утверждениям не остаются вечными, неизменными, раз навсегда данными якобы самим богом. Да и возникли они в разное время, а не являются актом единовременного божественного творения. Так, запрет прелюбодеяния мог сформироваться лишь в период возникновения парного брака, а запрет воровства — с появлением частной собственности.

Церковь, взяв на вооружение элементарные общечеловеческие нормы нравственности, искажала их, приспособляя к требованиям тех господствующих классов, интересы которых она защищала. Так, заповедь почитать родителей обосновывается не тем, что родители заслужили уважение своим трудом, что они кормили, одевали, воспитывали своих детей, а тем, что так якобы повелел бог. К тому же под «родителями», например, православная церковь учила подразумевать, кроме собственно родителей, «начальников гражданских» и «начальников духовных», т. е. царя, церковнослужителей и всех представителей господствующих классов.

Не меньше искажается и заповедь «Не убий». Казалось бы, все здесь ясно: христианство и иудаизм, которые признают эту библейскую заповедь, выступают против убийств и войн. Но, увы, это далеко от истины. Заповедь в интерпретации богословов предписывает «не убивать» только единоверцев. Поэтому в той же Библии десятки раз воспеваются убийства, причем не единичные, а массовые, когда вместе с городами беспощадно уничтожаются старики, женщины, дети. И совершаются они именем бога, по воле бога. «И истребишь все народы, которые господь, бог твой дает тебе; да не пощадит их глаз твой» (Втор., 7, 16), — приказывает бог. Тот же бог устами Моисея отдает и такой приказ: «Убейте всех детей мужеского пола и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя» (Числа, 31, 17—18).

Вслед за заповедью «не убий» в том же наказе своему «избранному» народу бог говорит: «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно придать смерти». Однако если рабовладелец даже убьет раба своего или служанку палкою, то он должен быть лишь наказан. Более того, если после удара палкою «Они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро» (Исход, 21, 17 и 20—21). Вот так: рабовладельцу все можно. Этот же бог обещает израильскому народу уничтожить всех врагов его, если он будет слушаться и исполнять все повеления его. (См. Исход, 23, 23—30). И далее, иудейский бог, обращаясь к сынам израилевым, прямо говорит: «Вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас...» (Исход, 33, 5). Но он не только страшит, но и жестоко наказывает даже свой «избранный» народ. Когда израильтяне однажды изменили ему, он устами Моисея приказал тем, кто остался ему верен, чтобы они взяли мечи и начали убивать «каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. ...и пало в тот день из народа около трех тысяч» (Исход, 32, 27—28). А что говорить об отношении бога к другим народам, если он только за то, что жители Вефсамиса заглянули в его ковчег без разрешения, поразил пятьдесят тысяч семьдесят человек? То же самое творили в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и фашисты. Кстати, многие из них были верующими и убийства, грабежи, насилие оправдывали ссылками на Библию.

Что же касается христианской интерпретации заповеди «Не убий» в Новом завете, то она по существу ничем не отличается от ветхозаветной и носит двойственный характер. По отношению к своим приверженцам Христос осуждает не только убийство, но даже мысль о нем: тому, кто только гневается на «брата своего напрасно», и то он угрожает верховным судилищем и геенной огненной (Матф., 5, 21—22). Однако, когда речь заходит о тех, кто не верует в него и призывает не верить других, то Христос не только предлагает жестоко наказывать их, но и угрожает им скорой гибелью на страшном суде (Матф., 18, 6; 10, 14—15; Лук., 19, 27). Поэтому не удивительно, что ни одна из христианских церквей не осудила ни первую, ни вторую мировые войны, которые разожгли империалисты.

Элементарной нормой нравственности является требование не прелюбодей-

ствовать, т. е. не нарушать супружеской верности. Однако и оно в христианском толковании направлено лишь на то, чтобы жена была верной мужу. В той же Библии мы встречаем многочисленные примеры разврата, да и в современной жизни эта заповедь не укрепляет семьи верующих.

Заповедь «Не кради» явно направлена на охрану частной собственности господствующих классов. Она не распространялась на собственность иноверцев. Не распространяется она и на эксплуататоров чужого труда. Еще более отчетливо выступает классовая сущность в заповеди, требующей, чтобы верующий не желал ничего, что есть у ближнего, — ни жены, ни дома, ни поля, ни раба, ни вола, ни осла его (Второзак., 5, 21). Ясно, что таким ближним, который имел рабов, мог быть только рабовладелец. Знаменательно, что жена в этой заповеди приравнена к частной собственности наряду с полем, ослом, рабом.

Заповедь «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего» выражает также элементарную общечеловеческую норму нравственности. Испокон веков люди осуждали ложь, клевету, обман, вероломство. Но даже эта заповедь трактуется христианскими богословами в том смысле, что нельзя лжесвидетельствовать перед богом, а что касается отношения людей между собой, то как в Библии, так и в истории церквей не счесть примеров обмана и коварства. Такова сущность основных моральных предписаний Ветхого завета в интерпретации христианства.

Однако христианская мораль не ограничивается только этими десятью заповедями. Христианство дополнило ветхозаветную мораль рядом поучений Нового завета, которые нередко отрицают или заменяют нравственные предписания, изложенные в Ветхом завете.

Суть новозаветных социальных и нравственных поучений изложена в Нагорной проповеди. Названа она так потому, что, согласно евангелию от Матфея, Иисус произнес ее с горы. В этой проповеди провозглашается девять заповедей блаженства, которые выражают социальные и нравственные предписания. Кого же христианская церковь считает блаженным? Оказывается, блаженны «нищие духом», «плачущие», «кроткие», «алчущие и жаждущие правды», «милостивые», «чистые сердцем», «миротворцы», «изгнанные за правду», и, наконец, все блаженны, когда их будут «поносить... гнать и всячески неправедно злословить» за бога (Матф., 5, 3—11). Чем же бог обещает обеспечить блаженство? Оказывается, плачущим он обещает утешение, милостивым — помилование, миротворцев он обещает назвать сынами божьими, а чистые сердцем блаженны потому, что «они бога узрят».

В той же Нагорной проповеди предписываются и такие социально-нравственные требования: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними... Будьте милосердны, как и отец ваш милосерд. Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете» (Лук., 6, 27—32, 36—37).

Комментируя одно из важнейших положений Нагорной проповеди: «любите врагов ваших», великий столп православной церкви святой Иоанн Златоуст поучал: «Живи в мире с врагами, но со своими врагами, а не с врагами Божиими». Более того, он же утверждал, что враги Христа и православной церкви являются и врагами нашего Отечества. Стало быть, приверженцы других религий, а тем более неверующие, только за то, что они не разделяют взглядов Христа и православной церкви, попадают в число врагов Отечества.

Таким образом, христианская мораль, особенно в Новом завете, всячески восхваляет нищих духом, плачущих, кротких, призывает к аскетизму, любить врагов своих, но не божьих, не противиться злу и в то же время провозглашает принцип всеобщего равенства, однако не социального, а равенства перед богом. Требование покорности доводится здесь до самой крайней степени, проповедуется идеология отказа трудящихся масс от всякой социальной борьбы.

Христианская мораль требует любить прежде всего бога. Любовь к нему провозглашается как «первая и наибольшая заповедь», а любовь к ближнему ставится на второе место. Во имя любви к богу человек должен отказаться от любви к людям, ибо «дружба с миром есть вражда против бога, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом богу» (Иак., 4, 4).

Говоря о религиозной морали, обязательно надо отметить ее непоследовательность и противоречивость, в силу чего при всем своем желании верующий не может ей следовать на практике. Так, наряду с требованием почитать родителей, мы находим в Библии и такие слова Иисуса Христа: «Я пришел раз-

делить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Матф., 10, 35—36). Как же согласовать все это с требованием уважительного и почтительного отношения детей к родителям? Далее Иисус Христос заявляет: «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня» (Матф., 10, 37). Это значит, что для верующего любовь к богу должна быть превыше любви не только к людям вообще, но даже превыше любви детей к родителям, а родителей к детям своим.

По содержанию, по сущности, по классовой направленности и антигуманному характеру мало чем отличаются от христианской морали нравственные принципы и других религий. Мировоззренчески нравственное содержание любой религии сводится к идее греховности. Опираясь на это положение, не только иерархи церквей, но и многие современные государственные деятели Запада используют идею греховности для оправдания своих агрессивных выпадов против других стран. Так, в свое время президент США Рейган заявил, что советская система безнравственная, так как советские люди «не верят в загробную жизнь», не верят в бога, «у них нет религии».

Любая религиозная мораль призывает верующего признавать существование бога, верить в него, любить и бояться его и поступать только так, как предписывает религия. Главным уделом верующего должна быть подготовка к «потусторонней жизни». Поэтому он должен меньше всего заботиться о земном, вести аскетический образ жизни, довольствоваться в ней самым малым.

В этой связи хотелось бы спросить нынешних политиков и деятелей культуры, так рьяно защищающих христианские нравственные предписания, чем же не понравился им так хорошо известный и совсем недавно пропагандируемый ими же моральный кодекс строителя коммунизма, который в свое время признали даже христианские богословы? А ведь моральный кодекс строителя коммунизма носит конкретно-исторический характер. Да, он не лишен декларативности. Да, многие его принципы нарушались. Да, он отражал определенный этап развития общества. Но как бы там ни было, он был и остается действительно самым гуманным моральным кодексом до сих пор.

И чтобы не быть голословным, напомним для забывчивых его основные положения, против которых и сегодня нечего возразить:

- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;
- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех и все за одного;
- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат;
- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- дружба и братство всех народов СССР, непримиримость к национальной и расовой неприязни... и т. д. Что же в этом плохого? Нет индивидуализма? Да. Но разве это плохо?

Не только к покаянию и замене коммунистической морали христианской зовут нас, но и к переоценке всех наших доперестроечных достижений и ценностей. А ведь не все так просто. Не подлежат переоценке, тем более коренной, основные идеологические, нравственные и духовные ценности нашего народа, его важнейшие достижения во всех сферах общественной жизни. Нет надобности пересматривать и переоценивать, в частности, и марксистское понимание сущности религии и атеизма, ибо от смены власти их сущность не меняется. Может меняться лишь отношение к ним.

Что же касается отношения государства к религии, церкви и верующим, то оно должно сводиться главным образом к осуществлению свободы совести, т. е. к обеспечению гарантированного права всем гражданам исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой и быть атеистом. При этом, что очень важно, независимо от отношения к религии за всеми гражданами должны сохраняться одинаковые права и конституционные обязанности во всех сферах деятельности, ибо верующие и атеисты являются прежде всего гражданами государства, а потом уже в частном порядке каждый из них определяет и проявляет свое отношение к религии.

Т. И. КУРБЫКА

РАЛЬФ ДАРЕНДОРФ О КЛАССОВОМ КОНФЛИКТЕ И КОНФЛИКТНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА

Среди исследователей конфликта как общественного явления общепризнанным считается тот факт, что анализ и проблематика классового конфликта восходит к К. Марксу. Так, видный американский социолог Л. Козер в своей работе «Продолжение исследования социального конфликта» называет К. Маркса «классическим теоретиком конфликта»¹. Понятие конфликта — одно из важных и значимых понятий в марксистской теории развития общества. Однако односторонняя ориентация проблемы общественного конфликта на классовые отношения и его антагонистический характер привела к тому, что в социалистических обществах, которым «присущи свои противоречия, но они носят неантагонистический характер»², исследование проблемы было сведено к изучению конфликтных ситуаций только на микросоциальном уровне. Полностью исчезло понимание социального конфликта как явления общественной жизни, ведущего к структурным сдвигам и изменениям на макросоциальном уровне. Поэтому и теория Маркса, в центре которой была проблема конфликта, не получила дальнейшего развития и обогащения.

В настоящее время мы вынуждены обращаться к теориям конфликта, разработанным западными учеными. Реальность нашей сегодняшней жизни такова, что проблема социального конфликта и конфликтных ситуаций выходит на первый план изучения философами, социологами, политологами. Особенно важно и актуально изучение конфликтов для новой общественной дисциплины — политологии. «Конфликт — не только основополагающая категория последней, но и специфический язык, образ мышления в теории политики, что резко отличает ее от других общественных наук»³.

Заслуживает внимания теория классов и классового конфликта, разработанная еще в конце 50-х годов нашего столетия западногерманским социологом и политологом Ральфом Дарендорфом. Он является автором так называемой «конфликтной модели общества», которая наряду с концепцией «позитивно-функционального конфликта» Л. Козера и «общей теорией конфликта» еще одного известного американского социолога К. Боулдинга и сегодня составляет теоретическую основу западных исследований в области социального конфликта.

Еще недавно работы Дарендорфа по теории классов и классового конфликта подвергались жесткой критике со стороны советских обществоведов. Дело в том, что Дарендорф выступил против основных положений марксизма о классах, классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Используя основные категории и понятия, разработанные Марксом для объяснения закономерностей общественного развития, он сделал попытку анализа современного общества, вступившего в стадию посткапиталистического развития. Признавая и оценивая заслуги К. Маркса как философа в разработке теории классов и классового конфликта, он отмечает существенные недостатки в его социологическом изучении данной проблемы. Дарендорф отвергает основной тезис марксизма о существовании двух основных антагонистических классов: капиталистов и пролетариата в индустриальном обществе и их взаимной классовой борьбе как главным социальным конфликтом. Такой конфликт марксистского типа обостряется, а затем разрешается путем осуществления социальной революции, которая приводит к структурному изменению общества. Признавая классовую структуру общества, Дарендорф

основой определения классов считает не наличие или отсутствие собственности у людей, а их участие или неучастие в осуществлении власти. Используя критерии властных отношений, он обрисовал конфликтную модель общества, состоящего из множества императивно координированных ассоциаций в различных общественных сферах: производстве, политике, культуре и т. д., которые включают конфликтные группы, занятые борьбой за сохранение или изменение своей позиции в структуре власти данной ассоциации. В результате возникает плюрализм столкновений, а в обществе происходит множество социальных конфликтов.

Дарендорф рассматривает конфликт как нормальное состояние общественной жизни, как источник развития и движения общества вперед. Конфликт он считает неотъемлемым элементом социальной структуры, способом общественной жизни. Задача всякого общества сводится к правильному регулированию данного социального явления. А этого можно достичь путем институционализации социального конфликта. В результате перед обществом открывается совершенно иная историческая перспектива, чем та, которую предсказывал К. Маркс, — перспектива эволюционных изменений, а не революционных переворотов.

Автор теории конфликта широко применяет категорию власти и отводит ей важное место в своей модели общества. Власть у него отличается от привычного понимания силы, «и если сила обычно связывается с личностью индивидов, то власть всегда ассоциируется с социальными позициями или ролями... Власть может быть описана как законная сила, а также как «универсальный элемент социальной структуры». И в этом смысле она является «более общей, чем, например, собственность или даже статус»⁴.

Автор также указывает, что «общей чертой всевозможных типов власти и даже всевозможных типов ассоциаций и организаций является наличие господства и подчинения» (169). Вслед за Т. Парсонсом он отмечает эту «дихотомию позиций в императивно координированных ассоциациях по отношению к распределению власти» (170), т. е. наличие двух позиций, когда одни обладают властью и находятся в положении господства, а другие лишены ее и находятся в положении подчинения. Но при этом Дарендорф подчеркивает, что «для индивида, являющегося носителем ролей, господство в одной ассоциации не обязательно предполагает господство во всех других ассоциациях, к которым он принадлежит, и, наоборот, подчинение в одной ассоциации не означает подчинения во всех» (171). Следовательно, распределение позиций господства-подчинения является не абсолютным, а относительным и имеет место только в рамках определенной ассоциации.

Таким образом, созданная Дарендорфом конфликтная модель общества представляет собой «большое число императивно координированных ассоциаций... Внутри каждой из них мы можем различить совокупности тех, кто господствует, и тех, кто подчиняется. Но так как господство в промышленности не обязательно подразумевает господство в государстве или в церкви, или в других ассоциациях, то общество в целом представляет собой картину, состоящую из множества соперничающих господствующих (и, наоборот, подчиненных) совокупностей» (172).

Входя одновременно в несколько ассоциаций и занимая там разные позиции или социальные роли, индивид участвует сразу в нескольких, не зависящих друг от друга социальных конфликтах. В каждом из них участвует как бы не вся личность, а только та ее часть, которая соответствует определенной социальной роли данной личности в данной ассоциации.

Надо учесть, что интересы индивидов в позиции господства противоположны интересам тех, кто находится в позиции подчинения. Эти два интереса конфликтуют и участвуют в формировании конфликтной группы. Представители позиции господства стремятся к поддержанию статус кво, т. е. к сохранению существующей социальной структуры в ассоциации, которая обеспечивает им власть; в то время как представители позиции подчинения преследуют цель «изменения социальных условий, которые лишают носителей этих условий власти» (176).

Дарендорф представляет процесс образования конфликтных групп следующим образом: «В каждой императивно координированной ассоциации различаются две квази-группы, объединенные общими скрытыми латентными интересами. Ориентация их интересов детерминирована владением или исключением из владения властью. Из этих квази-групп составляются группы интересов, программы которых провозглашают защиту или нападение на законные существующих властных структур. В любой ассоциации такие две группировки находятся в состоянии конфликта» (184). Среди общих эмпирических условий организации конфликтных групп в жизни общества автором выделяются «технические, политические и социальные условия организации». Все три условия

чаще имеют место в индустриальных демократических обществах, чем в тоталитарных.

Дарендорф показывает классовый характер социальной структуры индустриального общества, понимая под классами «конфликтные группы, возникающие из властной структуры императивно координированных ассоциаций» (206). Таких ассоциаций в обществе насчитывается большое количество. И хотя именно дихотомия власти, выраженная господством и подчинением, является критерием определения класса, конфликтная модель общества Дарендорфа, благодаря введению понятия императивно координированных ассоциаций, представляется не двухклассовой, а многоклассовой. Классы, понимаемые как конфликтные группы, постоянно находятся в состоянии конфликта.

Социальный конфликт, таким образом, распадается на множество классовых конфликтов в различных ассоциациях общества. Дарендорф замечает: «инклюзивные общества представляют собой картину из множества противоборствующих конфликтов и конфликтных групп. Двухклассовая модель применима не к целым обществам, а только к специфическим ассоциациям внутри обществ (включая, конечно, инклюзивную ассоциацию государства, т. е. все общество в его политическом аспекте). Если в данном обществе имеется 50 ассоциаций, следовало бы ожидать, что найдется сотня классов или конфликтных групп... Отдельно от них может быть неограниченное число конфликтных групп и конфликтов, возникающих на базе антагонизма, а не базирующихся на властной структуре ассоциации. В действительности, конечно, такое крайнее распыление конфликтов и конфликтных групп является редким случаем. Эмпирическое наблюдение показывает, что различные конфликты могут быть и часто являются наложенными друг на друга в данных исторических обществах, так что множество возможных конфликтных линий сокращается до нескольких доминирующих конфликтов» (213).

Что касается классового конфликта марксистского типа, то он может иметь место в случае, если определенный класс как конфликтная группа занимает только позицию подчинения в различных ассоциациях, усиленную или дополненную лишением таких важных составляющих, как положение, например, или престиж.

Для характеристики классового конфликта автором вводятся такие категории, как интенсивность и сила. «Чем больше важности придают отдельные участники конфликта предмету спора и его сущности, тем более интенсивным является этот конфликт... Члены группы, которые стремятся нарушить властную структуру шахматного клуба, теряют меньше в случае поражения, чем члены профсоюза, которые пытаются изменить властную структуру предприятия (или их собственные социальные условия с помощью изменения этой властной структуры). Цена поражения, а с этим и интенсивность конфликта в данных ситуациях отличаются друг от друга». Что касается силы конфликта, то эта категория «относится скорее к его проявлениям, чем к причинам; это дело оружия, которое выбирают конфликтные группы, чтобы выразить свою враждебность... Шкала степени силы включает дискуссии и дебаты, соперничество и соревнование, борьбу и войну...» (212).

Классовый конфликт как движущая сила и способ существования социального организма не может и не должен быть разрешен или подавлен, считает Дарендорф. Разрешить конфликт — значит полностью устранить его. Но он не может быть устранен или подавлен, так как, по созданной социологом теории, конфликт является неотъемлемым компонентом социально-классовой структуры общества. Правильное регулирование классового конфликта, т. е. его институализация, предполагает, «во-первых, то, что обе стороны, участвующие в конфликте, обязаны признать неизбежность и реальность конфликтной ситуации и в этом смысле признать существовавшую справедливость мотива оппонента» (225); во-вторых, необходима организация групп интересов, т. е. конфликтные группы должны оформиться организационно, а не быть бессвязной совокупностью; в-третьих, «противоборствующие в социальных конфликтах стороны должны согласиться на определенные формальные правила игры, которые обеспечивают основу их отношений» (226).

Выбор методов регулирования классового конфликта зависит от вида ассоциации, в которой он происходит, специфики общества, форм правления в нем и т. д. Среди форм регулирования конфликта автор выделяет три: примирение посредством определенных институтов или органов, где участники групп интересов обсуждают спорные вопросы; форму постороннего вмешательства, или посредничество, и арбитраж. Эти формы, по словам Дарендорфа, «являются выдающимся механизмом уменьшения силы классового конфликта» (230).

Республика Беларусь переживает сегодня переходный период от тоталита-

ризма к демократическому обществу. Социально-политическая жизнь республики наполнена противоречиями, столкновениями и противоборством политических сил, которые отражают интересы различных групп и слоев населения. В этих условиях использование конфликтной модели общества Р. Дарендорфа, на наш взгляд, может помочь выработке процедур и поиску альтернатив для менее болезненного, поступательного становления у нас гражданского общества и правового государства.

¹ Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. New York, 1967. P. 137.

² Нечипоренко Л. А. Буржуазная социология конфликта. М., 1982. С. 44.

³ Политология вчера и сегодня. М., 1991. Вып. 3. С. 143.

⁴ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, California, 1959. P. 166, 168. (Страницы других цитат из этой работы указаны в тексте статьи.)

В. А. БОЖАНОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ В СССР: ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА СОЦИАЛЬНОГО СЛОЯ

С первых дней революции интеллигенция оказалась в сложном положении. Духовно связанная с государством, она считала себя его хранительницей и защитницей. Октябрьский переворот поставил перед выбором — что делать? Одни воспринимали послереволюционное время, как время всеобщего разрушения¹. Они с ужасом смотрели на происходящее, и, не признавая большевиков, отсиживались. Другие пытались установить какой-то контакт с представителями новой власти, включиться в работу².

Однако пришедшая к власти большевистская социал-демократия была иного мнения. Создавалось государство рабочих и крестьян «без какого бы то ни было участия буржуазии»³. Это хорошо вписывалось в марксистскую концепцию государственного строительства. Ленин энергично выступал за отмирание государства при социализме, ликвидацию специалистов по государственному управлению, так как все функции по руководству государством являются, по его мнению, элементарными и с ними вполне справятся простые рабочие, по очереди отработав положенное время на производстве. Правда, на переходный период без специалистов не обойтись. В результате проблема была поставлена так, что буржуазные специалисты должны искупить свой первородный грех буржуазного происхождения, отдать все свои знания и опыт пролетариату, научить рабочих руководить государством. Ну, а дальше? Никакой перспективы перед интеллигенцией ни правящая партия, ни Советская власть не открывали. Всякий интеллигент, специалист, услышав выступление Ленина на собрании партийных работников Москвы в ноябре 1918 г., где он заявил: «опираться на интеллигенцию мы не будем никогда»⁴, мог бы сделать безрадостный вывод о своем месте в новом государстве.

Однако в начале 20-х годов, с введением нэпа, нарастает борьба за власть в партийных и государственных структурах. Государственный аппарат концентрировал значительные силы дореволюционной интеллигенции. И здесь возникла опасность не только сопротивления служащих директивному руководству посланцев партии, но и скрытому использованию управленческих связей для реализации задач, отличных от большевистских, неподконтрольных большевикам. К таковым относились и обычные действия, диктуемые профессиональным подходом к делу, а не партийной директивой. Ленин в конце жизни вплотную подошел к пересмотру приоритета жесткой классовой линии в управлении государством. Однако именно классовая линия во второй половине 20-х годов резко усиливается и доводится до безумного абсолюта в годы массовых репрессий. Она вырастала из нежелания большевиков искать компромиссы с различными слоями населения, партиями, видеть проблемы управления страной, а не только власти. Они присвоили себе исключительное право на руководство страной, на представительство от ее имени. Сомневающиеся в этом беспартийноно причислялись к врагам Советской власти. Накопление подобных «врагов» к лету 1928 г. оказалось, видимо, достаточным, чтобы сформулировать тезис об обострении в стране классовой борьбы⁵ и развязать руки репрессивным органам.

Материализация врага из лозунга не была затруднительной. Интеллигенция, буржуазные специалисты давно уже были на подозрении. В первую очередь изолируется и лишается влиятельного положения внутрипартийная интеллиген-

ция. В результате к середине 20-х годов культурный и профессиональный уровень членов партии оказался, по мнению А. В. Луначарского, «достаточно-таки низок»⁶.

Освобождение от представителей и сторонников интеллигенции в собственной среде позволяло ускорить разбор с государственными служащими в целом. Однако в государственном аппарате это оказалось сделать сложнее. Партийцы, посланные на руководящие должности в госаппарат, часто демонстрировали неумение организовать работу, разобраться в сути управленческих и хозяйственных дел. Поэтому они довольно быстро теряли реальное влияние на подчиненных, ассимилировались более грамотными и знающими коллегами. С их стороны стали все громче звучать требования освободить советский аппарат «от засилья социально и политически чуждых элементов»⁷. На XV съезде партии (1927 г.) принимается постановление «О работе ЦКК-РКИ», где проявление невнимательности со стороны служащих к посетителям квалифицировалось как «саботаж и преступление против Советской власти» и рекомендовалось рассматривать такие проявления в судебном порядке⁸. По существу, государственные служащие ставились вне закона. Произвол в их отношении санкционировался не просто партией, а партией, сросшейся с государством. К 1927 г. различие между партией и государством «постепенно стерлось»⁹. Именно с XV съезда ВКП(б) на всех уровнях стали официально говорить о вражеских элементах в госаппарате. Это было нетрудно делать, так как реалии учрежденческой жизни — волокита, бюрократизм, грубое, высокомерное отношение к человеку — вызывали негодование населения. Отвечать же за это должны были бы уже коммунисты, правящая партия в целом. Приход ее некомпетентных представителей «рабоче-крестьянской закалки» в госучреждения еще более усиливал отрицательные явления в их работе. Некомпетентность прикрывалась бесконечными заседаниями, массовым потоком бумаг, лабиринтом инстанций. Руководители остерегались выходить из своих кабинетов, не знали кадры, положения дел на местах. Однако гнев трудящихся умело был направлен на служащих, пришедших из дореволюционного аппарата.

Постепенно складываются два направления массовой расправы с госслужащими: отдельные репрессии и широкомасштабная чистка. Особенно активизировались разоблачения в связи со сталинскими тезисами об обострении классовой борьбы в стране. В мае — июле 1928 г. в Москве состоялся первый сфабрикованный процесс о «спецах-вредителях», так называемое шахтинское дело.

С 1929 г. начались массовые аресты «спецов». В мае ОГПУ сообщило о раскрытии контрреволюционной организации на железнодорожном транспорте и в золотоплатиновой промышленности страны¹⁰. Она ставила своей целью «свержение Советской власти, помощь иностранной интервенции и восстановление в стране капиталистического строя». Среди разоблаченных в основном дореволюционные инженерно-технические кадры. Судом «контрреволюционные вредители и непримиримые враги Советской власти» были приговорены к расстрелу. Подобный сценарий потом будет многократно повторяться. Если вчитаться в подробности обвинений, то можно лишь удивиться, как народное хозяйство выдерживало такое «вредительство». В железнодорожном транспорте, например, оказалось, что не было ни одной отрасли, «где бы не была видна рука вредителя».

ОГПУ раскрыло контрреволюционные организации вредителей рабочего снабжения. В них оказались замешанными работники Наркомторга СССР. Их обвинили в том, что они хотели создать в стране голод, содействовать свержению диктатуры пролетариата. «Глубоко засевшая агентура врага», «гнезда контрреволюционеров» были выявлены в наркоматах финансов, труда, путей сообщения, ВСНХ СССР¹¹. Широкую огласку получило дело о Промпартии.

На XVI съезде ВКП(б) ряд ораторов сокрушался, что ОГПУ пришлось убеждать отдельных товарищей в необходимости крушить классового врага. Для лучшей убедительности публиковались подробные отчеты о судебных процессах. Для делегатов XVI съезда партии ОГПУ к докладу ЦКК подготовило специальную брошюру из следственных показаний 45 участников контрреволюционных вредительских организаций¹². Получилась странная картина: вредители действовали открыто, массово, явно, но руководители-коммунисты ничего не замечали, пока в дело не вмешивалось ОГПУ. Объективно брошюра раскрывала неспособность большевистской партии организовать эффективное управление государством, хозяйственной жизнью страны.

Террор против отдельных групп государственных служащих в 1929 г. был дополнен массовой чисткой. XVI партийная конференция ВКП(б), а затем 1 июля 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение о проверке и чистке госаппарата, кооперативных и общественных организаций страны. Инструкция наркомата РКИ предупреждала, чтобы чистка велась на основе оценки качества работы

служащих, а не по признакам их классового происхождения. Газеты «Правда» и «Известия» периодически строго напоминали об этом требовании, поругивали некоторые комиссии по чистке за исключительно классовый подход. Но партийный аппарат, контролировавший ход чистки, твердо держал классовую линию, определенную генсеком. На одном из заседаний Орграспреда ЦК ВКП(б) в сентябре 1928 г. отмечалось: не будет особенно большой беды, если этих крупных специалистов-инженеров заменим молодняком¹³. Не вникая в суть работы, увольняли целые группы специалистов, пришедших в наркоматы «из царских апартаментов и казенных палат». Большие группы инженеров, техников, консультантов, среди которых нередко были высококлассные специалисты, «вычистили» из наркоматов финансов, почт и телеграфов, ВСНХ, путей сообщения, труда. Всего же на июль 1930 г. из государственных учреждений была удалена 51 тыс. человек из 454 тыс. проверенных, т. е. 11 %. Заместить вакансии рабочими-выдвиженцами удалось лишь наполовину. Даже яростный Орджоникидзе усомнился, что таким образом можно оздоровить аппарат государства. Тем более за счет квалифицированных рабочих, которые нужны производству¹⁴.

Классовая ненависть определяла ход чистки и отношение к тем, кого подвергали чистке. Некоторые категории служащих не просто увольняли с данного места работы, а лишали права вообще работать в учреждениях по специальности, выгоняли без денежных пособий, права на пенсию, суды не принимали их жалобы к рассмотрению. Ряд документов подтверждает, что осуществлялись целенаправленная дискредитация специалистов с дореволюционным стажем, насильственное низведение их до уровня изгоев общества. В 1930 г. Наркомату труда СССР со стороны ВЦИК и СНК СССР было предписано «вычищаемых из числа бывших высоких чинов прежних режимов ставить на особый учет и предоставлять им работу главным образом на лесозаготовках, торфоразработках, очистке снега и т. п. массовых работах»¹⁵.

А ведь речь шла в большинстве случаев о людях, которые не помышляли об антисоветской борьбе, а лишь, используя свои знания и опыт, пытались заниматься профессиональным делом. Диктаторская власть большевиков не желала терпеть рядом с собой никакой другой самостоятельной, особенно интеллектуальной, силы. Потому ради узкокорыстных властных целей она пошла на разрушение, а нередко и уничтожение целого слоя управленческой, технической интеллигенции.

Оголтелая кампания против специалистов государственных учреждений, осуществляемая через прессу, партийные собрания, конференции достигала своей цели. Коль специалисты из «бывших» стремятся уничтожить Советскую власть, вернуть капитализм, организовать в стране голод и неразбериху, то — смерть им. И газеты публиковали требования рабочих заводов, фабрик приговаривать вредителей исключительно к высшей мере наказания — расстрелу. Публикации носили озлобленный, беспощадный характер. В феврале 1930 г. Н. Крыленко, генеральный прокурор СССР, писал в «Известиях»: «Специалисты старого времени, плоть от плоти и кость от кости самой буржуазии... составили основную руководящую группу вредителей почти во всех отраслях промышленности... У нас не дрогнет рука перед тем, чтобы беспощадно раздавить извивающуюся гадину контрреволюции, стереть с лица земли всех, кто посмеет стать на дороге нашего планового социалистического строительства, уничтожить всех до единого, кто еще копошится в ячейках контрреволюционной организации». Солидарность с таким взглядом выразил и председатель ВЦИК М. И. Калинин в речи на торжественном заседании Московского Совета, посвященном XIII годовщине Октября¹⁶. И это тот самый Калинин, который за шесть лет до того на VIII Всероссийском съезде советских работников вдохновенно обещал восстановить в глазах трудовых масс репутацию интеллигентского труда¹⁷.

В обличительную кампанию были вовлечены лучшие писательские силы страны. А. М. Горький в статье «Если враг не сдается — его истребляют» определил, что небольшое число честных специалистов прослоено множеством гнусных предателей¹⁸. А Б. Пильняк, откликаясь на суд по делу Промпартии, пришел к выводу, что «на подмостки суда вытащены были смердящие смертью задворки всяческих «цивилизованностей»¹⁹.

Даже А. И. Рыков, всегда упорно защищавший специалистов, и тот в одном из своих выступлений в феврале 1930 г. с удивлением (а может быть, скрытой иронией) отметил, что работники ОГПУ, ничего не понимающие в инженерно-технической работе, все-таки раскрывают вредительские акты наших врагов²⁰.

Первый удар формирующегося репрессивного механизма был нанесен по одному из важных отрядов интеллигенции — специалистам государственного аппарата. Советский государственный, в т. ч. правительственный, аппарат по-

терял значительную часть своего профессионального, интеллектуально развитого кадрового состава, прервалась линия связи поколений для передачи знаний, опыта, был скомпрометирован труд управленца, служащего государственного учреждения.

¹ См.: К о н и А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 322.

² См.: Ф р и ш С. Э. Сквозь призму времени. Воспоминания. М., 1992. С. 63.

³ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

⁴ Там же. Т. 37. С. 221.

⁵ С т а л и н И. В. Соч. Т. 11. С. 171.

⁶ Коммунист. 1991. № 12. С. 103.

⁷ Правда. 1924. 19 сент.

⁸ См.: XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стеногр. отчет. М., 1961—1962. С. 1435.

⁹ См.: К а р р Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1929. М., 1990. С. 130.

¹⁰ См.: Известия. 1929. 24 мая.

¹¹ См.: Листок РКИ. 1929. 29 авг.

¹² См.: Материалы к отчету ЦКК ВКП(б) XVI съезду ВКП(б) / Составлено ОГПУ. М., 1930.

¹³ См.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17, оп. 69, д. 441, л. 11.

¹⁴ См.: Известия. 1930. 5 июля.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446, оп. 214, л. 7.

¹⁶ Известия. 1930. 13 ноября.

¹⁷ См.: Там же. 1924. 24 декабря.

¹⁸ См.: Там же. 1930. 15 ноября.

¹⁹ Там же. 14 декабря.

²⁰ См.: Р ы к о в А. На новые рельсы. М.; Л., 1930. С. 18.

И. Н. ИОНОВ

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Традиционно в марксистской социальной науке многие проблемы, связанные с исследованием общественного сознания, либо не изучались, либо изучались недостаточно глубоко. До сих пор остается наименее разработанной проблема, которую Макс Вебер выдвинул в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» (М., 1990): каким образом можно реконструировать необходимые исследователю элементы общественного сознания для объяснения общественного действия. Советские исследователи общественного сознания Б. А. Грушин, М. К. Горшков, А. К. Уледов¹ в своих работах в той или иной степени затрагивали эту проблему, однако предметом тщательного исследования она еще не стала. Различные же западные социологические школы (бихевиоризма и необихевиоризма, неопозитивизма и постпозитивизма и др.) уже длительное время работают над этой проблемой.

Так, М. Вебер реконструировал некоторые элементы общественного сознания буржуа (субъективные мотивы поведения) путем анализа мнений виднейших идеологов этого класса, придерживавшихся протестантских взглядов, что дало ему возможность объяснить общественные действия не только отдельных представителей класса буржуа, но и всего класса в целом².

В данной статье мы пытаемся построить теоретическую схему реконструкции ряда элементов общественного сознания и показать, каким образом эта схема может быть использована при проведении комплексных социологических и историко-социологических исследований.

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается исследователь общественного сознания, — это понятийно-категориальный аппарат. Традиционный набор дефиниций и дифференциаций устарел и физически, в смысле точности определений, и морально, по самому принципу построения. Он непрактичен (определение общественного сознания как «духовной стороны исторического процесса», «целостного явления», «не являющегося совокупностью индивидуальных сознаний»³, так же несущественно, как и платоновское: «Человек — это двуногое существо без перьев, но с плоскими ногтями»), местами просто неверен (имеет место дробление внутренней структуры сознания по уровням и формам, что, во-первых, подразумевает существование единого цельного содержания одновременно в нескольких формах; во-вторых, само деление сознания на по-

литику, право, мораль, религию, искусство, философию, науку — парадоксально и может соперничать по парадоксальности только с так называемыми уровнями сознания, этой попыткой установить, что «больше»: идеология или общественная психология, трактор или самолет). Но самый большой недостаток существующего понятийно-категориального аппарата — его эклектичность.

По нашему мнению, понятийно-категориальный аппарат есть организованная аксиоматика, позволяющая строить гипотезы на произвольной эмпирической базе, своего рода система координат, характеризующая и организующая хаотическое пространство эмпирического материала таким образом, чтобы каждый факт исчерпывающе характеризовался своим положением относительно этой системы. Эта аксиоматика должна описывать все возможные решения проблемы, так же как трехзначная система координат описывает любую геометрическую фигуру. Она, следовательно, должна быть идеей, «родовым понятием» всех описываемых ею фактов по исследуемой проблеме, абстрактным «плодом», сконструированным на основе свойств сотен тысяч «яблок», «груш», «апельсинов» и, другими словами, ее понятийно-категориальный аппарат должен быть веберовским «идеальным типом», пространством моделирования исследуемых объектов. При проведении прикладного социологического исследования понятийно-категориальный аппарат должен обслуживать данное исследование. Следовательно, имело бы смысл вводить в априорно данную систему понятий и категорий так называемые рабочие понятия и категории, необходимые для использования в рамках данного исследования.

Вторая трудность, с которой сталкивается исследователь общественного сознания, — это невозможность его непосредственной эмпирической фиксации. Мы судим об общественном сознании какой-либо группы или общества в целом по тем материальным «следам», которые оно оставляет в жизни. Следовательно, мы реконструируем изначально субъективное общественное сознание по его «следам», пытаясь воссоздать истинную картину, недоступную нашему наблюдению.

Общественное сознание, на наш взгляд, есть единство двух частей; «общественное сознание в себе» и «общественное сознание для других». Они относятся друг к другу так же, как соотносятся между собой сущность и явление, внутреннее и внешнее. Будучи разделены, они в то же время являются составными частями одного объекта.

«Общественное сознание в себе» — это элементы общественного сознания, которые не являются доступными индивидам. «Общественное сознание для других» — это элементы общественного сознания, которые являются доступными индивидам в различных формах. Исходя из этих понятий, мы можем дать определение общественному мнению, через которое реконструируются элементы общественного сознания. Общественное мнение — это одна из форм проявления «общественного сознания в себе», составной элемент «общественного сознания для других», субъект которого выражает отношение к дискуссионному по характеру объекту действительности, затрагивающему его потребности и интересы.

Для достоверной реконструкции субъективных мотивов участников общественного действия, т. е. определенных элементов общественного сознания, необходимо: во-первых, зафиксировать результаты общественного действия, во-вторых, подвергнуть скрупулезному анализу само это действие. Собранный таким образом информация даст нам возможность провести сравнительный анализ с информацией, содержащей в себе мнение участников данного действия, что позволит увеличить степень достоверности всей информации в целом, а значит, и повысить качество самой реконструкции.

Понятие «общественное действие или, как его еще называют, «социальное действие», является стержневым в данной теоретической схеме. В связи с этим необходимо учитывать, что в советской философской и социологической науках оно исследуется на макроуровне. Западная же социологическая школа, начиная с Макса Вебера и кончая Т. Знанецким и Т. Парсонсом, рассматривает это понятие прежде всего на микроуровне, что позволяет сделать это понятие рабочим не только в общесоциологических теориях, но и в теориях более низкой степени абстракции. В структурно-функциональной теории Т. Парсонса понятие «социальное действие» вообще является центральным. Следовательно, исследователь или группа исследователей, работающие в рамках данной проблемы, должны быть знакомы со всеми трудами социологов, которые разрабатывали теорию социального действия.

Каким же образом применить вышеупомянутую теоретическую схему на практике? Рассмотрим это на примерах. Перед группой социологов стоит задача — выявить субъективные мотивы рабочих завода, принявших участие в забастовке. Группа должна прежде всего изучить результаты общественного действия (в данном случае забастовки), как то: создание заводского стачкома,

образование касс взаимопомощи и др. Следует также указать и на то, что анализ результатов общественного действия кажется, на первый взгляд, не столь важным, поскольку имеется возможность провести, фигурально выражаясь, лобовую атаку на общественное сознание, используя очень эффективный в данном случае метод опроса непосредственных участников данного общественного действия. Между тем такое невнимание имеет место на практике лишь при наличии большого числа методов получения необходимой исследователю информации. Так, например, археологи не могут использовать в своей работе такие методы сбора информации, как опрос, анализ документов, наблюдение. Они реконструируют культуры минувших эпох только по результатам, или, точнее говоря, продуктам деятельности людей. Даже располагая огромными возможностями для получения необходимой исследователю информации, нельзя пренебрегать ни одним из ее источников, если мы хотим достигнуть в данных условиях максимально возможной степени достоверности реконструкции определенных элементов общественного сознания. После анализа результатов общественного действия тщательнейшим образом «препарируется» во времени и пространстве всеми доступными для этого методами само действие. И только после этого можно приступить к опросу участников действия, составив инструментарий исследования с учетом результатов предварительной информации. Опирайтесь лишь на данные опроса несколько рискованно, ибо респонденты могут скрыть или исказить свои истинные мотивы. Комплексность характера исследования и использование данной теоретической схемы позволяют существенно повысить качество реконструкции субъективных мотивов участников общественного действия, а значит, и качество тех рекомендаций и прогнозов, которые получит администрация от социологической группы, проводившей исследование. Насколько обобщены эти рекомендации и прогнозы, должен показать последующий ход событий, т. е. практика.

Если при проведении комплексного прикладного социологического исследования данные опроса являются основой информационной базы, необходимой для достоверной реконструкции субъективных мотивов непосредственных участников общественного действия, то при осуществлении историко-социологического исследования основа информационной базы будет иной. Предположим, что исследователю необходимо реконструировать субъективные мотивы участников такого общественного действия, как вооруженное выступление крестьян определенной местности против продразверстки. Метод опроса, столь эффективный в предыдущем случае, здесь невозможен, ибо непосредственных участников данного события уже не осталось в живых. Это, безусловно, уменьшит количественно и ухудшит качественно информационную базу реконструкции субъективных мотивов, а значит, и качество реконструируемой картины в целом. В этих условиях основное значение приобретает метод анализа документов. Именно из этого анализа мы можем узнать о результатах данного действия, его характере и направленности, а также, если есть такая возможность (например, сохранились протоколы допросов), и мнения самих крестьян о мотивах своих действий. В этом случае комплексность исследования достигается разнообразием не методов исследования, а объектов анализа, что позволит дать максимально возможную в этих условиях степень достоверности реконструкции субъективных мотивов участников данного общественного действия.

Таким образом, решение данной проблемы дает возможность достигнуть эффективных результатов не только при проведении комплексного социологического исследования, но и при осуществлении историко-социологического исследования.

¹ См.: Груши и Б. А. Массовое сознание. М., 1987; Горшков М. К. Общественное мнение. М., 1988; Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

² См.: Вебер Макс // Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 44 и далее.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 448.

С. Е. ЯНЧЕНКО

О КАТЕГОРИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Производственные отношения всякого общества образуют систему, в которой все ее элементы взаимосвязаны, образуя жизнедеятельный организм. Это связи между людьми как агентами производства. Существуют они в двух формах: координации и субординации.

Координация означает согласование деятельности индивидов, социальных групп в общественном производстве, целесообразное взаимодействие между ними в объединяющем их общем процессе. Таковой является и обмен между товаропроизводителями своими изделиями через куплю-продажу, и взаимодействие между ними с учетом разделения труда внутри предприятий (подетальная или технологическая специализация), а также между ними с учетом общественного разделения труда — кооперирование и планирование, планомерные связи производства. В координацию своей экономической деятельности вступают люди примерно одинакового социального положения, имеющие одинаковые возможности или права инициативы.

Субординация (лат. sub + ordinatio — приведение в порядок) — строгое подчинение, т. е. по рангу, нижестоящих вышестоящим. Это ранжирование выражено экономическими категориями. Верхние ступени занимают категории (и стоящие за ними индивиды, социальные группы), которые возникли из предыдущей. Например, деньги — из товара, капитал — из денег и т. д. Товары лишь бросают свой ласковый взор на деньги, чтобы узнать свою цену. Во власти же денег (их собственника) — не только «утвердить» их цену, но и реализовать, купить товар: «Всё куплю, — сказало злато». Промышленный, или финансовый капитал, находясь на верхней ступени ранжирования, играет субординирующую роль, которая не отрицает, а предполагает координацию на всех предыдущих ступенях — товара, денег, денежного, товарного или производительного капитала. Координация и субординация, таким образом, действуют вместе и одновременно.

В системе производственных отношений ведущая роль принадлежит субординации этих отношений. В этой связи трудно переоценить значение выделения основного производственного отношения и выражающего его суть основного экономического закона того или иного способа производства, поскольку в этом законе выражается сущность данного экономического строя и ему подчиняются все другие экономические законы. Таким отношением для капитализма является капитал, а его основным законом — производство прибавочной стоимости.

Поскольку экономические отношения выражаются в категориях, то в субординированных связях находятся и категории. Понять какое-либо явление (особенно экономическое) — значит выразить, изложить его в понятиях. Ведь истина, по словам Г. Гегеля, это — система. Значит, нельзя понять и глубоко раскрыть какое-либо явление (экономическое, в частности) вне связи с другими категориями. В химии, например, в изучение свойств вещества входит определение его места в периодической системе элементов Д. И. Менделеева. В политической экономии это представляется еще более важным, что, пожалуй, первым подметил Фридрих Энгельс, прочитав первый том «Капитала». Он писал его автору: «поздравляю тебя с тем совершенством, с каким самые запутанные экономические проблемы ты делаешь простыми и осязательно ясными благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную взаимосвязь»¹.

Современное состояние политической экономии как науки позволяет выделить следующие группы категорий: 1. Общие и специфические; 2. Первичные и вторичные, производные вообще; 3. Классические и переходные; 4. Фундаментальные и перенесенные; 5. Превращенные и иррациональные.

1. Общие категории выражают, фиксируют явления экономической жизни, имеющие место во всех обществах. Они так или иначе связаны с производительными силами или являются элементами их. В своей основе это материальный субстрат общественного производства, выступающий в теоретическом осмыслении в обнаженном от специфических социально-экономических форм виде (как материальный остов, своеобразный скелет или итог деятельности), или общие формы производственных отношений, в которых не фиксируются их социально-экономические различия. Сюда относятся категории типа производство, труд, средства производства, предметы потребления, продукт, собственность, общественный труд, прибавочный продукт и др. Они выражают взаимодействие человека с природой, ее силами или между людьми вообще, вне их социальных масок. В принципе их можно разделить на *экономические категории и категории политической экономии*. Последние выражают отношения между людьми, не фиксируя внимания на их социальном статусе, т. е. между людьми вообще. В общих категориях фиксируется то, что свойственно всякому общественному производству.

Может возникнуть вопрос, а не выходят ли они за рамки предмета политической экономии? Ведь некоторые из них выражают взаимодействие человека с силами природы, средствами производства в каждом обществе, не фиксируя внимания на специфических особенностях этого взаимодействия, на социальных характеристиках участников общественного производства. Но они важны для политической экономии, поскольку фиксируют то общее, что избавляет от необходимости повторять его в каждом отдельном случае; во-первых, позволяют четко выделять сугубо социально-экономические, политико-экономические отношения для их анализа, во-вторых, они образуют материальный субстрат, материальную основу, на которой завязываются политико-экономические отношения, облекающиеся в категории политической экономии.

«Определения, которые действительны для производства вообще, — отмечал К. Маркс, — должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же, не было забыто существенное различие»². Общие экономические категории, например труд как целесообразная деятельность человека, направленная на приспособление предметов природы к потребностям людей, имеют место во всяком обществе. То же касается средств производства. Они всегда участвуют в процессе производства во всяком обществе, хотя характеристика их элементов, уровня развития различна. Поэтому в сфере политической экономии мы ни на шаг не продвинемся вперед, если будем фиксировать только общие понятия, использовать только общие абстрактные категории. И дискуссии о прибавочном продукте дали бы несравненно больший результат, если бы исследователи анализировали явление через его специфические формы, первой из которых был товар.

«Есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»³.

Общие категории в жизни того или иного типа общественного производства и выступают не в обнаженной «телесности», а в свойственной данному типу социально-экономической форме. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное» (В. И. Ленин). Например: общинный труд, рабский труд, крепостной труд, абстрактный труд, труд абстрактно-общественный, а также коммунистический. Труд как родовое понятие вместе с видовой специфической формой. Средства производства при капитализме выступают в форме постоянного капитала. Не раскрыв природу и сущность капитала, особенно его постоянной части, мы не поймем роли и назначения средств производства в капиталистическом обществе. Развитие общих категорий можно проследить через изменения в них, которые происходят в определенной специфической социально-экономической форме. Общие категории политической экономии таким образом выступают своеобразным интегрирующим итогом развития специфических форм, через специфические формы. Общие экономические категории выступают своеобразными родовыми понятиями, смысл и назначение которых в глубоком понимании и выяснении сущности видových социально-экономических форм.

Общим экономическим категориям соответствуют и общие экономические законы. Это прежде всего законы соотношения производительных сил и произ-

водственных отношений, законы перехода от одного типа общественного производства к другому, законы общественного воспроизводства. Само собой разумеется, что политическая экономия того или иного способа производства главным вниманием уделяет раскрытию специфических категорий и законов. Надо полагать, что политическая экономия в широком смысле слова, о создании которой мечтал Ф. Энгельс, уделит должное внимание и общим экономическим категориям и законам.

2. В системе производственных отношений есть такие экономические формы, которые как бы изначально связывают агентов производства, скажем: рабочих и капиталистов, помещиков и крепостных крестьян. Барщина при феодализме и прибавочная стоимость при капитализме — категории, характеризующие эти отношения. В них закрепляется социальный статус участников общественного производства в такой мере, что крепостной, например, обязан отработать барщину в пользу своего помещика, который принимает этот даровый труд своего крепостного как должное. Барщина как форма эксплуатации в своем существе сохранялась не только в образовавшейся на ее основе вторичной форме — оброк, или рента продуктами, но и третичной — денежной форме феодальной ренты. Ведь и вторая и третья ступени (формы) феодальной эксплуатации выражают отношения крепостного и помещика, хотя в них и заметны существенные различия. Или взять прибавочную стоимость. Свое утробное развитие она прошла в простом товарном хозяйстве, где стоимость товара определяется общественно необходимым рабочим временем. Поэтому те, у кого индивидуальное рабочее время меньше общественно необходимого, получают от продажи своих товаров больше, чем было затрачено труда в денежной оценке. С превращением простого товарного производства в капиталистическое прибавочная стоимость получила простор для самостоятельного развития прежде всего в форме абсолютной прибавочной стоимости, затем — как относительная прибавочная стоимость (вторичная ее форма) и избыточная — разновидность относительной прибавочной стоимости. Еще большее разнообразие прибавочная стоимость получает в связи с расщеплением ее, обособлением и самостоятельным существованием в форме прибыли, ренты, процента, торговой прибыли и др. Много производных отношений от сдельной формы зарплаты образовалось в процессе ее развития и практического использования: прямая сдельная, сдельно-прогрессивная, сдельно-премиальная, сдельно-повременная. В этом одна из причин разнообразия форм производственных отношений, или форм собственности и многообразия проявления их на поверхности жизни.

3. Классические категории политической экономии характеризуют зрелое состояние общества, когда оно в своем развитии сформировалось, проявило свои характерные черты, выявило свои потенциальные возможности.

Каждый социально-экономический организм проходит в своем развитии, как правило, ступени возникновения и становления, зрелости, разложения и перехода к новой системе производственных отношений. В процессе развития общество достигает такой ступени, когда производство не может нормально и успешно функционировать в старых формах, сталкивается с узостью форм распределения и обмена. Под воздействием социально-экономических потрясений господствующий строй приспособливает формы эксплуатации к изменившимся условиям. Появляются видоизмененные формы производственных отношений, в которых сочетаются элементы старых и новых экономических форм. Это переходные экономические формы, или переходные производственные отношения, которые, расширяясь вширь и вглубь, содействуют переходу к новому экономическому строю, дают возможность обществу подняться на новую, более высокую ступень социально-экономического прогресса.

4. К фундаментальным категориям политэкономии относятся такие, которые выражают отношения, обслуживающие не только процессы производства, а и обмена, распределения и потребления. Они характеризуют общественное производство на всех стадиях его возобновления. Поэтому нельзя, например, капитал, товар, меновую стоимость, заработную плату и т. д. считать категориями только производства или обмена, или распределения (зарплата). Они характеризуют систему отношений в целом как самовоспроизводящуюся, возобновляющуюся. И каждое из отношений, обслуживающих весь процесс, совершает свой круговорот, возвращаясь в исходный пункт.

Система фундаментальных категорий обслуживает воспроизводственный процесс всего общественного производства снизу доверху, во всем объеме как отдельного, индивидуального, так и всего совокупного капитала. Фундаментальные категории дают ориентир для отграничения экономических отношений, не охватываемых своим движением четыре фазы общественного производства. Это перенесенные, как бы пресажанные с фундаментальных на другие, отноше-

ния, которые внешне, с поверхностного взгляда, не отличаются от фундаментальных. И по перенесенным категориям (отношениям) нельзя анализировать экономический строй, его сущностные свойства.

В простом товарном хозяйстве, например, крестьянин производит товары, обменивает их на нужные ему изделия. Товар, меновая стоимость, стоимость выступают как фундаментальные понятия. Но часть произведенного продукта крестьянин оставляет себе как зерно, овощи и др., которые товаром не являются, ибо в обмен не поступают. Они просто — продукты труда. И если крестьянин продает пять центнеров пшеницы по 100 руб. за центнер, оставляя для своих нужд два центнера, то он их оценивает, как и проданную пшеницу, — по 100 руб. за центнер. И эта оценка может иметь не формальное значение, ибо используется в реальных экономических расчетах. Если, например, наш крестьянин заметил, что производство таких культур, как хлопок или сахарная свекла, дает в денежном выражении с одного га больше, чем пшеница, то он переключается на производство более выгодных культур, а необходимую для жизни пшеницу будет покупать на рынке.

Или сопоставим зарплату наемного рабочего и шофера или другого слуги капиталиста. Зарплата наемного рабочего представляет собой цену единственного товара — рабочей силы. Этот товар воспроизводится вновь и вновь путем потребления необходимых благ, купленных за полученную цену своей рабочей силы. Категория фундаментальная. Этого не скажешь о зарплате шофера или секретаря капиталиста. Шофер не создает товаров, а значит, — стоимости и прибавочной стоимости. Его зарплата — перенесенная категория, лишь внешне, своей денежной формой, похожа на зарплату наемного рабочего, создающего капиталисту товар, воплощающий стоимость и прибавочную стоимость. От зарплаты шофера не отличается зарплата учителя, полицейского, юриста, артиста — любого представителя огромной надстройки буржуазного общества.

Через перенесенные экономические категории капиталистическое общество использует и природные ресурсы: сырье, лес, рыбу, минералы, целебные источники и т. п. Они — не продукты труда и не имеют стоимости. Но имеют цену. Это перенесенная цена — оценка в денежной форме даров природы.

Фундаментальные и перенесенные производственные отношения в совокупности образуют ткань, охватывающую и сферу производства, и надстройку. Они и в надстройке отражают интересы буржуа, буржуазных производственных отношений. Надстройка же, поддержанная экономическим базисом, обслуживает базис моральными, политическими, научными, правовыми идеями и соответствующими им учреждениями.

5. В процессе развития системы производственных отношений происходит совершенствование их форм, используемых в общественном производстве, возникновение одних форм из других или превращение одних в другие. Так, например, из эквивалентной формы стоимости товара возникают деньги как всеобщий эквивалент и как превращенная форма товара. Деньги сохраняют в себе товарную основу, но они приобрели свою специфическую особенность — стали выполнять роль эквивалента товара, служить мерой стоимости и средством обращения всех товаров. В процессе развития товарного производства и денежного обращения деньги превратились в капитал. В этом превращении развитие денег, их форм сыграло столь важную роль, что можно с полным основанием сказать: без денег возникновение капитала невозможно.

Превращенные формы, в известной мере, прикрывают, маскируют свои сущностные свойства, которые унаследовали от породивших их форм. Это ставит перед исследователем задачу установления их генетических связей, чтобы не принять поверхностные формы производственных отношений за сущностные. В этой связи надо обратить внимание на так называемые иррациональные формы производственных отношений, которые иногда трудно поддаются пониманию в контексте других экономических форм, а в реальных экономических отношениях находят место и проявление. Например, в политэкономии часто используются категории *цена труда*, *цена земли*. Политическая экономия знает только одну стоимость — стоимость товара. Цена и есть денежное название, выражение стоимости. А как же быть с ценой труда, если труд не товар и стоимости не имеет? В практике, когда приходится рассчитывать с человеком, который работал, например, три часа (мелкий ремонт), на основе дневной цены рабочей силы вычисляют «цену» одного часа труда и умножают на число отработанных часов. Но это не снимает алогичности категории *цена труда*, и понятие это называется мнимым, иррациональным. То же касается *цены земли*, которая не является продуктом человеческого труда; она — часть природы, ее создание. Однако при капитализме земля продается и покупается, имеет цену, которая является не денежным выражением стоимости, а капитализированной земельной рентой.

Иррациональные категории подобны иррациональным числам в математике. Это реальные величины, реальные явления. Алогичность их в том, что они не выводятся логически из описываемых отношений, а как бы привнесены из другого круга отношений и отражают практику решения трудных задач. В условиях господства товарно-денежных отношений могут покупаться и такие далекие от товаров духовно-нравственные ценности, как совесть и честь, когда мерки стоимостных отношений (деньги) переносятся на моральные устои людей.

Представляется, что предложенная нами классификация дает возможность точнее определять существенные свойства и место категорий в системе политической экономии, содействует плодотворности научного поиска, а значит, и адекватных форм использования полученных знаний в практической политике.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 275—276 (подчеркнуто мной — С. Я).

² Там же. Т. 12. С. 711.

³ Там же. С. 714.

И. С. БЛАГУШ

О ЗНАЧЕНИИ АНАЛИЗА РЕГУЛИРУЕМЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Изучение рыночного механизма становится одним из наиболее популярных и активно разрабатываемых направлений отечественной экономической науки. Движение от социальной системы, в которой свободный рынок не играл сколько-нибудь значительной роли, к экономике рыночного типа заставляет обращаться к западному опыту, осваивать уже существующие теоретические разработки.

Ощутимое влияние на ориентацию отечественной экономической мысли, бесспорно, оказывают сегодня работы американских ученых, в научных публикациях и учебниках которых «почти единодушно поддерживается мнение, что конкуренция — основная регулирующая сила капиталистической рыночной экономики»¹.

На создание конкурентной среды здесь направлено действующее законодательство и государственная экономическая политика. Малый и средний бизнес являются основой американской экономики: около 99 % предприятий относятся именно к этой категории². Причем их число резко возросло за последнее десятилетие в немалой степени благодаря той поддержке, которую правительство, руководствуясь принципом свободной конкуренции, оказывает этому сектору экономики. Управление малого бизнеса при Министерстве торговли США до настоящего времени выделило в рамках программы инвестиций свыше 11 млрд. долл. более чем 70 тысячам малых предприятий. С 1988 по 1990 г. Управлением были выданы гарантии по коммерческим кредитам для малых предприятий на сумму свыше 31 млрд долл.³

Ситуация на рынке может изменяться сегодня необычайно быстро: снижение издержек производства благодаря информационным технологиям не на десятки процентов, а в десятки раз позволяет повысить уровень конкурентоспособности любой фирмы и выходить в число лидеров практически с любых стартовых позиций. Малый и средний бизнес, более гибкий и более подвижный, позволяет быстро реагировать на появление новых потребностей, становится важным источником нововведений, обеспечивая при этом достаточно высокий уровень качества продукции и услуг. Тенденция к устранению торговых барьеров на Западе, создание «открытых рынков» расширяет сферу конкуренции, усиливает ее, делает еще более жесткой, стремительной, непредсказуемой.

Многочисленные публикации приветствуют возрождение «духа предпринимательства» и «власти рынка», доказывая эффективность конкурентной экономики, преимущества малого бизнеса, благотворное действие неограниченной экономической свободы. Процессы, характерные для развитых стран, и доминирующие экономические идеи, казалось бы, не оставляют сомнений в том, на каких принципах следует строить современную национально-хозяйственную систему, отвечающую новейшим тенденциям мирового развития. Ориентация на создание экономики, построенной на свободной конкуренции, представляется естественной и органичной. Тем не менее критика этого принципа со стороны ряда американских экономистов в последние десятилетия требует осмысления.

Макроэкономические последствия дерегулирования в Соединенных Штатах оказались далеко не однозначными. Устранение правительственных регламен-

таций в трех базовых отраслях (финансы, телекоммуникации, транспорт), последовательно осуществленное в 70—80-е гг., должно было оживить эти отрасли и стимулировать экономический рост в целом в соответствии с классическим принципом: чем активнее конкуренция между экономическими агентами, тем выше их продуктивность и, следовательно, богаче общество.

Оживление конкуренции между банками и ссудо-сберегательными ассоциациями в результате дерегулирования действительно произошло и привело к установлению более высокого уровня процента по вкладам. Однако, стремясь привлечь вкладчиков высоким процентом, ссудо-сберегательные ассоциации были вынуждены инвестировать значительные суммы в рискованные операции с высокой скоростью оборота. В результате с 1980 по сентябрь 1990 г. около тысячи ассоциаций обанкротились. Коммерческие банки в результате расширения рискованных операций ежегодно списывают около 20 млрд долл. непогашенных задолженностей, что в пять раз превышает уровень 1980 г.⁴

По мере возрастания конкуренции между банками на внутреннем рынке США, считает профессор Калифорнийского университета К. Йошида, их конкурентоспособность на мировом рынке падает. Только один американский банк находится среди двадцати мировых лидеров, хотя по количеству банков на миллион жителей Соединенные Штаты занимают первое место. Этот показатель достигает здесь 53, в то время как в Великобритании он составляет 11, в Германии — 5, Канаде — 3, Японии — 1. Однако 40 % совокупных активов 100 крупнейших банков мира принадлежит Японии, а США — только 11 %⁵.

Дерегулирование было призвано максимизировать благосостояние потребителей: оживление конкуренции в банковской сфере должно было устранить неэффективные операции, увеличить процентные ставки. Однако под давлением конкуренции банковские управляющие были вынуждены обеспечивать высокую оборачиваемость инвестиций, а не максимизировать долгосрочные доходы. Это в равной степени справедливо и по отношению к промышленности. Краткосрочное мышление, ориентированное на максимизацию ежеквартальных выплат акционерам, по оценке экспертов, не оказалось благоприятным в долгосрочном плане. За 1969—1985 гг. рыночная цена американских акций лишь удвоилась, а японских возросла в шесть раз⁶.

Важной составной частью политики поддержания конкуренции является антимонопольная практика. Один из примеров — разделение «Америкэн Телефон энд Телеграф» на несколько самостоятельных компаний в январе 1984 г. Уже спустя 11 месяцев в ее системе произошло снижение цен на телефонное оборудование и тарифов на ряд услуг. Однако конкуренция между поставщиками оборудования привела к значительному сокращению рабочих мест, что увеличило нагрузку на одного работающего и в результате снизило качество технического обслуживания установок. Снижение качества услуг негативно повлияло на спрос в долгосрочной перспективе.

Существенно и то, что «Лаборатории Белла» — один из ведущих научно-исследовательских институтов мира, на который приходится семь нобелевских премий и тысячи патентов в фундаментальных исследованиях, прежде доступных на основе лицензионных соглашений любой компании, — после раздела компании «Америкэн телефон энд телеграф» значительно сократили фундаментальные исследования, ориентируясь прежде всего на сиюминутные финансовые результаты. В итоге лаборатории покинули многие ученые. В долгосрочном плане общество и экономика, бесспорно, проиграла.

Принцип свободной конкуренции, определявший до сих пор процветание американской экономики, по мнению ряда экономистов, в современных условиях не может более играть роль основной экономической доктрины. «Промышленность Соединенных Штатов уступает свои позиции на мировом рынке не подвижным малым фирмам, а крупным индустриальным комплексам, опирающимся на стабильную, подчиненную единой, скоординированной стратегии систему компаний-союзников, часто поддерживаемых государством, т. е. тем экономическим структурам, которые, с точки зрения сторонников свободного рыночного предпринимательства, порождают застойные картели», — считает Ч. Фергюсон⁷. Другой американский исследователь, К. Йошида, приходит к следующему выводу: «Мы переживаем эру высоких технологий, которые требуют крупных и непрерывно возрастающих вложений капитала, времени, трудовых ресурсов, научных исследований и разработок для производства высокотехнологичной продукции, имеющей решающее значение для национальной экономики. Перед лицом мировой конкуренции такого рода необходима широкомасштабная координация крупных инвестиций. Может ли неограниченная конкуренция обеспечить требуемые условия? Ответ однозначен — нет. Нам необходима национальная политика, которая координировала бы промышленность на американ-

ском рынке так, чтобы каждая компания в любой отрасли росла, обеспечивая одновременно рост всей экономики Соединенных Штатов»⁸.

Таким образом, ориентация исключительно на создание системы свободной конкуренции, необходимой для нее правовой и экономической среды, как показывает опыт развитых стран, является далеко не бесспорной. Наиболее эффективной многими экономистами признается модель, в которой конкурентный механизм «встроен» как одна из форм экономической регуляции в систему кооперации, сотрудничества экономических агентов, не являясь господствующим принципом организации экономики.

Лидирующие позиции Японии на мировом рынке американские исследователи связывают именно с особенностями ее экономической системы, «рассчитанной на то, чтобы минимизировать конкуренцию и поддержать кооперацию»⁹. Западный принцип широкомасштабной конкуренции не был заимствован Японией в чистом виде. Он не вытеснил традиционную для этой страны идею кооперации, а был адаптирован к особенностям национальной экономики и национального менталитета, так что оба, казалось бы, взаимно исключающих принципа были восприняты. Японская экономика стала примером отлаженного взаимодействия различных механизмов экономической регуляции — свободной конкуренции, корпоративного регулирования («монополистической плановости» в традиционной для нас терминологии), государственного капитализма.

Прагматический подход к экономической политике требует признания того факта, что различные формы априорной экономической регуляции (монополистическая плановость, государственный капитализм) — не отклонение от «совершенного рынка», а естественно развивающиеся, объективные экономические связи, существенное разрушение которых по идеологическим мотивам ведет к ощутимым издержкам. В качестве центрального объекта отечественных политико-экономических исследований поэтому было бы правомерно рассматривать не рынок сам по себе, а регулируемую экономическую систему, т. е. оптимальные, с позиций основных параметров функционирования национального хозяйства, варианты взаимодействия, сочетания различных механизмов экономической регуляции, известных современной экономике.

Понятие «регулируемая экономическая система» позволяет охватить регулирующий механизм в его целостности, но не указывает на те конкретные формы, которые этот механизм образует.

При определении типов регулируемых систем становятся значимыми роль отдельных элементов и соотношение между ними. Так, промышленный капитализм определяют обычно как «эпоху свободной конкуренции», хотя регулируемая система этого периода включала различные формы государственного капитализма. Но они играли подчиненную роль, не оказывая существенного влияния на функционирование системы в целом. С появлением различных форм монополистического регулирования и расширением государственного вмешательства в экономику функции экономической регуляции перераспределяются между государственным капитализмом, монополистической плановостью и рыночным механизмом. Складывается корпоративно-государственная регулируемая система, или система «смешанной экономики».

Кризис 70—80-х гг., который часто оценивают как кризис государственной экономики, нерыночной регуляции вообще, в действительности привел к изменению форм взаимодействия государственного и конкурентного механизмов, перераспределению функций между ними, дав начало периоду так называемой «контрактной экономики». Для него характерно расширение форм сотрудничества частных и государственных предприятий в области капиталовложений, привлечение частного капитала для финансирования государственных предприятий, создание смешанных государственно-частных компаний и т. п.

Разнообразие связей, форм взаимодействия между государственным капитализмом (как экономической формой, объективной основой государственного регулирования) и рынком делает современную регулируемую систему очень подвижной, изменчивой, способной адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям. Распространение государственных акционерных компаний делает границы между государственным и частным сектором более подвижными, «все более неясными и неопределенными»¹⁰. Государство проникает в новые сферы и одновременно уходит из отраслей, не оцениваемых более как стратегические, использует новые, чисто экономические, финансовые формы контроля. Благодаря тесной интеграции, сращиванию тех элементов, которые ее составляют, регулируемая экономическая система в целом стала более эффективной.

Характеристика современного состояния регулируемой экономической системы — одна из наиболее сложных проблем, которая требует пристального внимания отечественных экономистов, ибо затрагивает принципы создания эффек-

тивной национально-хозяйственной системы, отвечающей тенденциям мирового развития.

¹ Аuerbach P. Competition: The Economics of industrial Change. New York, 1988. P. 7.

² См.: Леонидов Б. // Деловая орбита. 1992. № 19(32). С. 5.

³ Там же.

⁴ См.: Беарак В., Furlong T. // Los Angeles Times. 1990. 16 Sept. P. 3.

⁵ См.: Bates J. // Los Angeles Times. 1990. 23 Sept. P. 2.

⁶ См.: Berget J. // Business Week. 1986. 3 March. P. 82.

⁷ Ferguson Ch. // Harvard Business Review. 1988. № 3. P. 57.

⁸ Yoshida K. // The Columbia Journ. of World Business. 1992. № 4. V. 26. P. 35.

⁹ Ibid. P. 36.

¹⁰ Garner M. Enterprises in the Public Sector: The State's control. Maastricht, 1985. P. 22.

Н. В. ЧЕРЧЕНКО

МАРКЕТИНГ В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Последние десятилетия для промышленно развитых стран характеризуются дальнейшим товарным перенасыщением рынков сбыта, быстрым расширением и обновлением ассортимента выпускаемой продукции. Актуальной для корпораций стала проблема ограничения объема производства. Сама жизнь вынуждает фирмы искать эффективные средства, с помощью которых эти ограничения можно было бы в значительной степени снять. В этих условиях закономерным является то, что своеобразной формой регулирования рыночных процессов корпорациями стал маркетинг.

Руководство фирм рассматривает маркетинг как ядро процесса сбалансирования потребительского спроса и производственных ресурсов компании, как фундамент внутрифирменного планирования и всей многопрофильной управленческой деятельности. Маркетинг стал необходимым условием функционирования и конкурентоспособности предприятий, в их организационной структуре один из ключевых постов в системе принятия решений обязательно отдается вице-президенту по маркетингу или аналогичному по уровню иерархии менеджеру.

Претерпело изменения и толкование самого понятия «маркетинг». Если в довоенный период под ним подразумевалась функция сбыта или, другими словами, экономическая деятельность по продвижению товаров и услуг от производителя к потребителю, то, начиная с 50-х годов, маркетинг рассматривают уже как «новую философию бизнеса», суть которой заключается в том, что компания в своей деятельности в первую очередь должна исходить из учета рыночной конъюнктуры, ставить рынок во главу угла, подчинять ему все стадии производственного процесса, включая разработку и проектирование новой продукции.

Деятельность в области маркетинга начинается с комплексного изучения рынка, причем последнее — не самоцель, а источник информации для принятия ответственных решений. Следует учитывать, что, по некоторым оценкам, потери, вызванные неправильным решением, обычно бывают в десятки раз большими, чем расходы на исследования. В целом же расходы на маркетинговые исследования, например, у крупных западноевропейских компаний достигают 0,5 % оборота.

В настоящее время изучение рынков ведется практически всеми частными фирмами, многими университетами и научными организациями, правительственными ведомствами и учреждениями, специализированными исследовательскими фирмами и агентствами. Так, в США функционирует более 400 независимых исследовательских и коммерческих фирм, которые изучают структуру и динамику потребительского спроса, разрабатывают прогнозы рыночной конъюнктуры, составляют рекомендации в области рыночной стратегии и тактики для своих клиентов — промышленных и торговых компаний. В Японии функционирует Международная экономическая информационная служба, связанная с Министерством торговли и промышленности. Ее цель — сбор информации и исследований о соответствующих рынках, представляющих интерес для японских концернов. В ФРГ при Министерстве экономики и финансов учреждены две службы — коммерческая и юридическая, готовящие справки для экспортеров (они получают ежегодно примерно 80 тыс. запросов) и занимающиеся подбором для них заграничных торговых агентов. Обычная маркетинговая практика предполагает проведение изучения рынка в таком объеме, который позволит доста-

точно отчетливо установить группы факторов, способствующих успеху продвижения товара. Кроме того, необходимы умение, способность увязывать полученные данные с быстро меняющейся обстановкой. Такое положение дел очень напоминает попытку поразить движущуюся мишень.

На состояние конъюнктуры рынка влияет система факторов, характеризующих состояние экономики в определенный период и конкретные условия реализации продукции. Факторы, или условия, вызывающие колебания спроса и предложения, довольно изменчивы. Поэтому конъюнктуру рынка в целом и по отдельным видам товаров в том или ином регионе можно оценивать за сравнительно короткие отрезки времени (месяц, квартал). В качестве критерия нормальной конъюнктуры рынка принято считать сбалансированное состояние спроса и предложения, которое предполагает, что спрос удовлетворяется при обычном уровне товарных запасов.

Среди важнейших направлений комплексного изучения рынка выделяются: изучение товара, анализ структуры и динамики потребительского спроса, условий конкуренции, организации форм и методов сбыта и, наконец, рыночная сегментация. Интересным является тот факт, что при обследовании 200 крупнейших американских фирм на вопрос о том, какие факторы в наибольшей мере обеспечивают успех фирме, 80 % опрошенных ответили — качество продукции, и никто не поставил, например, цены как таковые на первое место. Более того, фирма, следуя принципам маркетинга, предлагает на рынок даже не столько товары или услуги, а скорее средства решения проблем покупателей (клиентов). В этой связи представляет интерес следующее высказывание президента фирмы Мелвил Корп: «Люди больше не покупают обувь, чтобы держать ноги в тепле и сухом месте. Они покупают ее из-за того, какие чувства она вызывает — мужественность, женственность, суровость, отличительность, умудренность, молодость, блеск. Наш бизнес сейчас — продажа эмоций, а не обуви». Комментарии, как говорится, излишни.

При работе с ассортиментом компании исходят из концепции жизненного цикла товаров, предложенной в 60-е годы в США Теодором Левиттом. Большинство фирм стремится проводить операции на своих внутренних рынках до тех пор, пока эти рынки могут обеспечить необходимый коммерческий эффект. Но при снижении объемов продаж и прибыли фирма стремится заполнить образующуюся брешь за счет экспорта. Следовательно, необходимо учитывать различия циклов жизни товаров в разных странах. Это очень важно и для выбора оптимального варианта ассортимента продукции, производимой компанией. Что касается изучения спроса в рамках рыночных исследований, то, как показывает практика, его проводят по видам товарной продукции, по группам (сегментам) покупателей, а также в территориальном разрезе. При этом наряду с анализом текущего спроса прогнозируется его динамика на различные отрезки времени. Поскольку не существует товара, который нравился бы абсолютно всем покупателям, фирма стремится выявить наиболее привлекательные сегменты рынка, которые она в состоянии эффективно обслужить. В основу сегментации могут быть положены различные признаки: демографический, географический, поведенческий и др. Дробить рынок на очень маленькие сегменты не рекомендуется. Считается, что лучший выход для компании — найти те 20 % рынка, которые принесут ей 60—80 % прибыли.

Когда фирма решает остановиться на тех или иных более или менее однородных группах (сегментах) покупателей, она выделяет несколько отличительных черт, присущих именно им, рассматривает наиболее типичные способы использования данного товара, характерные для этих покупателей, и мотивацию последних, факторы, формирующие покупательские предпочтения и влияющие на рыночное поведение. Кроме того, принимаются во внимание обычные способы совершения покупки потребителями данного сегмента, потребности, не удовлетворенные товарами данного вида (нашими и конкурентов), прогнозируется также влияние научно-технической революции на развитие потребностей традиционных и потенциальных покупателей.

В маркетинге разработано самостоятельное направление — *мерчандайзинг*, которое представляет собой проведение комплекса мероприятий непосредственно в торговом предприятии. Сюда относятся: развитие форм активной продажи товаров (как, например, самообслуживание); выкладки и приемы демонстрации товара, его потребительских свойств; использование «безмолвного продавца» — упаковки; маркировки товара с исчерпывающей информацией для покупателя; гибкая политика цен; внутримагазинная реклама; расширение дополнительных торговых услуг; стимулирование сбыта.

О том, с каким размахом действуют в Японии крупные торговые фирмы (так называемые *сого, сёся*), свидетельствуют такие факты. К примеру, одна из них

имеет 130 баз, разбросанных по миру и соединенных телекомом. Общая длина линий — 400 тыс. км, что соответствует четырем кругосветным плаваниям. Фирма получает 20 тыс. сообщений ежедневно. На основе информации, поступающей со всего света, многие факторы (товары, фрахтовые ставки и обменные курсы валют) сводятся воедино с целью наиболее рациональной организации сделок и анализа возможности долгосрочных проектов в перспективе. Около десятой части текущих издержек крупные торговые дома расходуют на международные коммуникации. Собирается информация о конкурентной тактике иностранных компаний, о погоде во всем мире, о политических тенденциях и движении цен за границей. Некоторые даже считают, что в сборе информации *сого, сёся* имеют только двух достойных конкурентов — Пентагон и Ватикан. Такие действия вполне закономерны, поскольку практика показывает, что фирмы, не способные достаточно оперативно уловить и учесть в своей деятельности перспективы развития рынка и спроса, просто не в состоянии сохранить свои позиции и выдержать ожесточенную конкуренцию.

Как правило, анализируя условия конкурентной борьбы, маркетинговая служба обращает главное внимание на несколько основных конкурентов, владеющих наибольшей долей рынка, а также пристально следит за несколькими фирмами, наиболее динамично развивающими свою деятельность на этом рынке. Разносторонне рассматриваются торговые марки (знаки) и те особенности товаров конкурентов, благодаря которым их предпочитают покупатели, а также вид, характерные особенности упаковки этих товаров. Исследуются формы и методы сбыта, каналы товародвижения, ценовая политика. Представляют интерес и основные направления научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок у конкурентов, масштабы их финансирования, объем расходов, наличие известных ученых в штате фирмы. Обобщаются официальные данные о прибылях и убытках, оценочные статьи в прессе, сведения о покупке и продаже дочерних предприятий (фирм).

Таким образом, служба маркетинга превращается в своего рода «мозговой центр» информации и рекомендаций по многим вопросам не только рыночной, но и производственной, научно-технической и финансовой политики корпорации. Более того, зачастую бывает трудно или даже вообще невозможно разделить управление, производство и маркетинг, вычленив собственно маркетинговые или производственные, или управленческие функции.

Комплексное изучение рынка и разработка на этой основе рыночной стратегии и тактики компании находят свое воплощение в программе маркетинга, представляющей собой базовый документ, регламентирующий деятельность каждого из отделов фирмы и обеспечивающий координацию их усилий по достижению единой общекорпоративной цели — оптимизации проблемы компании на основе наиболее эффективной увязки ее внутренних резервов с рыночными потребностями. Иначе говоря, маркетинговые исследования содействуют изысканию путей постепенного уменьшения элементов неопределенности и риска в оценках, гипотезах, решениях и действиях, связанных с хозяйственной практикой. Конечно, маркетинг не является панацеей от всех неудач на рынке. Формы и содержание такой работы находятся в непосредственной зависимости от конкретных условий и характера хозяйствования организации, предприятия. Но вместе с тем маркетинг — своего рода система «правил игры» в рамках товарно-денежных отношений, которая дает фирме верные ориентиры на пути к успеху. Маркетинг в целом и рыночные исследования в частности превращаются в одно из основных средств выживания и сохранения фирмы.

Трудности выхода на мировой рынок для отечественных предприятий, в первую очередь, связаны с тем, что они не привыкли учитывать интересы ни своего, ни зарубежного покупателя. Достаточно сказать, что, например, 80 % отечественных промышленных предприятий вообще не изучают рынок. Лишь 7 % не чаще, чем раз в три года проводят отдельные мероприятия (главным образом, в области рекламы, фирменной торговли новыми товарами). Руководители 83 % предприятий твердо убеждены, что изучение рынка и спроса — задача только торговли, и главной проблемой для себя они считают обеспечение рентабельности производства. (См.: Соловьев Б. // Соц. труд. 1990. № 1. С. 31.)

Радикальная экономическая реформа, преодоление монополизма в сфере производства неизбежно приведут к разнообразным динамичным процессам на рынке как Республики Беларусь, так и других государств ближнего зарубежья. Сама жизнь вынуждает предприятия изучать рынок и его законы. А здесь без освоения основ маркетинга, его принципов, функций, стратегии и тактики не обойтись.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РЫНОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ

Колебания конъюнктуры отражают колебания экономической активности рыночных субъектов. Экономическая активность проявляется в производстве и продаже товаров, получении и распределении дохода, формировании имущества и его реализации. Производство товаров без учета амортизации представляет собой национальный доход, который вещественно выражен в инвестиционных и потребительских товарах. Сумма инвестиционных и потребительских товаров составляет совокупное предложение экономики. Участники производства получают созданный национальный доход в различных формах, что называется совокупным спросом. Полученные доходы рыночные субъекты используют на потребление и резервирование (сбережения). В масштабе общества сбережения тратятся на инвестирование. Чтобы совокупный спрос соответствовал совокупному предложению, необходимо добиваться баланса инвестиций и сбережений на конец определенного периода. Однако планируемые величины совокупного предложения и спроса не равны между собой. Равенство же осуществляется за счет unplanned сбережений и инвестиций, поэтому составные части совокупного спроса и предложения из периода в период колеблются, непропорциональны между собой. В результате возникает макроэкономическое неравновесие между спросом и предложением, отражающее колебания активности экономических субъектов.

Экономическими субъектами в период перехода к рынку в республиках СНГ и странах Восточной Европы являются государственные предприятия, арендные, коллективные, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, мелкие и средние предприятия, частные фирмы.

Роль приватизации и частной собственности неоспорима, так как она служит увеличению производительности труда, повышает приспособляемость экономики к рыночному сигналу, созданию именно рыночно ориентированной экономической структуры. Частный собственник всегда рискует своим капиталом и заинтересован в долгосрочной рентабельности. Однако процесс приватизации и разгосударствления в восточноевропейских странах и республиках СНГ не всюду дал положительные результаты, что и отразилось на спаде ее конъюнктуры. Основными формами разгосударствления собственности являются: аренда с выкупом, создание акционерных обществ, коллективных предприятий, продажа по конкурсу и на аукционах, безвозмездная передача и др. Каково же их соотношение в странах Запада и Восточной Европы? В странах с развитой рыночной экономикой роль государственных предприятий невелика. Напротив, в восточноевропейских странах доля частных предприятий в производстве валового национального продукта составляет всего 20 %.

Процессы приватизации на западе и востоке Европы существенно отличаются. На Западе до начала приватизации частные фирмы уже накопили первоначальный капитал. А западногерманские фирмы к началу приватизации уже имели накопленный капитал, развитый менеджмент, рыночную экономику.

В восточноевропейских странах юридические, институциональные и политические условия оказались малоблагоприятными для приватизации. Продажа предприятий здесь натывается на ряд препятствий, что сдерживает деятельность рыночных субъектов, увеличивает спад конъюнктуры. Так, юридически не урегулированы взаимоотношения новых владельцев со старыми собственниками, не решен вопрос о принадлежности капитала, не создано рынка капитала и соответствующей ему современной банковской системы.

Для успешного проведения приватизации и активизации экономических субъектов необходимо создать следующие предпосылки: создать благоприятные условия для деятельности предприятий, которые переходят на частную собственность, уменьшить плановое регулирование деятельности государственных предприятий, решить проблему дефицита. Для побуждения государственных предприятий к приватизации следует обеспечить правовую основу взаимоотношений старых владельцев и новых, юридически закрепить отношения собственности.

Немного иная картина наблюдается в сфере малой приватизации. В Польше, Югославии, Венгрии, странах бывшего СССР, Республике Беларусь выявилось немало граждан, которые сэкономили денежные средства, получали кредиты, добывали деньги спекулятивным путем. К началу перестройки в этих странах уже действовало большое количество предприятий небольшого размера, особенно в торговле и сфере услуг. Здесь и была осуществлена малая приватизация. В России на 1 июля 1992 г. 53.600 тыс. государственных предприятий сферы услуг стали

самостоятельными юридическими лицами. В Беларуси также успешно решаются проблемы малой приватизации¹.

Эффективность приватизации и экономическая активность рыночных субъектов в странах Восточной Европы и республиках СНГ зависят и от масштабов развития частного сектора. В Польше и Венгрии до начала реформ был хорошо развит частный сектор, а в настоящее время отменены всякие законы, сдерживающие образование частной собственности. Так, в Венгрии уже с конца 50-х гг. экономика была децентрализованной. До 80-х гг. частный сектор создавал здесь большую часть валового общественного продукта. Поэтому в стране успешно прошла не только малая приватизация, но и без особых затруднений началась большая. С середины 1992 г. 20 % предприятий Венгрии превратились в капитальные общества. Государственных предприятий тоже приватизировано около 16 %. Однако в процессе проведения приватизации здесь возникли препятствия из-за неразвитости рынка капитала. Поэтому предприятия нередко продавались за полцены².

В 1992 г. началась большая приватизация в Польше, которая осуществлялась двумя способами. Один из них состоял в том, что государственные предприятия становились коммерческими, т. е. предприниматели становились юридическими лицами. Второй способ — продажа государственных предприятий, как в целом, так и по частям. Не во всех случаях польские собственники оказались хорошими менеджерами. Однако, по оценкам западных экспертов, 80 % собственников состоялись как хорошие управляющие. Следует отметить, что предпосылки рыночной экономики в Польше создавались заранее. Реформа здесь началась еще в 1981 году. Поэтому к 1992 г. частный сектор составлял в валовом национальном продукте республики 50 %, в том числе в промышленности — 26,6, строительстве — 73,2, торговле — 90³.

Законодательные ограничения права развития частной собственности в настоящее время имеются в Болгарии, Румынии. В последней именно поэтому до 70 % индустриального производства еще в 1992 г. находилось в государственной собственности⁴. В Чехословакии процесс создания частно-предпринимательских структур протекает довольно медленно. Происходит это прежде всего из-за господства в экономике крупных предприятий, которые невозможно в короткие сроки вывести из прямого государственного подчинения. В Югославии до самого последнего времени реальными экономическими субъектами в основном были государственные предприятия и организации, которые лишь формально имели независимый самоуправляемый статус. За последние полтора-два года подлинная приватизация здесь ограничивалась малыми коммерческими структурами. Более крупные предприятия руководство страны стремилось по-прежнему оставить «коллективными», а по сути — подконтрольными государству.

Россия, как и Беларусь, относится к центрально-реформируемому республикам. В экономике России в настоящее время доминирует государственная собственность, отличающаяся монопольной структурой. Так, 70 % трудящихся занято на государственных предприятиях, 17,8 — на общественных, в частном секторе — 2,4. Правительство Республики Беларусь предполагает приватизировать 147 предприятий, которые производят 90 % промышленной продукции. Значительное число их уже приватизировано. Авторы проекта белорусской программы отмечают, что для полной приватизации потребуется значительное время. При этом особенно важно, чтобы хозяева приватизированных предприятий несли полную ответственность за риск, рентабельность своего капитала.

По данным Комитета по управлению государственным имуществом при Совете Министров Республики Беларусь, на 1 августа 1992 г. сюда поступило 88 заявок на приватизацию объектов республиканской собственности. По этим заявкам Госкомимущество принял 67 положительных решений, 3 — отрицательных, 18 заявок находилось на рассмотрении. На этот период у нас уже было приватизировано 45 предприятий, выкуплены арендными коллективами 26 предприятий. Прямой выкуп государственного имущества трудовыми коллективами — 12 предприятий, преобразовано в акционерные общества — 5, продано по конкурсу — одно предприятие, выкуп государственного имущества частными лицами — одно. Постепенно наша экономика приобретает такую структуру: государственные предприятия, акционерные общества, арендные предприятия, общества с ограниченной ответственностью, мелкие, средние и частные предприятия. Большими преимуществами в такой системе обладают групповые и коллективные формы собственности. Они позволяют масштабно и оперативно мобилизовывать денежные капиталы и поэтому лучше приспособлены к решению задач научно-технического прогресса и массового производства. От выбора экономическими субъектами форм хозяйствования, их формирования зависят колебания экономической активности, а следовательно, и колебания конъюнкту-

ры. Признавая идею приватизации как таковую, необходимо отметить, что в период перехода к рынку невозможно оставлять на произвол государственную собственность, деятельность государственных предприятий. В определении эффективности рыночных субъектов наиболее важным является та или иная форма собственности, которая создает благоприятные условия для принятия эффективных хозяйственных решений. В неравенстве государственно-административного отношения к отдельным формам собственности и заложена основная причина различий в хозяйственной эффективности имущественных прав как таковых. Государственный же сектор всегда ограничивался по всем решающим параметрам деятельности: цены, зарплата, объем, ассортимент и назначение продукции.

Основу рыночных отношений составляют свободные товаропроизводители. Существуют, как минимум, три основных условия, делающие их полноценными субъектами рыночных отношений.

Во-первых, движущий мотив их деятельности — извлечение прибыли или дохода, но не в примитивном понимании — как единовременный акт, а как процесс движения капитала, предполагающий его систематический рост.

Во-вторых, самостоятельность в действиях, сообразуемых прежде всего с потребностями рынка. Это включает использование имущества, определение производственной программы, выбор поставщиков и потребителей, формирование цен, распоряжение доходами, остающимися после уплаты налогов.

В-третьих, экономическая ответственность за результаты хозяйствования, причем не только текущими доходами, но и капиталом. Чем более полно соблюдаются указанные условия, чем меньше государство определяет нормы и правила поведения, тем в большей степени экономика регулируется посредством рыночных механизмов.

Необходимым институтом рыночной экономики является полная самостоятельность и независимость агентов, действующих на рынке, в сочетании с их экономической ответственностью. Последняя находит свое выражение в жестком бюджетном ограничении. Только при этом условии в поведении хозяйственных субъектов могут появиться те мотивы, которые обеспечивают действенность рыночных механизмов. У государственных предприятий нет обязательства перед акционерами, банкротство им не грозит. Все это негативно отражается на динамике затрат и цен, сложности освоения новых технологий, уровне организации производства, качестве управления и прочих параметрах хозяйственной деятельности: снижается экономическая активность, падает конъюнктура. Отсюда следует, что каждая из республик СНГ и стран Восточной Европы должна осуществлять процесс приватизации, исходя из собственных условий разукрупнения, демонополизации. Возможно, для крупных предприятий государственного сектора необходимо проводить антимонопольную политику, сформировать конкурирующие структуры.

¹ Белорусский рынок. 1992. 24 окт.

² Weltwirtschaft. 1992. № 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

А. В. БАРКОВ

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА БЕЛАРУСИ

Структура и содержание Особенной части проекта Уголовного кодекса Республики Беларусь определены новой концепцией уголовно-правовой борьбы с преступностью, принципы которой заложены в Общей части кодекса и конкретизированы в разделах, главах и статьях Особенной части при формировании системы кодекса и при конструировании отдельных составов преступлений.

Авторы нового УК Беларуси отказались от прежней системы ценностей, детерминировавшей структуру и содержание Уголовного кодекса БССР 1960 г. Разработанный в конце 50-х годов кодекс имел приоритетной задачей уголовно-правовую охрану политической системы государства, его институтов, отношений государственной и общественной собственности, плановой социалистической экономики. Кодекс был ориентирован на всемерную охрану социалистических общественных отношений и являлся не только правовым, но и в значительной мере политическим документом. Авторы нового Уголовного кодекса Беларуси сочли необходимым в качестве главных задач будущего закона определить охрану жизни, здоровья, чести и достоинства, прав и свобод человека, охрану отношений собственности, природной среды, общественной безопасности, общественных и государственных интересов, мира и безопасности человечества.

В Особенной части нового кодекса конструируются около 300 составов различных видов преступлений. Особенная часть состоит из семи разделов, а некоторые из разделов делятся на главы по родовому объекту преступлений. Раздел VI, открывающий Особенную часть УК, является новым для уголовного законодательства Республики Беларусь и называется «Преступления против мира, человечности и военные преступления». В разделе устанавливаются признаки тринадцати видов преступлений, десять из которых не были известны ранее уголовному праву Беларуси, в частности подготовка и ведение агрессивной войны, нападение на дипломатические или консульские представительства, вмешательство во внутренние или внешние дела другого государства, международный терроризм, геноцид, торговля людьми, вербовка, обучение, использование и финансирование наемников, наемничество. Большинство преступлений данного раздела отнесено к категории тяжких или особо тяжких. За пять видов преступлений, которые могут быть сопряжены с умышленным убийством при отягчающих обстоятельствах, предусмотрено исключительное наказание — смертная казнь.

Одним из самых крупных и главных разделов кодекса является раздел VII «Преступления против человека». Он состоит из пяти глав и определяет сорок пять видов преступлений. Раздел начинается главой «Преступления против жизни и здоровья». К преступлениям против жизни отнесены шесть видов умышленных убийств, причинение смерти по неосторожности, доведение до самоубийства, содействие или склонение к самоубийству. Из этой группы преступлений новыми для уголовного права Беларуси являются убийство матерью новорожденного ребенка, убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника, содействие самоубийству или склонение к нему. В составе умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах предусмотрено 17 квалифицирующих признаков.

Группа преступлений против здоровья существенных изменений не претер-

пела. Впервые в уголовном праве Беларуси появляются такие виды преступлений, как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником и ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. В главе «Преступления в области половых отношений» исключена преступность ненасильственного гомосексуализма. А в главе «Преступления в области семейных отношений» формулируются новые составы преступлений: разглашение врачебной тайны и похищение человека. В группе преступлений против свободы, чести и достоинства человека впервые формулируется состав преступления — опозорение (диффамация), т. е. распространение из низменных побуждений заведомо позорящих другое лицо сведений, не являющихся ложными. Глава «Преступления против конституционных прав и свобод граждан» определяет 12 видов преступлений, из которых новыми являются воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов и принуждение к забастовке.

Раздел VIII называется «Экономические преступления» и включает две главы: «Преступления против собственности» и «Преступления в области предпринимательства и иной хозяйственной деятельности». Первая глава определяет виды преступлений, посягающих на различные формы и виды отношений собственности. Разработчики нового УК отказались от свойственной УК 1960 г. раздельной охраны отношений социалистической собственности и личной собственности граждан, когда очевидный политический приоритет в правовой защите отдавался государственной и общественной собственности. Такая дифференциация ответственности порождала массу проблем для следственной и судебной практики. Предусмотрен новый состав преступления — разбазаривание имущества, т. е. растрата в значительном размере имущества, вверенного виновному или находившегося в его ведении, при отсутствии корыстной цели.

Глава «Преступления в области предпринимательства и иной хозяйственной деятельности» является той частью кодекса, которая характеризуется значительной новизной. В главе называются признаки двадцати одного вида преступлений, впервые включаемых в УК, например: нарушение правил выпуска (эмиссии) ценных бумаг, ложное банкротство, злостное банкротство, срыв возмещения убытков кредиторам, нарушение антимонопольного законодательства, установление монопольных цен, недобросовестная конкуренция, несанкционированное пользование информационно-вычислительной системой, компьютерное мошенничество, компьютерный саботаж.

Особое внимание в новом УК Беларуси уделено разделу IX «Экологические преступления». Ранее уголовное право Беларуси не имело целостной и всеобъемлющей системы норм, предусматривающих ответственность за преступные посягательства на природную среду. Для республики, испытавшей всю тяжесть последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, проблема экологической безопасности стала первоочередной и важнейшей. В названном разделе кодекса формулируется двенадцать составов преступлений, среди которых: нарушение режима охраняемых природных объектов, нарушение правил экологической безопасности, прием в эксплуатацию экологически опасных объектов, непринятие мер по ликвидации последствий экологических нарушений, сокрытие или умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды.

Раздел X нового УК называется «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения» и состоит из четырех глав. В качестве новых видов преступлений можно назвать: создание незаконных вооруженных формирований, захват зданий и сооружений, нарушение правил производственно-технической дисциплины или правил безопасности на объектах, связанных с использованием ядерной энергии, непринятие мер по спасанию людей, несообщение информации об опасности для жизни людей.

Особо следует остановиться на характеристике такого нового состава преступления, как организация преступных сообществ. При конструировании данного состава ставилась цель охватить нормами уголовного права те проявления организованной преступности, которые до настоящего времени находились за пределами уголовной ответственности. Новая статья предусматривает наказание за руководство деятельностью, направленной на создание и обеспечение функционирования преступной организации. Четко определяются формы такой деятельности: планирование формирования преступной организации и ее деятельности, приискание и вербовка членов преступной организации, проведение сборов преступников, создание денежных и иных фондов для обеспечения преступников и преступной деятельности, снабжение преступной организации оружием, орудиями и другими средствами совершения преступлений, организация сбора информации о возможных потерпевших и о деятельности правоохранитель-

тельных органов, согласование преступных действий и планов с другими преступными организациями, организованными преступными группами и отдельными преступниками, в том числе и за рубежом. Уголовной ответственности подлежат как организаторы и руководители, так и рядовые участники такой преступной деятельности.

Раздел XI нового УК Беларуси назван «Преступления против государства, порядка осуществления власти и управления» и состоит из четырех глав. Пам'яту, что нормы советского уголовного права о государственных преступлениях использовались в прошлом как инструмент для репрессий со стороны тоталитарного режима, разработчики УК стремились максимально конкретизировать признаки составов преступлений против государства, чтобы исключить произвольное толкование закона и злоупотребление им. Так, измена государства может выразиться в строго определенных формах: выдача государственной или военной тайны иностранному государству, шпионаж, переход на сторону врага во время войны или вооруженного конфликта, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Республики Беларусь путем совершения преступлений против государства по заданию органов или представителей иностранного государства. Четко проведена грань между «внешней изменой» — измена государству и «внутренней изменой» — заговор с целью захвата власти.

Особенную часть нового УК Беларуси завершает раздел XII «Преступления, связанные с исполнением военной обязанности», состоящий из двух глав. Последняя глава не предусматривает ответственности за воинские преступления, совершаемые в военное время, но за некоторые преступления, совершенные в условиях мирного времени, ответственность повышается, если деяние совершено в боевой обстановке.

Завершая краткий обзор Особенной части нового УК Беларуси, следует отметить, что разделы, главы и отдельные статьи этой части кодекса снабжены примечаниями, которые придают закону необходимую определенность, раскрывая содержание понятий, терминов, отдельных признаков преступлений. С помощью примечаний разработчики кодекса стремились сократить до минимума оценочные понятия в уголовном законе, сокращая тем самым сферу произвольного толкования и усмотрения суда.

Некоторые примечания к главам и статьям выполняют еще одну роль: они формулируют правила, стимулирующие положительное посткриминальное поведение виновных, побуждая их к деятельному раскаянию, к явке с повинной, к активному способствованию раскрытию преступлений, к полному возмещению ущерба, причиненного преступлением. Ранее уголовному праву Беларуси такое широкое применение поощрительных норм было не свойственно. Предоставляя суду право освобождать виновного от уголовной ответственности или наказания в связи с деятельным раскаянием, закон способствует заглаживанию общественно опасных последствий преступной деятельности, увеличению раскрываемости преступлений, утверждению принципа неотвратимости ответственности за деяние.

Мягче или суровее будет новый УК Беларуси в сравнении с УК 1960 г.? Однозначный ответ на этот вопрос невозможен. С одной стороны, декриминализован ряд деяний, однако их количество не велико, с другой стороны, кодекс пополнился значительным количеством новых составов преступлений и, таким образом, перечень уголовно-наказуемых деяний в итоге возрос. В таком аспекте новый кодекс представляется более строгим.

Но анализ санкций позволяет сказать, что карательный момент в новом УК значительно смягчен. Типичными являются санкции относительно-определенные и альтернативные. Доля последних значительно увеличена. За менее тяжкие преступления в санкциях, как правило, предусматриваются 4—5 вариантов выбора наказания: штраф, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы. Смертная казнь предусмотрена в санкциях одиннадцати статей, т. е. достаточно широко, но ее можно применять лишь тогда, когда соответствующие преступления сопряжены с умышленным лишением человека жизни при отягчающих обстоятельствах. Следовательно, применение исключительного наказания фактически ограничивается только случаями умышленного убийства. Новый УК устанавливает, что уголовное преследование за ряд преступлений возможно лишь по требованию потерпевшего. Резко увеличился круг деяний, преследуемых на началах частного или частно-публичного обвинения.

За многие деяния уголовная ответственность наступает только при условии, что лицо ранее уже подвергалось за такое же нарушение административному взысканию. Широко применяется административная преюдиция как важный

рычаг частного предупреждения умышленных преступлений. Близкие родственники лица, совершившего преступление, не подлежат уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за отказ или уклонение от дачи показаний, за заранее необещанное укрывательство, за недонесение о преступлении. Уголовному кодексу 1960 г. такие исключения не были известны.

Итак, можно констатировать, что Особенная часть нового Уголовного кодекса Республики Беларусь и кодекс в целом обеспечивают сбалансированный подход в уголовной политике суверенной Беларуси. Новый уголовный закон создаст необходимые правовые предпосылки для борьбы с преступностью в новых общественно-политических и экономических условиях.

В. М. ХОМИЧ

НОВОЕ В СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В ПРОЕКТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На внеочередной сессии Верховного Совета Республики Беларусь (24 марта 1993 г.) принят в первом чтении проект Уголовного кодекса Республики Беларусь, который был подготовлен специальной рабочей группой с учетом теоретической и юридической концепции Кодекса, разработанной кафедрой уголовного права Белорусского университета. По своему содержанию проект Кодекса существенно отличается от ныне действующего по ряду концептуальных положений, относящихся как к системе, так и определению ряда классических институтов общей части Уголовного кодекса.

Нельзя не обратить внимания на то, что проект Кодекса, определяя основания и условия уголовной ответственности (в общем виде это предполагает виновное совершение преступного деяния лицом, которое к моменту его совершения достигло установленного Кодексом возраста), предусматривает в качестве последствия преступления не уголовное наказание, а уголовную ответственность. Это не простое изменение авторами проекта классической терминологии. Современная неоклассическая школа уголовного права, как известно, оперирует двумя связанными понятиями «преступление» и «наказание». Авторы проекта исходили из того, что система мер уголовно-правового воздействия на преступника не ограничивается и не должна ограничиваться применением наказания. Кодекс закрепляет достаточно широкую систему прогрессивных и оптимально дифференцированных мер воздействия уголовной ответственности. В контексте системы мер воздействия уголовной ответственности, предусмотренной Кодексом, наказание рассматривается как наиболее репрессивная мера ее воздействия, но далеко не единственная.

В связи с этим возникла необходимость в самом Кодексе сформулировать общее понятие и раскрыть содержание уголовной ответственности, и на основе сочетания различных элементов содержания данного вида ответственности смоделировать ее различные виды в зависимости от характера и степени мер воздействия, которые могут применяться в отношении лиц, совершивших преступления. Решение данной задачи — дело чрезвычайно сложное и ответственное. Несмотря на то, что в науке уголовного права институт уголовной ответственности имеет достаточно разработанную теорию и свою логику обоснования, приемлемой для законодательного оформления и внедрения в практику правоприменения концепции уголовной ответственности выработано не было. К сожалению, доктрина уголовного права западноевропейских государств также не усматривает существенной разницы между феноменом уголовной ответственности и феноменом наказания. Этим и объясняется то обстоятельство, что весь спектр исследований института уголовной ответственности сводится к проблеме наказания и его применения.

Авторы проекта Уголовного кодекса исходят из того, что содержание уголовной ответственности нельзя сводить только к назначению и исполнению наказания. В таком контексте уголовная ответственность действительно тождественна наказанию. Между тем уголовная ответственность очевидна и в тех случаях, когда на основе приговора суда назначенное наказание не применяется или его применение отсрочивается под определенные условия, соблюдение которых дает возможность преступнику не отбывать назначенное наказание. Кроме того, законодательство Республики Беларусь предусматривает возможность по приговору суда назначить несовершеннолетнему преступнику вместо наказания принудительные меры воспитательного воздействия. Наконец, уголовному законодательству многих государств известен институт превентивного надзора,

который может устанавливаться за преступниками, отбывшими назначенное наказание, но есть основания считать их социально опасными. Очевидно, что все указанные меры воздействия на лиц, совершивших преступления, — это различные виды (формы) проявления уголовной ответственности, хотя наказание в этих случаях не применяется.

Свою задачу авторы проекта Уголовного кодекса видели в том, чтобы создать научно обоснованную правовую модель института уголовной ответственности, объединяющего все возможные формы ее проявления, при сохранении высокой эффективности воздействия всех ее мер (от наказания до принудительных мер воспитательного характера). Однако для этого необходимо было выявить и законодательно закрепить такой элемент содержания уголовной ответственности, который составляет основу ответственности, является общим и обязательным во всех случаях, когда имеет место ее применение.

Рассматривая уголовную ответственность как систему мер уголовно-правового воздействия на преступника, проект Кодекса в качестве основы такой ответственности предусматривает факт осуждения по приговору суда лица, совершившего преступление, придавая данному факту правовое значение феномена уголовной ответственности. При этом осуждение по приговору суда лица в качестве преступника выражает не только официальную (государственную) негативную оценку совершенного лицом преступного деяния и самого виновного, но и влечет изменение правового статуса осужденного посредством введения для него режима испытания и подконтрольности органам, реализующим соответствующие меры воздействия уголовной ответственности.

Проект Кодекса устанавливает, что независимо от того, применяются ли на основе осуждения к преступнику какие-либо конкретные меры воздействия, предусмотренные Кодексом (например, наказание), сам факт наличия осуждения позволяет уголовно-исполнительным органам государства осуществлять за такими лицами профилактическое наблюдение и устанавливать соответствующие ограничения, связанные с его реализацией. Правоограничения, связанные с фактом осуждения, являются минимальными и ставят своей задачей обеспечить реальность профилактического наблюдения за поведением осужденного. Эти правоограничения сводятся к следующему: 1) осужденный обязан являться по вызову в орган, осуществляющий контроль за его поведением; 2) не препятствовать посещению сотрудниками этого органа своего жилища (дома или квартиры); 3) давать объяснения сотрудникам органа о своем поведении и образе жизни; 4) предварительно уведомлять этот орган об изменении своего местожительства, места работы, о выезде в другую местность на отдых или лечение. Такого рода профилактическое наблюдение может осуществляться только за лицами, осужденными за умышленные преступления (ст. 40).

То обстоятельство, что с вступлением в силу закона связывается возможность осуществления профилактического наблюдения, очень важно, поскольку лицо, совершившее преступление, считается осужденным не только во время отбывания назначенного наказания, но и в течение некоторого времени после отбытия наказания, когда меры воздействия, связанные с исполнением наказания, уже не применяются. Но поскольку лицо считается еще осужденным, находится под испытанием (в этом суть осуждения), то государство должно иметь правовые основания корректировать его поведение посредством профилактического наблюдения за осужденным.

Состояние осуждения лица, виновного в совершении преступления, возникает с момента вступления в силу обвинительного приговора и продолжается вплоть до погашения или снятия судимости. Сроки, в течение которых подвергнутый ответственности преступник находится в состоянии осуждения (т. е. несет уголовную ответственность), зависят от тяжести совершенного преступления, а не от вида и сроков назначенного наказания, как это предусматривается Уголовным кодексом 1960 г.

Определение уголовной ответственности проектом Уголовного кодекса дает через призму осуждения, которое само по себе является определенного рода воздействием на преступника посредством введения для осужденного режима испытания и подконтрольности. На основе осуждения, и только на его основе, могут применяться иные, конкретизированные, уголовно-правовые меры воздействия (реальное наказание, различные виды условного применения наказания, принудительные меры воспитательного характера, меры превентивного надзора). Статья 39 проекта определяет, что уголовная ответственность есть «осуждение от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основе осуждения в отношении такого лица наказания, а равно иных мер воздействия в соответствии с настоящим Кодексом».

С учетом факта осуждения и при сочетании различных мер воздействия,

которые могут применяться на его основе, ст. 41 проекта УК предусматривает, что уголовная ответственность может заключаться:

а) в осуждении с применением назначенного наказания; б) в осуждении с отсрочкой применения назначенного наказания; в) в осуждении с условным неприменением назначенного наказания; г) в осуждении без назначения наказания; д) в осуждении с применением принудительных мер воспитательного характера (в отношении несовершеннолетних).

Применение на основе осуждения назначенного наказания — основная и наиболее суровая форма реализации уголовной ответственности. Она осуществляется прежде всего путем применения кары наказанием, которое назначено виновному в связи с осуждением. Вместе с тем после отбытия и исполнения наказания воздействие уголовной ответственности не прекращается: оно продолжается до погашения или снятия осуждения и выражается в мерах, которые обусловлены наличием осуждения (возможность осуществления профилактического наблюдения и связанных с ним ограничений мер испытания и подконтрольности).

В области системы наказаний проект Кодекса отказывается от таких наказаний, как ссылка, высылка и общественное порицание. Последнее наказание исключено, поскольку элемент порицания является атрибутом уголовно-правового осуждения и, как было показано, наполняется к тому же новым содержанием. Систему наказаний по проекту составляют: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы (только по месту работы осужденного), арест (от одного до шести месяцев), ограничение свободы, лишение свободы, смертная казнь (только за преступления, связанные с умышленным лишением жизни другого человека). Для военнослужащих наряду с наказанием в виде направления в дисциплинарный батальон вводятся ограничения по службе. Только в качестве дополнительных наказаний могут применяться лишение воинского или специального звания и конфискация имущества.

Проект Кодекса значительно расширяет возможность применения штрафа. При этом размер штрафа, который может быть назначен судом, зависит от тяжести преступления.

Лишение свободы устанавливается на срок от шести месяцев до десяти лет. На срок свыше десяти лет, но не свыше пятнадцати лет, лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений. За преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека, а также при замене смертной казни лишением свободы в порядке помилования лишение свободы может назначаться в пределах до двадцати лет.

Значительно скорректированы в проекте УК положения о наказании несовершеннолетних. Устанавливается, что лицу в возрасте до восемнадцати лет, впервые совершившему преступление, не представляющее большой общественной опасности, лишение свободы не должно назначаться. При совершении несовершеннолетним менее тяжкого преступления лишение свободы не должно превышать четырех лет, при совершении тяжкого преступления — семи лет, при совершении особо тяжкого — десяти лет (ст. 94). Для несовершеннолетних преступников вводится новое наказание в виде ограничения свободы досуга, которое состоит в возложении на осужденного обязанности соблюдения определенного порядка использования свободного от учебы и работы времени.

В рамках раздела «Уголовная ответственность» проект Кодекса в соответствии с многообразием форм реализации данной ответственности выделяет главу «Иные меры уголовной ответственности», в которой детализируются основания, условия, характер и порядок применения таких мер воздействия ответственности, которые не сопровождаются применением наказания, хотя и обусловлены возможностью его применения (осуждение с отсрочкой применения наказания, осуждение с условным неприменением наказания), либо вовсе не связаны с наказанием (осуждение без назначения наказания, осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера, превентивный надзор за осужденными).

Осуждение с отсрочкой наказания может применяться только в случаях, если в качестве наказания осужденному назначено лишение свободы или ограничение свободы и суд придет к выводу, что цели ответственности могут быть достигнуты без отбывания наказания, а посредством возложения на осужденного определенных обязанностей и контроля за его поведением. Применяя отсрочку, суд не освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания, а лишь отсрочивает его исполнение на срок от одного года до двух. Воздействие на лицо в период отсрочки осуществляется посредством следующей комбинации мер: 1) акта (состояния) осуждения, порождающего для осужденного режим, испытания

и подконтрольности, который продолжается вплоть до решения суда об освобождении осужденного от наказания; 2) актуализированной угрозы исполнением назначенного наказания, если суд не найдет оснований для освобождения лица от назначенного наказания после истечения срока отсрочки (суд должен в каждом случае решать этот вопрос в зависимости от поведения осужденного); 3) строго зафиксированных обязанностей профилактически-ограничительного и испытательного характера, которые должен выполнять осужденный. Эти обязанности заключаются: в необходимости устранения причиненного вреда; в неизменении без согласия специального органа своего места жительства; невыезде без согласия этого органа с постоянного места жительства в другую местность; в периодической явке для регистрации в этот орган; в нахождении осужденного после наступления определенного времени по месту жительства; в прохождении при необходимости курса лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания. Выполнение осужденным указанных обязанностей, а также его поведение в целом и являются предметом обсуждения суда после истечения срока отсрочки при решении вопроса: освобождать или не освобождать осужденного от отбывания назначенного наказания. Закон устанавливает также, что совершение осужденным нового преступления аннулирует отсрочку применения наказания.

Осуждение с условным неприменением наказания весьма схоже с отсрочкой применения назначенного наказания. Однако условия испытания при условном неприменении наказания, при соблюдении которых осужденный освобождается от отбывания назначенного наказания (лишения свободы, ограничения свободы или наказания в виде направления в дисциплинарный батальон), менее строгие. В течение испытательного срока, назначаемого судом (от одного года до трех лет), осужденный не должен совершать нового преступления и соблюдать общие обязанности и ограничения, вытекающие из состояния его осуждения, которое продолжается вплоть до истечения испытательного срока. При благоприятном для осужденного истечении испытательного срока он автоматически освобождается от наказания и всех правовых последствий возложенной на него ответственности. Авторы проекта считают, что в таком виде проблема индивидуализации указанных разновидностей условного применения наказания (отсрочки применения наказания и условного неприменения наказания) обеспечивается и позволяет суду дифференцированно подходить к назначению как отсрочки применения наказания, так и условного неприменения наказания с учетом всех обстоятельств совершенного преступления и личности виновного.

Осуждение без назначения наказания (ст. 66) в отличие от первых двух форм реализации уголовной ответственности вовсе не связано с наказанием. Система мер воздействия на лицо, совершившее преступление, в данном случае ограничивается актом осуждения, продолжительность которого зависит от тяжести преступления (при осуждении за преступление, не представляющее большой общественной опасности, — один год, при осуждении за менее тяжкое преступление — три года). При совершении тяжкого или особо тяжкого преступления данный вид ответственности не может применяться. В течение срока осуждения лицо обязано выполнять общие обязанности, связанные с фактом его осуждения и необходимостью осуществления профилактического наблюдения, которые действуют в отношении всех осужденных.

Принципиально по-новому проект УК определяет природу административного надзора за особо опасными рецидивистами, а также лицами, отбывшими назначенный срок лишения свободы, но поведение которых свидетельствует о нежелании встать на путь исправления. В отношении таких лиц в течение срока судимости (осуждения) устанавливается особая система мер ограничения профилактически-исправительного характера, злостное нарушение которых рассматривается как преступление. Между тем очевидно, что ограничения административного надзора (в проекте он называется превентивным надзором) есть следствие осуждения за совершенное преступление, поскольку административный надзор применяется только на основе осуждения и в его пределах. По существу, это не что иное, как корректировка мер воздействия уголовной ответственности на стадии, когда назначенное наказание отбыто, а мер общего профилактического наблюдения, которое осуществляется за осужденными после отбытия наказания, недостаточно для ресоциализации осужденного. Исходя из общей посылки о том, что осуждение лица за совершенное преступление (судимость) представляет собой правовой режим ответственности, допускающий возможность применения к осужденному мер уголовно-правового воздействия в соответствии с приговором суда и настоящим Кодексом (ст. 40), часть вторая данной статьи устанавливает, что за лицами, осужденными за умышленные преступления, может осуществляться профилактическое наблюдение, а в слу-

чаях, предусмотренных ст. 67 Кодекса, устанавливаться превентивный надзор с введением для осужденного особых запретов и ограничений. Превентивный надзор и связанные с ним запреты и ограничения устанавливаются только судом, что создает правовые гарантии законности его применения.

Проект УК Беларуси предусматривает наряду с наказанием особую форму уголовной ответственности для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте: «осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера». Статья 96 проекта устанавливает: «Если в процессе судебного рассмотрения будет установлено, что исправление несовершеннолетнего, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившего менее тяжкое преступление, возможно без применения наказания, суд может вынести такому лицу обвинительный приговор и назначить вместо наказания принудительные меры воспитательного характера (возложить на несовершеннолетнего обязанность публично или в иной форме принести извинение потерпевшему, объявить несовершеннолетнему предостережение, возложить на него обязанность возместить причиненный ущерб, поместить несовершеннолетнего на срок до двух лет в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение). В соответствии с общей концепцией уголовной ответственности, несовершеннолетний, в отношении которого применены принудительные меры воспитательного характера на основании приговора суда, считается имеющим судимость в течение шести месяцев со дня вступления приговора в законную силу.

Таким образом, проект УК Беларуси, формируя уголовную политику, предусматривает достаточно гибкую систему мер воздействия уголовной ответственности, способную при минимальных уголовно-правовых средствах решать задачу ресоциализации преступников.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)*

Часопіс працягвае знаёміць чытачоў з асноўнымі дакументамі палітычных партый дарэвалюцыйнай Расіі і Беларусі. У гэтым нумары публікуецца Статут Беларускай партыі сацыялістаў-федэралістаў¹. Яна была створана ў ліпені 1918 г. у выніку распаду Беларускай партыі сацыялістычнай Грамады. БПС-Ф з'яўлялася партыяй парламенцкага тыпу і засяроджвала сваю дзейнасць у асноўным у Радзе БНР, якая была створана ў сакавіку 1918 г. БПС-Ф аб'ядноўвала прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі, заможнага сялянства і служачых. Падтрымоўвала партыю белэсэраў, разам з якімі выступала за поўную незалежнасць БНР. У пачатку 1921 г. спыніла сваю дзейнасць.

УСТАВ Партыі Беларускіх Федэралістаў²

I

Політычная платформа

I. Партыя Беларускіх Федэралістаў палагае, што за все время свайго існавання беларускі народ найбольш вызначана і цалкам заканамерна выказаў сваю волю на 1-ым Всебеларускім Конгрэсе 5—17 снежня 1917 года ў горадзе Мінску-Беларускім. (Разогнан большавікамі за антыбольшевіцкае кіраванне большасці Конгрэса. 1167 дэлегатаў з правам вырашаючага голасу, 705 — з саветатэльным голасам).

II. Улічваючы пастаўленні 1-га Всебеларускага Конгрэса, высказаўшагася за федэрацыю, а таксама эканамічнае і міжнароднае становішча Беларусі, заключенай у кола больш моцных суседзяў, — Партыя Беларускіх Федэралістаў палагае, што з пераходам Еўропы на мірнае становішча і з аднаўленьнем нармальнага палітычнага і эканамічнага адносінаў між народамі, — Беларусь павінна будзе федэравацца з суседзямі.

III. Партыя Беларускіх Федэралістаў ставіць сваю задачу падрыхтоўкі найбольш выгаднай для Беларусі федэрацыі.

IV. Праблемы: аграрны, рабочы, прамысловы, народнага просвятання і ваенны — не былі ў дастатковай меры вырашаны Конгрэсам і вызначаных рэзалюцый па гэтых пытаннях ім не пакінулі. Таму, не маючы магчымасці судзіць аб тым, у якія формы жадана было б беларускаму народу выліць рашэнне гэтых пытанняў, Партыя Беларускіх Федэралістаў, надаючы Беларускаму Учредіцельнаму Сходу вырабляць асноўныя законы па гэтых пытаннях, будзе дасягаць іх рэалізацыі наступнымі мерамі:

I. Асвабоджэння Беларусі шляхам канфіскацыі вялікага землеўладання і, там самым, вызвалення ад шкоднага ўплыву землеўладальнікаў, якія з'яўляюцца часткай, чужою краіне і правядзеным у краі коланізатарскую палітыку.

* Раздзел вядзе прафесар У. К. Коршук.

2. Создания из конфискованных и кабинетских земель Белорусского Национального Земельного фонда.

3. Проведения в жизнь завоеваний рабочего класса: восьмичасовой рабочий день, минимальная плата, профессиональное государственное страхование, примирительные камеры и пр.

4. Поднятия на должную высоту промышленности и постепенный переход ее в руки белорусского народа.

5. Бесплатной школы на всех ступенях и обязательной — в низшей ступени, с преподаванием на материнском языке.

6. Организации национальной белорусской армии для защиты национальных интересов и для поддержания внутреннего порядка.

Условия поступления в партию

I. Безусловное принятие всех пунктов программы партии, в чем отбирается подписка на особом анкетном листе.

II. Безусловное подчинение партийной дисциплине, нарушение которой карается товарищеским судом, выделяемым одновременно Центральным Комитетом партии.

III. Внесение членского взноса за один год — в размере 24 рублей вперед.

Примечания: 1) членские взносы выплачиваются в кассу партии по четвертям года — вперед; 2) лица, не внесшие своевременно членского взноса, считаются выбывшими из партии; 3) годовой членский взнос, внесенный вперед при вступлении в партию, в зачет не принимается.

Права членов партии

I. Частная жизнь членов партии — свободна.

II. Каждый член партии может состоять, с ведома комитета партии, в партиях других держав, если, разумеется, эти партии не направлены против интересов белорусского народа вообще и партии Белорусских Федералистов, в частности.

III. Каждому члену партии разрешается придерживаться любой из следующих ориентаций: белорусской, русской, немецкой, украинской, литовской — лифляндско-курыляндской.

Примечание: белорусская ориентация понимается в противоположность другим ориентациям, в том смысле, что Белоруссия сама может служить центром, объединяющим соседние народности на основе Федерации.

IV. Каждый член партии имеет право организовывать лекции, концерты, спектакли и т. п. с отчислением в пользу партии 25 процентов чистого сбора.

Отношение провинциальных комитетов к Центральному Комитету

I. Подчиненное, с правом совещательного голоса.

II. 25 процентов поступлений провинциальной кассы передаются в кассу Центрального Комитета.

III. Обязательная выписка партийной литературы, издаваемой Центральным комитетом.

IV. Подготовка на местах условий для возможности послать из центра лекторов и т. п.

Положение Партии Белорусских Федералистов ко дню 1 августа 1918 года

К сведению вновь поступающих в партию членов.

I. Партия Белорусских Федералистов является партией центра в Раде Белорусской Народной Республики и имеет там, в числе других, следующих представителей, известных по работе на 1-ом Всебелорусском конгрессе, в белорусской мирной делегации, в Народном Секретариате и в Раде Республики: И. Н. Серeda, И. Я. Воронко, С. М. Рак-Михайловский, А. Цвикевич, К. Б. Езовитов, П. А. Кречевский, В. И. Захарко, А. Овсянников.

II. Фракция Белорусских Федералистов имеет своих представителей в 3-ем составе Народного Секретариата: И. Н. Серeda и В. И. Захарко.

III. Члену Фракции Белорусских Федералистов, И. Н. Серeda, поручено формирование Народного Секретариата 4-го состава. Он же, И. Н. Серeda, является Председателем Народного Секретариата третьего состава.

¹ Статут друкуецца на мове арыгінала.

² НА РБ ф. 62 воп. 1. спр. 109. арк. 21—23. Тэкст прадставіла Т. Л. Пухава.

В. М. БУСЬКО

АДЛЮСТРАВАННЕ Ё ЭКАНАМІЧНАЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ 20-х гг. ПОГЛЯДАЎ САЦЫЯЛ-ДЭМАКРАТАЎ НА РЫНАК

У літаратуры па палітэканоміі Снд зноў стала актуальнай тэма аб прыродзе сацыял-дэмакратыі, яе месцы і ролі ў развіцці грамадскай, у тым ліку эканамічнай думкі, што звязана з пераходам нашага грамадства ў новую якасць. У Рэспубліцы Беларусь узніклі партыі і плыні, абвясціўшыя сябе аднадумцамі сацыял-дэмакратычнай мадэлі грамадскага і эканамічнага развіцця.

Вось чаму значную цікавасць выклікае вывучэнне крытыкі сацыял-дэмакратыі ідэолагамі артадаксальнага марксізму, як называлі сябе камуністы. У 20-я гг. сацыял-дэмакратыя, з аднаго боку, канчаткова аформілася ў самастойную палітычную плынь, якая абрала сваёй мэтай паступовае ператварэнне капіталістычных вытворчых адносін у сацыялістычныя. З другога боку, гэтыя гады характарызуваліся буйнымі пераўтварэннямі ў свеце, выкліканымі спробай СССР рэвалюцыйным шляхам, шляхам дыктатуры пралетарыяту з абмежаваным допускам рыначных адносін пабудоваць у краіне сацыялізм, і пераходам капіталізму ў дзяржаўна-манапалістычную стадыю развіцця.

Найбольш вядомымі тэарэтыкамі заходняй сацыял-дэмакратыі ў той час былі К. Каўцкі, Р. Гельфердзінг — у Германіі, О. Баўэр і М. Адлер — у Аўстрыі, а таксама рускія меншавікі і эсэры ў эміграцыі (У. Чарноў, Ю. Мартаў, Ф. Дан, Р. Абрамовіч), рупарам якіх быў часопіс «Сацыялістычны веснік».

Аналіз эканамічных поглядаў меншавікоў актыўна займаўся наркам працы БССР, затым рэдактар «Звязды» В. Нодэль¹. Вывад яго быў адназначны: меншавізм выражае інтарэсы не рабочага класа, а ліберальнай буржуазіі. Свой вывад ён падмацоўваў адмовай Ю. Мартава, Ф. Дана і Р. Абрамовіча ад дыктатуры пралетарыяту, іх крытыкай эканамічнай палітыкі рускіх бальшавікоў. Па яго сцвярджэнню, меншавікі знаюць, што рабочыя не згодзяцца з іх прапановай перадаць прадпрыемствы ў прыватнае карыстанне, бо разумеюць, што за гэтым надыйдзе вяртанне да капіталізму і палітычнай улады буржуазіі. Вось чаму меншавікі і прапанавалі пралетарыяту захаваць у сваіх руках транспарт, ваенную прамысловасць, пошту, а ўсё астатняе перадаць прадпрыемальнікам і кааператарам у арэнду або ў прыватнае карыстанне, не дазваляючы дзяржаўнага ўмяшання ў гаспадарчае жыццё прадпрыемстваў. Іншымі словамі, толькі рэгуляваны дзяржавай рынак, прадпрыемальніцтва змогуць забяспечыць далейшае развіццё прадукцыйных сіл Расіі. Па словах В. Нодэля, выступаючы за развіццё рыначных адносін, меншавікі патрабуюць свабоды прыватнага гандлю, замены дзяржаўнай манаполіі ў эканоміцы дзяржаўным рэгуляваннем. Задавальненне гэтых патрабаванняў, лічыць В. Нодэль, паставіла б Расію ў кабальную залежнасць ад замежнага капіталу, ператварыўшы яе ў калонію еўрапейскіх дзяржаў, таму што айчынная прамысловасць у гэтых умовах будзе няздольнай канкурыраваць з замежным капіталам. «Праграма меншавікоў, — робіць вывад ён, — разлічана пераважна і выключна толькі на абарону інтарэсаў нэпманаўскай буржуазіі ў горадзе і кулакоў у вёсцы». Як бачым, аргументы супраць развіцця ў нас рынку, выстаўленыя зараз шэрагам яго апанентаў, не вызначаюцца навізай: распрадажа бацькаўшчыны, здрада інтарэсам рабочага класа.

Сацыял-дэмакратычную тэорыю канструктыўнага сацыялізму, атрымаўшую найбольш поўнае адлюстраванне ў работах Р. Гельфердзінга, даследаваў у свой час дацэнт БДУ І. Герчыкаў. Сваю крытыку ён будоваў на параўнанні праграмы Камуністычнага інтэрнацыянала і гэтай тэорыі. Розніцу ў пазіцыях камуністаў і сацыял-дэмакратаў бачыў ён у неадназначным разуменні сучаснага гістарычнага перыяду. На яго думку, сацыял-дэмакраты зыходзілі з магчымасці пераходу да сацыялізму без грамадзянскіх войнаў і сацыялістычных рэвалюцый, у межах буржуазнай дэмакратыі, ігнаруючы наяўнасць класавай барацьбы. Такое разуменне, лічыць І. Герчыкаў, — завуаліраваная абарона капіталізму і бернштэйніянства, што не патрабуе асобных доказаў, бо гэтая з'ява ўжо грунтоўна раскрытыкавана ў марксісцкай літаратуры.

Беларускі вучоны вытлумачыў гісторыю стварэння тэорыі канструктыўнага сацыялізму, пачатак якой паклалі працы англійскага сацыял-дэмакрата Р. Макдональда «Социализм критический и конструктивный» (1921) і лідэра рускіх эсэраў У. Чарнова «Конструктивный социализм» (1925). Зыходным пунктам тэарэтычных пошукаў гэтых аўтараў, лічыць ён, з'яўляецца адмаўленне навуковага сацыялізму К. Маркса і вяртанне да Г. Спенсера, М. Міхайлоўскага і іншых рускіх народнікаў.

Для доказаў таго, што У. Чарноў і Р. Макдональд пераказваюць погляды Р. Гельфердзінга, беларускі даследчык падрабязна аналізуе падыход апошняга да стварэння манаполій, якія знішчаюць свабодную канкурэнцыю і ствараюць прадпасылкі пераадолення анархіі вытворчасці. У такіх умовах, лічыць Р. Гельфердзінг, адбываецца паляпшэнне сацыяльнага становішча рабочага класа, што знаходзіць адлюстраванне ў памяншэнні беспрацоўя, увядзенні страхавання, павышэнні ролі прафсаюзаў у жыцці працоўных, тым самым капіталістычныя супярэчнасці паступова, шляхам гаспадарчай дэмакратыі, ліквідуюцца — у гэтым і ёсць сутнасць канструктыўнага сацыялізму. Гэты эвалюцыйны шлях патрабуе, аднак, значнага адрэзку гістарычнага часу, на працягу якога капітал ўсё больш падпарадкоўваецца дэмакратычнаму кантролю з боку рабочага класа, гэта значыць, шлях да сацыялізму ляжыць, заключаюць Р. Гельфердзінг, праз стварэнне дэмакратычнай дзяржавы і ўзмацненне планавага вядзення гаспадаркі.

І. Герчыкаў крытыкаваў падобныя разважанні, спасылаючыся на тое, што і пры імперыялізме галоўнае для капіталіста — прыбытак, сістэма ж манаполій не ліквідуе канкурэнцыі, наадварот, узнаўляе яе ў пашыраным маштабе. Ён прывёў даныя па Германіі, згодна якіх доля дзяржаўных прадпрыемстваў у прамысловасці хоць і ўзрасла з 1/12 да 1/5, але гэтыя прадпрыемствы знаходзяцца ў прыватнакапіталістычным падпарадкаванні, бо прадстаўнікі дзяржаўнай ўлады адначасова з'яўляюцца членамі саветаў як першых, так і другіх тыпаў прадпрыемстваў.

Погляды Р. Гельфердзінга І. Герчыкаў лічыў блізкімі ліберальнаму напрамку буржуазнай эканамічнай думкі, прадстаўленай Д. Кейнсам, які на месца індывідуальнай волі і свабоднай канкурэнцыі ставіў карпаратыўна рэгуляваную вытворчасць. Паколькі дзяржава паступова сацыялізуе прыватныя прадпрыемствы, то і ідэі сацыялізму, па Д. Кейнсу, сыходзяць на нішто. Розніцу паміж Р. Гельфердзінгам і Д. Кейнсам беларускі вучоны бачыць у тым, што калі першы не спрабаваў адкрыта пахаваць сацыялізм, то другі безапеяцыйна заяўляе аб гэтым.

І. Герчыкаў бачыў ахавальны характар тэорыі канструктыўнага сацыялізму ў апалогіі капіталізму, у яго аптымізме ў сувязі з яго будучым пад'ёмам. Але ў той жа час беларускі крытык пагадзіўся з вывадамі М. Бухарына і Я. Варгі, якія лічылі, што значныя поспехі сучаснага капіталізму не могуць пазбавіць яго супярэчнасцей. Ацэнка канструктыўнага сацыялізму І. Герчыкавым зводзілася да наступнага: «Сутнасць канструктыўнага сацыялізму і заключаецца ў апалогіі капіталізму, у ацэнцы яго як прагрэсіўна дзеючага гістарычнага фактару, як эпохі росквіту, а не дэградацыі капіталізму»².

Паколькі сельская гаспадарка ў той час была вядучай галіной Беларусі, а аграрныя праблемы з'яўляліся прадметам дыскусій, то ў эканамічнай літаратуры асобая ўвага ўздзялялася рашэнню гэтых пытанняў тэарэтыкамі заходняй сацыял-дэмакратыі. Крытычны аналіз надрукаваных у 20-я гг. аграрнай праграмы аўстрамарксістаў і кнігі О. Баўэра «Борьба за землю» даў беларускі эканаміст Ш. Гольдзін³. Галоўным недахопам аўстрамарксістаў ён лічыць адказ ад тэорыі класавай барацьбы, накіраванасць на развіццё прадукцыйных сіл у вёсцы без уліку асаблівасцей буйных капіталістычных і сялянскіх гаспадарак.

Пункты праграмы, прысвечаныя праблемам пад'ёму культуры ў вёсцы, кааперацыі як сродку абароны ад прыватнага гандлёвага капіталу, пераходу асаблістых гаспадарак на калектыўны пачатак, рэгуляванне рабочага дня, Ш. Гольдзін лічыў рэфармісцкімі, бо яны вырашаюцца ў рамках захавання капіталізму. Беларускі крытык галоўны недахоп ідэі сацыялізацыі бачыў у адсутнасці ў ёй механізма рэалізацыі. Падазрона, гаварыў ён, што буржуазны ўрад пачне праводзіць яе ў жыццё, паколькі гэта супярэчыць прыродзе капіталізму. У ідэі сацыялізацыі О. Баўэра ён таксама не ўбачыў важнага прынцыпу: з выкупам альбо без выкупу будзе сацыялізавацца буйное землеўладанне. Акрамя таго, Ш. Гольдзін сумняваўся ў правільнасці вывадаў О. Баўэра аб неабходнасці папярэдняй падрыхтоўкі селяніна да работы ва ўмовах буйной гаспадаркі. На яго думку, падрыхтоўка сацыялістычных кадраў можа ажыццяўляцца толькі на базе сацыялістычнай вытворчасці.

Няправільна разглядаць і прапанаваную аўстрамарксістамі нацыяналізацыю зямлі як сацыялістычную. Абапіраючыся на аргументы К. Маркса, У. Леніна і

К. Каўцкага, Ш. Гольдзін даказвае, што гэтая мера з'яўляецца капіталістычнай, бо вызваляе толькі сельскую гаспадарку ад феадальных путаў, якія стрымліваюць развіццё прадукцыйных сіл вёскі. Сваю пазіцыю ён тлумачыў, зыходзячы з разумення таварнай вытворчасці, якая параджае капіталізм і ў сельскай гаспадарцы. «Дзе ёсць рынак, — піша Ш. Гольдзін, — там заўсёды ёсць падставы для развіцця капіталізму, канкурэнцыя таваравытворцаў на рынку немінуча прыводзіць да перамогі адных і паражэння другіх». Другімі словамі, крытык прыходзіць да думкі, што пры любым рынку, сацыялізму не можа быць, бо рынак вядзе да расслаення насельніцтва. Менавіта з такой пазіцыі ён разглядае і кааперацыю пры капіталізме, якую нельга расцэньваць як шлях да сацыялізму, пакуль у вытворчасці маюць месца капіталістычныя адносіны. Вось чаму баўэраўскі пераходны перыяд да сацыялізму нічога агульнага з сацыялізмам не мае. Выпад беларускага крытыка быў адназначным: аўстрамарксізм здае пазіцыі рэвізіянізму і ператвараецца ў дробнабуржуазны рэфармізм. Гэтай думкай ён як бы пацвердзіў адмоўныя адносіны кіраўніцтва ВКП(б) да выкарыстання рыначных адносін для эвалюцыйнага пераходу савецкай эканомікі ў сацыялізм, бо меры, якія прапанаваў О. Баўэр, у гады НЭПа ужываліся і ў савецкай, у тым ліку беларускай вёсцы: рынак, кааперацыя, крэдыт, налогі і ўсё да т. п.

Разглядаючы вытокі рэвізіянізму германскай сацыял-дэмакратыі, беларускі гісторык Я. Рыўлін сцвярджаў, што заснавальнікам рэвізіянізму з'яўляецца не Э. Бернштэйн, а Г. Фольмар, дэпутат рэйхстага і кіраўнік баварскай партыйнай арганізацыі ў 90-я гг. XIX ст⁴. На думку Я. Рыўліна, менавіта Фольмар прапанаваў ідэю неабходнасці класавога пагаднення пралетарыату з буржуазіяй, што вынікае з неразумення сацыял-дэмакратамі класовай сутнасці буржуазнай дзяржавы, таму што да таго часу, пакуль пралетарыят не возьме ўладу, дзяржава будзе сродкам падаўлення эксплуатаемых класаў. Кожная рэформа, сцвярджаў Г. Фольмар, з'яўляецца крокам да сацыялізму, вось чаму ён, па Я. Рыўліну, і падтрымліваў буржуазную ідэю аб дзяржаўным сацыялізме, аб неабходнасці супрацоўніцтва сацыял-дэмакратыі з буржуазнай дзяржавай. Адгэтуль, разважаў беларускі гісторык, галоўным пунктам праграмы германскіх сацыял-дэмакратаў стала не барацьба за сацыялізм, а за стварэнне ўмоў для правядзення рэформ, выключаючы тым самым неабходнасць рэвалюцыйнага захопу ўлады пралетарыатам. Далейшае скочванне на пазіцыі рэвізіянізму зрабіла з Г. Фольмара рупар дробнабуржуазнай ідэялогіі такога прамежкавага пласта буржуазнага грамадства, як сялянства. Такім чынам, беларускі крытык ускосна салідарызаваўся са сцвярджаннем шэрагу большавіцкіх лідэраў аб кантрэвалюцыйнасці сялянства.

Я. Рыўлін спрабаваў выявіць сацыяльныя пласты, на якія ў першую чаргу абапіралася германская сацыял-дэмакратыя. На падставе аналізу вынікаў галасавання на адным са з'ездаў Германскай сацыял-дэмакратычнай партыі ён прыйшоў да высновы, што за праграму Г. Фольмара галасавалі дэлегаты ад паўднёвай Германіі, дзе ў той час пераважала сельскае насельніцтва. Вось чаму Я. Рыўлін пагадзіўся з вывадамі Паннекука і У. І. Леніна аб тым, што з'яўленне апартунізму ў рабочым руху — вынік нераўнамернага развіцця капіталізму ў асобных рэгіёнах, у краінах з адсталай прамысловасцю, панаваннем дробнабуржуазных элементаў з неразвітай класовай барацьбой.

Такім чынам, у эканамічнай думцы Беларусі 20-х гг. меў месца тэзіс аб неадпаведнасці рынку і сацыялізму, бо рынак параджае капіталізм, магчымасці якога ў развіцці прадукцыйных сіл вычарпаны. Беларускія эканамісты недацэньвалі таксама тэндэнцыю, якая намецілася ў развіцці дэмакратычнага пачатку кіравання капіталістычнай вытворчасцю, абвінавачваючы заходнееўрапейскіх сацыял-дэмакратаў, станюўча ацаніўшых гэтую з'яву, у рэвізіянізме.

¹ Гл.: Нодэль В. // Полюмя. 1923. № 2; Ён жа // Звезда. 1924. № 157.

² Герчиков И. В. Конструктивный социализм. Мн., 1928. С. 20.

³ Гл.: Гольдзін Ш. // Большевик Белоруссии. 1929. № 6.

⁴ Гл.: Ривлин Е. // Под Знаменем Марксизма. 1926. № 11; Ён жа. Аграрная дискуссия в Германской социал-демократии. Мн., 1929.

НОВАЕ Ў НАВУЧАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ

С. В. РЕШЕТНИКОВ

НАЧАЛО И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Политическая наука^{*} в ее академическом смысле делает в Беларуси первые шаги. В Белорусском государственном университете первая кафедра политологии была создана в феврале 1990 г. До этого те или иные аспекты политических проблем изучались в рамках самых различных гуманитарных и общественных наук. В сентябре 1992 г. на философско-экономическом факультете университета было открыто отделение политологии. В настоящее время кафедра обеспечивает чтение лекций по двум курсам. Первый из курсов «Политология» читают практически все преподаватели кафедры и он формирует основы системного представления о главной проблематике политологии. Второй курс «Политическая социология» предлагается по выбору студентам гуманитарных факультетов БГУ. На кафедре подготовлены 12 спецкурсов по теории политики, в которых анализируются специфические вопросы политической теории и находит отражение исследовательская работа в этой области.

В связи с переходом Белгосуниверситета на многоуровневую систему образования кафедрой политологии разработаны программы подготовки бакалавра и магистра политических наук. Требования к срокам обучения для получения степени бакалавра — 4 года, степени магистра — 2 года (для лиц, имеющих степень бакалавра). Программа подготовки бакалавра предусматривает последовательность курсов, организованных по академическим семестрам: 80 % учебного времени предназначается на изучение политических наук, 20 % отводится курсам, дающим так называемые либеральные знания. Эти курсы могут быть прослушаны и на других факультетах и отделениях университета. Кафедра планирует преподавание по четырем основным разделам политической науки.

Политическая теория. В рамках этого раздела студентам предлагаются следующие курсы: история мировой политической мысли; введение в политическую теорию; политические идеологии; политическая этика; модели демократии; история политической мысли Беларуси; теория конфликта; теория демократии; политика и религия; политическая философия; теория международных отношений.

Сравнительная политика. Предлагаются курсы: новейшая политическая история стран Центральной и Восточной Европы; политическая история Беларуси; социальная стратификация и группы интересов в политике; политические партии и движения; избирательные системы; парламентаризм; политическая культура и участие; политические элиты; политические системы Германии, Франции, США, Польши.

Общественное управление и администрация. Этот раздел включает такие курсы: введение в общественное управление; основы теории права; конституционное право; административное право; трудовое право; основы гражданского и

^{*} Понятие «политическая наука» здесь аналогично понятию «политология».

хозяйственного права; введение в общественную администрацию; экономическая политика; финансовая политика; социальная политика; политика в области образования и культуры; права человека, этнополитика; политика в области национальной безопасности; организация избирательных кампаний.

Методология и методы политической науки. Сюда включаются курсы: информатика; методология политической науки; работа с ЭВМ; политическое прогнозирование; интервью, методы; информационное обеспечение Верховного Совета и правительства Беларуси; общественное мнение, исследовательские центры Беларуси.

Программа профессиональной подготовки предполагает обязательный выбор студентами одного из двух вариантов специализации: политические процессы и институты: теория и методология анализа (этот профиль нацелен на тех, кто предполагает работать в академических институтах, преподавать политические дисциплины в высших учебных заведениях, в средней и средней специальной школах); теория и практика государственного и политического управления (этот профиль нацелен на тех, кто предполагает быть вовлеченным в политическую деятельность и управление, включая местные органы власти, политические организации и движения, профсоюзы, частные организации. Специалисты данного профиля могут работать в аналитических службах средств массовой информации, государственных учреждений и специальных организаций).

Для получения степени бакалавра студенты обязаны: получить фиксированное количество кредитов по обязательным наукам; в течение четырех лет заработать фиксированное количество кредитов по соответствующим университетским курсам в сфере либеральных знаний; сдать экзамен на степень бакалавра; сдать сводный экзамен в избранной сфере политической науки; подготовить и защитить дипломную работу на степень бакалавра. Программа подготовки магистра рассчитана на получение степени магистра для специалистов с высшим образованием и обладателей степени бакалавра не по политическим наукам. Обучение рассчитано на два года.

Для реализации поставленных задач кафедра создала определенный задел программно-методического обеспечения учебного процесса, налажены надежные контакты и обмен информацией с научными центрами Беларуси и зарубежья. В 1991 г. кафедрой был подписан договор о научном сотрудничестве с кафедрой политической науки Калифорнийского государственного университета (Фресно, США). Кафедра получает научную и учебную литературу на английском и русском языках из Фонда международного книгообмена в Нью-Йорке. Кафедральная библиотека иностранной литературы насчитывает около 150 томов. Налажено тесное сотрудничество с кафедрой политической науки Латвийского государственного университета, планируется установление научных контактов с Педагогическим университетом г. Кельце (Польша) и Институтом политических наук Варшавского университета.

Курсы и программы, предлагаемые кафедрой политологии, предназначены помочь студентам стать активными участниками строительства демократического правового государства. Политология дает представление о том, как «строится» политика и каким образом граждане могут воздействовать на эту политику. Наши программы рассчитаны на подготовку ученых-политологов, политических деятелей и администраторов политики в самых разнообразных сферах общества. Студенты смогут избирательно углубленно изучать такие разделы политической науки, как «Теория и методология политической науки», либо «Сравнительный анализ форм правления». Курс «Общественное управление и администрация» рассчитан на подготовку студентов к занятию административных постов в службах и ведомствах общественного сервиса, в органах местного самоуправления. Студенты получают необходимые знания в области «public relations» (связи с общественностью) с тем, чтобы овладеть техникой политического менеджмента.

Каковы же сегодня возможности сделать карьеру для специалиста со степенью бакалавра или магистра политических наук в условиях Беларуси? В большинстве западных стран выпускники отделений политологии высоко ценятся во всех сферах, включая бизнес. Они работают в правительственных службах, агентствах и офисах, в кампаниях и организациях. Широкое распространение имеет практика параллельного обучения и получения второй специальности, что позволяет выпускникам занимать самые разнообразные административные должности в аппаратах законодательных и исполнительных органов власти, работать журналистами, репортерами, юристами, специалистами в области международной политики и т. д.

Государственные службы Республики Беларусь, частные фирмы, политические партии и движения уже сегодня испытывают нужду в кадрах политологов-

аналитиков, в специалистах по связям с общественностью, по организации избирательных кампаний и т. д.

Наши студенты будут проходить практику в научно-исследовательских организациях и институтах, в органах местного самоуправления, в штатах политических партий и движений. Лучшим студентам будет предоставлена возможность проходить практику в штатах постоянных комиссий Верховного Совета Беларуси, высших органов исполнительной власти. Мы будем давать студентам и серьезную юридическую подготовку, соответствующую номенклатуре предоставляемых им административных должностей.

Наша программа подготовки специалистов-политологов рассчитана не только на студентов отделения политологии. Степень магистра политических наук смогут получить выпускники любого факультета университета, обладатели дипломов и степеней бакалавра. Кстати сказать, сегодня высшие должностные посты в Республике Беларусь занимают представители технической интеллигенции. Поэтому кафедра стремится дать максимум и специальных технических знаний всем, кто не исключает для себя карьеры политического ученого, общественного деятеля, политического администратора.

Філасофія: Кароткі курс лекцый.
Мн.: Універсітэцкае, 1993. 160 с.

Рэцэнзуемая работа — гэта першае ў наш час выданне сістэматызаванага кароткага дапаможніка па філасофіі для студэнтаў ВНУ на беларускай мове.

Мы падзяляем думку аўтараў дапаможніка Бліхарж Р. І., Краўчанкі Л. Р., Мартынава М. І. аб тым, што філасофія ўзбагачае культуру мыслення, дапамагае рабіць выбар, паколькі «гэта перш за ўсё метада вырашэння пытанняў навуковага пазнання свету і агульных сацыяльных праблем. А авалодаць метадам — гэта значыць, вывучыўшы асноўныя агульныя палажэнні, навучыцца іх прымяняць, разбірацца ў новых фактах і, калі неабходна, творча развіваць іх».

Вывучэнне філасофіі — гэта школа, якая фарміруе ўменне апераваць паняццямі, падвяргаць аналізу думкі і дзеянні, аддзяляць істотнае ад другараднага, ісціннае ад ілжывага (памылковага), выяўляць і аналізаваць супярэчнасці рэчаіснасці.

Аўтары імкнуліся сістэматычна выклаці курс філасофіі. Такі падыход мае не толькі станоўчы метадычны сэнс, але і дае пэўную магчымасць выпрацаваць канцэптуальную сістэму філасофскіх ведаў з улікам, зразумела, абмежаванага памеру дапаможніка і яго прызначэння. Добра і тое, што аўтары ўжо з першых старонак арыентуюць студэнтаў не на запамыванне гатовых палажэнняў, а на ўменне творча прымяняць атрыманыя веды для аналізу складанасцей і супярэчнасцей сацыяльных працэсаў, на фарміраванне філасофскай культуры мыслення, якая дазваляе спалучаць дыялектычную гібкасць з канцэптуальнай вызначанасцю, дае магчымасць аналізаваць розныя погляды і на гэтай падставе знаходзіць асабісты выбар пазіцыі.

Ужо ў першым параграфу першага раздзелу аўтары паказваюць ролю і месца філасофіі не ў абстрактным выглядзе, а праз разнастайнасць адносін «чалавек — свет», праз аналіз форм пазнання і дзейнасці. Станоўчым з'яўляецца і тое, што

ўсе тэмы разглядаюцца ў аспекце адзінства светапогляднай, гнэсэалагічнай, аксіялагічнай і метадалагічнай функцый філасофіі. Аўтары выкарыстоўваюць вялікі гісторыка-філасофскі матэрыял, айначынную і замежную літаратуру. Прыемна зазначыць і тое, што ў дапаможніку ёсць параграф, у якім разглядаецца развіццё філасофскай думкі ў Беларусі.

Мы падзяляем пазіцыю аўтараў адносна таго, што нельга проста адкідаць марксісцка-ленінскую філасофію як нешта поўнасна памылковае, а трэба праз навуковы аналіз знайсці ёй рэальнае месца ў развіцці сусветнай філасофскай думкі. Трэба толькі больш настойліва ставіць пытанне аб неабходнасці крытычнага падыходу да многіх традыцыйных праблем. Зразумела жаданне аўтараў знайсці сапраўднае месца сацыяльнай рэвалюцыі як форме развіцця грамадства, але ж, нам здаецца, што роля рэвалюцыі імі перабольшаецца, а эвалюцыйнае развіццё разглядаецца як менш значнае.

Праблему каштоўнасцей (§ 9, пяты раздзел), на наш погляд, лепш было б аб'яднаць з § 4 гэтага ж раздзела, у якім разглядаюцца крыніцы і рухаючыя сілы развіцця грамадства (патрэбы і інтарэсы). Таксама лічым, што § 6 другога раздзела «Прырода. Чалавек. Грамадства» трэба было аб'яднаць з § 2 пятага раздзела.

Трэба выказаць удзячнасць аўтарам за дапаможнік, які прадстаўляе сабой першы вопыт беларускамоўнага сістэматычнага выкладання філасофіі. Хацелася б пажадаць аўтарам прадоўжыць работу па падрыхтоўцы да выдання больш поўнага падручніка па філасофіі на беларускай мове.

**А. І. Осіпаў,
В. П. Старжынскі**

Т. Г. Румянцев а. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. Мн.: Университетское, 1991. 150 с.

Тема агрессии, актуальная на Западе, сегодня стала архиважной и в нашем об-

шестве. Вместе с тем в отечественной социально-философской литературе последних лет сложилось далеко не полное представление о разрабатываемых за рубежом теориях агрессии, об их авторах, о многообразии существующих школ и направлений, которое не дает фундаментальной основы для серьезного анализа. Преодолению упрощения реальной картины данного феномена, исходящей из игнорирования многообразия разных тенденций и позиций исследователей; поиску новых теоретических и методологических ориентиров в изучении агрессии как явления и как социально-философской категории и посвящается данная книга.

Среди наиболее популярных автором выделяются: инстинктивистские концепции, берущие начало от Э. Фрейда; теория фрустрации и ее современные варианты (так называемые драйв-теории); теории социального научения и другие. Наряду с этими теориями, традиционно развиваемыми в русле зарубежной социальной психологии, автором рассматривается теория социального влияния (Дж. Тедeschi и др.), где использование терминов «фрустрация» и «агрессия» сопровождается значительным акцентом на их социальной обусловленности.

Автором внимательно рассматриваются факторы, способствующие агрессии: роль половых различий в агрессивном поведении; значимость расовой принадлежности индивидов; значение негативной окружающей среды, а также алкоголя и наркотиков. Далее, авторское внимание сосредоточивается на контрольных мерах по снижению уровня агрессии. Решение проблемы контроля во многом зависит от того, о каком виде агрессии идет речь: проявляется ли она на уровне межличностных и социально-групповых отношений или же внутри- и межгосударственных отношений. Показывается стремление многих зарубежных ученых подняться от индивидуального и межличностного уровня их рассмотрения до выявления закономерностей связи агрессивных ориентаций со всей системой социально значимых ценностей общества. При этом особое внимание уделяется границам использования той или иной техники, а также морально-психологическим аспектам тех действий, к которым может привести их широкое применение.

Завершая рассмотрение современного состояния исследований агрессии на Западе, автор делает вывод о том, что в конце 70-х и начале 80-х годов формируется тенденция к многофакторному, синтетическому пониманию агрессии, в котором учитываются самые разнообразные аспекты ее рассмотрения.

В условиях перехода нашего общества в новое качественное состояние невозможно проводить эффективную социальную политику без совершенствования теории и методологии изучения агрессии, без учета ситуации, когда прежние механизмы, сдерживающие агрессию и основанные на методах принуждения, разрушены, а новые, исходящие из внутренних побуждений, еще не созданы. В этом слу-

чае теоретический и методологический опыт современных западных теорий агрессии может способствовать решению ряда актуальных проблем, связанных с усилением преступности в переходный период.

Данное монографическое исследование существенно отличается от других тем, что в нем через корректно и кропотливо исследованные первоисточники раскрывается логика развития парадигм изучения агрессии в соответствии с изменяющимися требованиями научных подходов и конкретной общественной ситуацией. Книга, написанная в добротных научных и литературных традициях, не может не вызвать живого интереса у любого мыслящего человека. Она полезна и доступна широкому кругу читателей.

Г. Н. Соколова

А. Г. Т и к о в е н к о. Авторитет власти: прошлое и настоящее. Мн.: Наука і техника, 1992. 77 с.

Несмотря на продолжающуюся кризисную ситуацию в обществе и государстве, напряженность, конфликтность в социальных и политических отношениях, поляризацию массового сознания, все же появляются работы, отмеченные попыткой критического осмысления ортодоксального марксистско-ленинского государствоведения, советской политической практики, поиском новых подходов к проблемам государственно-правовой науки, политологии. Монография А. Г. Тиковенко — одна из таких. С учетом анализа различных формулировок «власть» и «авторитет», теории и практики советского государственного властвования автор освещает источники и основные свойства государственной власти, стремится донести до читателя свое видение причин кризиса последней. Исследуемый автором широкий круг вопросов, как и сделанные им выводы и предложения, представляются весьма актуальными и перспективными. В книге дается обстоятельный анализ авторитета советской государственной власти в прошлом и настоящем, изучается ее легитимность, культ государства, обосновывается консенсуальная, договорная основа властвования, способная вызвать доверие, уважение к нему со стороны подвластных, предлагается шире внедрять в практику авторитет в качестве одного из обязательных условий осуществления властных полномочий, пребывания в той или иной должности (с. 34—35). Автор привлекает внимание к негативной и плутократической власти, к проблемам соотношения власти и свободы, политического и общесоциального в государстве, к необходимости скорейшей переоценки практики государственного управления многовековой жесткой формулы «власть — подчинение», предполагающей повсеместное одностороннее, приказное властвование (с. 15—21), детального конституционно урегулирования статуса и деятельности институтов государственного насилия, показывает роль договора в от-

ношениях «власть — народ», выделяя потребность таких черт государственной власти, как ее публичность, правовая справедливость, моральность и национальность (с. 73—75).

Вместе с тем некоторые положения книги представляются спорными и нуждаются в дополнительном обсуждении. Требуется уточнения, детализации основная цель государственной власти на современном этапе. Хотелось бы, чтобы ав-

тор высказал конкретные соображения об авторитете народных депутатов, законодательной власти Республики Беларусь.

Полагаю, что рецензируемая работа, охватывающая проблемы на стыке политологии и государственного права, интересует не только специалистов, но и политических и государственных деятелей, практических работников, читателей.

В. И. Гончар

Нашы юбіляры

ПЁТР АЛЯКСЕЕВІЧ ШУПЛЯК

Споўнілася 50 гадоў дэкану гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдату гістарычных навук, прафесару Пятру Аляксеевічу Шупляку.

П. А. Шупляк нарадзіўся ў сялянскай сям'і ў вёсцы Брускаўшчына, што на Маладзечаншчыне. У 1961 г. закончыў сярэднюю школу, пасля службы ў арміі. Імкненне да ведаў прывяло яго ў 1965 г. на гістарычны факультэт Белдзяржуніверсітэта. Потым была аспірантура ў Іенскім універсітэце імя Ф. Шылера, пасля чыхавая абарона там кандыдацкай дысертацыі.

З 1970 г. П. А. Шупляк працуе ў БДУ выкладчыкам, старшым выкладчыкам, дацэнтам, а з 1993 г. прафесарам кафедры новай і навейшай гісторыі, чытае курсы па гісторыі краін заходняй Еўропы і Амерыкі.

Актыўную педагагічную дзейнасць П. А. Шупляк удала сумяшчае з навуковымі пошукамі. Ён напісана больш за 40 тэарэтычных і навукова-метадычных прац. Навуковыя інтарэсы юбіляра звязаны з праблемамі германскай гісторыі перыяду Веймарскай рэспублікі, усёй гісторыі Германіі і міжнароднага рабочага руху навейшага часу. Ён з'яўляецца сааўтарам такіх фундаментальных прац, як «Вялікая перамога і сусветны рэвалюцыйны працэс» (Мн., 1985), «Рабочы і вызваленчы рух у краінах замежнай Еўропы і Амерыкі ў новы і навейшы час» (Мн., 1986), «Нацыянальна-вызваленчы рух у краінах Азіі і Афрыкі ў новы і навейшы час» (Мн., 1990) і іншыя.

Значныя дасягненні прафесара П. А. Шупляка і ў арганізацыйна-метадычнай сферы. З 1981 г. ён намеснік дэкана, а з 1991 — дэкан гістарычнага факультэта. У апошні час на факультэце адкрыты новыя аддзяленні; мяняюцца і ўдасканальваюцца праграмы навучання; пішуцца і выдаюцца новыя падручнікі; факультэт першым у рэспубліцы перайшоў на беларускамоўнае выкладанне. Дэкан актыўна выступае на канферэнцыях, у друку на праблемах гістарычнай адукацыі ў ВНУ нашай краіны, уваходзіць у склад рэдакцыйных калегій трох навуковых і навукова-метадычных часопісаў. Ён абраны сустаршынёй Асацыяцыі беларускіх гісторыкаў, прыкладае шмат намаганняў для збліжэння гістфака БДУ і яго ўзаемадзеяння з інстытутам гісторыі Акадэміі навук Беларусі.

За шматгадовую плённую навукова-педагагічную і грамадскую дзейнасць П. А. Шупляк узнагароджаны медалём «Выдатнік вышэйшай школы СССР», ганаровымі граматамі міністэрства народнай адукацыі, рэктарата і мясцовага ўніверсітэта. Прозвішча Пятра Аляксеевіча ўнесена ў Міжнародны біяграфічны слоўнік (Кембрыдж, Англія).

Пётр Аляксеевіч Шупляк — прынцыповы і патрабавальны кіраўнік, добрабычлівы і чулы чалавек, верны і надзейны таварыш, гарачы патрыёт роднай беларускай зямлі. Калегі, супрацоўнікі, студэнты, рэдакцыйная калегія і рэдакцыя часопіса «Веснік БДУ» жадаюць юбіляру моцнага здароўя, шчасця, творчых поспехаў.

УКАЗАЛЬНИК

**артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта», серыя 3 (гісторыя, філасофія, паліталогія,
сацыялогія, эканоміка, права) у 1993 г.**

ГІСТОРЫЯ

<i>Багдановіч А. Г.</i> Ідэя дзяржаўнасці ў нацыянальна-вызваленчым руху Беларусі ў пачатку ХХ ст. (1900—1917)	3	3
<i>Байлукова А. М.</i> Грамадскія арганізацыі інтэлігенцыі ў пачатку ХХ ст. на Беларусі	3	6
<i>Гануш А. Г.</i> Археаграфічная дзейнасць <i>М. В. Доўнар-Запольскага</i>	3	15
<i>Давідовіч А. В.</i> Палітычная дзейнасць <i>З. Х. Жылуновіча</i> (1917 — пач. 1918 г.)	3	9
<i>Дин Сянпин.</i> О некоторых принципах комплектования контингента и подготовки учащихся белорусской профтехшколы в 70-е — начале 80-х гг.	2	17
<i>Жарков М. Г.</i> Стоит ли идеализировать дореволюционную Россию?	1	22
<i>Загорольский Э. М.</i> Проверка одной из гипотез начала славян	3	12
<i>Колб Е. Г.</i> Неолиберализм в политике ведущих буржуазных партий Франции 80-х гг.	1	17
<i>Корзун М. С.</i> Православно-социальная доктрина и «Сентенция» <i>Е. И. Пугачеву</i>	1	20
<i>Кутузова Н. А.</i> Партийная пропаганда и ментальные комплексы революционного народа (март 1917— июнь 1918)	1	6
<i>Літвіноўскі І. А.</i> Першыя крокі сельскай электрыфікацыі на Беларусі	2	9
<i>Пархімовіч М. М.</i> Аб некаторых аспектах аграрнай палітыкі на Беларусі ў перыяд нэпа	2	6
<i>Петров К. А.</i> Ритуальные ранги и функции участников средневекового сражения в Западной Европе	2	18
<i>Румак А. А.</i> Барацьба палітычных партый за ўплыў на класавыя прафсаюзы Заходняй Беларусі (1921—1933)	2	14
<i>Садыков М. Л., Ревяко К. А.</i> Дипломатический аспект предыстории пунических войн в оценке немецкого антиковедения ХХ в.	1	10
<i>Сосна У. А.</i> Кіраванне дзяржаўнай вёскай на Беларусі да рэформы <i>П. Дз. Кісялёва</i>	1	14
<i>Сташкевіч М. С., Раманоўскі І. Ф.</i> Манархічныя партыі і арганізацыі на Беларусі	2	3
<i>Сурта Е. Н.</i> Христианство в античной Галлии	3	18
<i>Урбанович А. А.</i> К вопросу о составе членов Учредительного собрания от Белоруссии и Западного фронта	1	3
<i>Фралова І. В.</i> Беларусаізацыя народнай асветы ў 20-я гады	2	11

ФІЛАСОФІЯ

<i>Александрова С. Н.</i> Полюсы творческих исканий Теодора Адорно (1903—1969)	2	28
<i>Глушакова Т. І.</i> Культурна-гістарычныя аспекты фарміравання беларускай школы абразавання (XI—XVI стст.)	3	26
<i>Елсуков А. М.</i> Основная проблема гносеологии и общие принципы ее разрешения	2	22
<i>Зеленков А. И., Ханей Ф.</i> (Германия). Системная природа методологического сознания в различных культурных традициях	1	31
<i>Карако П. С.</i> Проблема критериев и типологии экстремальных ситуаций во взаимоотношениях общества и природы	2	25
<i>Круглов А. А.</i> Религиозная обстановка в Республике Беларусь в современных условиях	3	31
<i>Лойко А. И.</i> Человек культуры и технический мир	1	27
<i>Мамаразаков М. С.</i> Мусульманская диаспора в Беларуси: проблема культуры	3	29
<i>Усманова А. Р.</i> Семиотическая модель универсума культуры в концепции У. Эко	3	21
<i>Шалькевіч В. Ф.</i> Філасофія Канта ў Беларусі ў першай трэці XIX ст.	3	24

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Божанов В. А.</i> Государственные служащие в СССР: историческая судьба социального слоя	3	40
<i>Глушаков В. Е.</i> Культура управления и культура потребностей (социологический анализ деятельности руководителей)	1	37
<i>Ионов И. Н.</i> Логико-методологический анализ проблемы реконструкции общественного сознания	3	43

Круглов А. А. Религиозная обстановка в Республике Беларусь в современных условиях	2	41
Курбыко Т. И. Ральф Дарендорф о классовом конфликте и конфликтной модели общества	3	37
Кунцевич К. Н. Либерализм и социализм: к вопросу об их соотношении	2	32
Кучко Е. Е. Использование метода экспертных оценок для социологического прогнозирования	1	40
Мельников А. П. О проблеме саморегулирования духовной культуры	2	34
Поликарпов В. А. Методологические проблемы социологического изучения последствий аварии на Чернобыльской АЭС	2	38
Цзян Е. (КНР), Старовойтова Л. В. Политический индифферентизм	1	42

ЭКАНОМІКА

Благуш И. С. О значении анализа регулируемых экономических систем	3	50
Бондарева А. М. Индивидуально-трудовая деятельность	1	46
Войтович В. М. Совершенствование экономических мер по предотвращению загрязнения окружающей среды	1	52
Воробьева Е. М., Воробьев А. В. Интеллектуальная рента	2	47
Ли Синь. Госкапитализм в экономическом строительстве КНР (свободные экономические зоны)	2	49
Петровская Л. М. Экономическая активность рыночных субъектов	3	56
Сильванович В. И. Проблемы реструктуризации сельского хозяйства	1	49
Черченко Н. В. Маркетинг в современной рыночной экономике	3	53
Янченко С. Е. О категориях политической экономии	3	46

ПРАВА

Барков А. В. Новая концепция Особенной части Уголовного кодекса Беларуси	3	59
Бибило В. Н. Место и роль суда в обществе	1	56
Демичев Д. М. Компетенция местных советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС	1	62
Мартинович И. И. О суде присяжных в Республике Беларусь	2	55
Павлова Л. В. Проблемы международно-правового регулирования непосредственного телевизионного вещания через искусственные спутники	2	52
Хомиц В. М. Новое в содержании уголовной ответственности и наказания в проекте Уголовного кодекса Республики Беларусь	3	62

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)

Адамушка У. І., Салькоў А. П. «Пуховацкая справа»	2	68
Бусько В. М. Адлюстраванне ў эканамічнай думцы Беларусі 20-х гг. поглядаў сацыял-дэмакратаў на рынак	3	69
Гантарэнка А. А. Станаўленне і развіццё ваеннай адукацыі на Беларусі ў XVIII—XIX стст.	2	70
Мартин Хайдеггер. Понятие времени (перевод с немецкого)	1	69
Мартин Хайдеггер. Понятие времени (пер. с нем. В. В. Сафронова)	2	63
Программа Белорусской Социалистической Громады	1	65
Программа трудовой (народно-социалистической) партии	2	59
Устав партии белорусских федералистов	3	67

НОВАЕ Ў НАВУЧАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ

Клюня В. Л. Формирование экономического мышления студентов и создание современного курса экономической теории	2	75
Коршук У. К. Аб вывучэнні гісторыі на негістарычных факультэтах	1	76
Решетников С. В. Начало и перспективы изучения политологии в университете	3	72
Шупляк П. А. Гісторыя Беларусі ў Беларускам дзяржаўным універсітэце (некаторыя праблемы выкладання)	2	73

РЭЦЭНЗІІ

Гончар В. И., А. Г. Тиковенко. Авторитет власти: прошлое и настоящее	3	76
Осіпаў А. І., Старжынскі В. П. Філасофія: кароткі курс лекцый	3	75
Романовский И. Ф., Кулеш Л. Н. Наше Отечество: Опыт политической истории	1	80
Соколова Г. Н. Т. Г. Румянцева. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке	3	75
Старовойтова Л. В. В. В. Беньковский, С. В. Решетников. Политология	1	81

ХРОНІКА

<i>Ходзін С. М., Часноўскі М. Э.</i> Першая ўсебеларуская канферэнцыя гісторыкаў (3—5 лютага 1993 г., Мінск)	2	81
---	---	----

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Пётр Аляксеевіч Шупляк	3	78
------------------------------	---	----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Мікалай Васільевіч Рожын	2	80
---------------------------------------	---	----